

ПОВЕЛИТЕЛЬ АСПЕКТОВ

ДА ЗАПЫЛАЮТ КОСТРЫ!

ВАЛЬТЕР ЛИТВИН

Полтора тысячелетия назад мир едва не погиб во время магического коллапса и устоял лишь благодаря верховному магу Шаррукину Куове. Спустя века считавшийся исчезнувшим Куова пробуждается от долгого сна, чтобы узнать, что его борьба с тёмной магией ещё не закончена. Но что он может сделать, лишённый былого могущества, в стране, где общество переживает один кризис за другим, а по улицам среди бела дня разгуливают тёмные адепты?

Даль обернулась тёмно-серой вуалью дождя, тщетно пытаюсь скрыть происходящее безумие. Полупрозрачные струи с каждым ударом сердца становились плотнее, пока наконец не слились в единую завесу. Но даже сквозь неё проступали картины приближавшегося кошмара... Грозовые цепи, неистово бьющие по древним кедром и вершинам белокаменных башен. Дома и дворцы, рушащиеся от каждого содрогания земной тверди. И люди. Хрупкие фигурки, тщетно пытающиеся найти спасение от непогоды и неизбежно гибнущие от падающих камней или унесённые обезумевшими потоками рек.

Конец света, неоднократно предрекаемый юродивыми и уличными шарлатанами, наступил, когда его ждали меньше всего. Наступил, чтобы собрать жатву из миллионов душ.

Над потемневшей от скорби равниной раскатился хор безысходности.

Молодые чародеи самоотверженно встречали буйство природы; сверкающие волны их магических Абстракций расходились вокруг, сдерживая тряску и одаривая людей короткими моментами надежды. Цари и светлейшие князья на своих колесницах мчались прочь, но на пути их ждала гибель. Маги-дозорные стояли на вершинах башен и трубили в рога, снова и снова, направляя учеников, пока не оглохли от громовых раскатов.

Шаррукин Куова, верховный маг Круга и хранитель Киэнги, отвернулся от дождя, и его охватило отчаяние, ибо происходило то, чего он изо всех сил старался не допустить. Вот-вот цивилизация людей падёт. Сколько раз он предупреждал о последствиях?

От запаха соли и железа закружилась голова.

«Будь ты проклят... Ты погубил нас всех».

Куова стоял на верхней площадке башни Круга, с его губ рвались слова призыва. Огненноволосые старшие маги окружили его, не переставая дрожащими голосами выкрикивать защитные напевы. Благодарно кивнув, Куова обратился к Паутине Душ. Он попытался пробиться к другим хранителям, но все связи оказались разорваны. Кроме одной. Он сосредоточился на тонкой нити — и вскоре перед ним проявились знакомые очертания, а затем оформились в чёткий образ.

Чёрные глаза Атиметли, хранителя Халаппы, обычно тёплые и спокойные, смотрели с ужасом.

— Атиметли! — воскликнул Куова. — Хвала Солнцу, ты жив!

— Куова, — выдохнул беловолосый маг. — Неужели боги решили наказать нас?

Верховный маг горько улыбнулся и покачал головой.

— Не боги. Алчный Каренасс предал Круг, а вместе с ним и всё человечество.

— Ты предупреждал нас о его вероломстве, — прошептал Атиметли.

— Да. Да, но царям Эрдины не было до этого никакого дела. Они прельстились его сладкими обещаниями всемогущества, поверили, что тёмная магия земных недр сильнее магии небесных сфер. И вот эта сила теперь на воле.

— Что мы можем сделать?

Бросив взгляд на друга, Куова вдруг ощутил болезненный порыв сострадания. В гладко выбритом лице хранителя Халаппы удивительным образом сочетались грубость и правильность. Идеальный изгиб бровей, идеально очерченные скулы и, словно в насмешку над всем этим, крупный орлиный нос. Но контраст между тёмной бронзоватой кожей и белыми прядями волос, порой выбивающихся из-под роскошного тюрбана, притягивал

внимание людей гораздо сильнее. Как и его голос: мягкий, бархатистый, но в то же время страстный даже в таких тяжёлых обстоятельствах.

«И как же прекрасна твоя беззаветная искренность. С ней ты мог бы вести за собой тысячи. Сотни тысяч!»

— Не мы, Атиметли. Я. Это моя вина, что предупреждениям Круга никто не внял. Мне эту вину и искупать.

— Нет... — едва слышно произнёс Атиметли.

— Прости меня, мой друг, но это всё, что нам остаётся. Сил моих и братьев хватит, чтобы запечатать разрывы, но не думаю, что кто-то из нас переживёт ритуал. Когда всё закончится, миру будет нужен новый проводник. Им станешь ты, Атиметли. Это будет твоя ноша.

— Позволь мне, Куова! Позволь я запечатаю мир. Если мне придётся пожертвовать своей жизнью...

— Я уже решил. Никто более тебя не любит человечество, поэтому именно ты должен стать новым верховным магом. Ты поведёшь людей к свету, когда рок минет нас.

— Разве я... достоин?

— Пообещай мне, — продолжил Куова, сделав вид, что не заметил неуверенности в словах старого друга, — что ты возродишь нашу великую цивилизацию. Так, что злодеяния Каренасса останутся в памяти лишь как дурной сон.

— Я обещаю. — Несмотря на выступившие слёзы, Атиметли улыбнулся. — Мой друг, мой господин.

— Как бы я хотел, чтобы до этого не дошло!

Улыбка сползла с лица хранителя Халаппы. Округлившимися от недоумения глазами он посмотрел на Куову.

— Видят боги, я совершил много ошибок. Если бы много лет назад я не позволил своей гордыне взять верх, если бы я уступил место верховного мага тебе, ничего этого сейчас не произошло. Я могу лишь надеяться, что через много лет люди простят меня, глупца.

— Не говори так. За долгие годы не было магистра мудрее и великодушнее тебя.

— Воистину, у тебя доброе сердце, Атиметли. Ах, если бы только у меня был второй шанс... я бы всё сделал по-другому.

Атиметли приоткрыл рот, но тут же закрыл и решительно кивнул.

— Я не подведу тебя.

Куова протянул руку, чтобы похлопать друга по плечу, но пальцы прошли словно сквозь дым. Тёмные глаза Атиметли побледнели, а вместе с ними во мраке начали таять его лицо и тело. Связь прервалась.

— Братья! — прокричал он, обращаясь к собравшимся вокруг дрожащим от потоков силы магам. — Час настал!

Шаррукин Куова, хранитель Киэнги, вновь обратил свой взор на город и раскинувшуюся за ним равнину. Теперь он видел это во всей красе. Ужас, обретший форму.

Люди бесновались. Расталкивая друг друга, они бросались под возведённые магами барьеры и вопили как дети. На горизонте возник смерч. Чудовищный вихрь необузданной чёрной энергии с льдисто-синими вспышками рвал небеса, обнажая пустоту за серым полотном туч. Он с оглушительным треском продвигался вперёд, оставляя после себя глубокие раны в земле, из которых фонтанами вырывалась пылающая кровь.

«Жив ли ты ещё? Видишь ли ты, какую силу освободил?»

Всё утонуло во мраке и грохоте, но до уха Куовы донеслись пронзительные рыдания и сдавленный голос.

— Я вижу смерть! — пронзительно завопил старший маг.

Куова, раскрыв рот, повернулся. Маг сидел на коленях, худые пальцы крепко стискивали растрепавшуюся бороду.

— Амнану... — попытался позвать его Куова.

Колдовской вихрь медленно растягивался по всему горизонту. Он казался столь огромным, что рядом с ним даже горы Эзилкаша казались всего лишь крупными холмами.

— Посмотри! Неужели ты не видишь?!

Безумные глаза, опухшие и покрасневшие, настойчиво смотрели на него, словно требуя безоговорочной веры.

— Амнану! — закричал Куова, перекрывая кошмарный гул. — Приди в себя! Нам нужна твоя сила!

«Иначе не выживет никто...»

Другие маги Круга, не обращая внимания на обезумевшего брата, продолжали петь сдерживающие заклинания. Порывы ветра вокруг башни усилились. Они принесли с собой песок, который безжалостно бил в лицо и царапал кожу. Украшенные золотым шитьём одежды едва не рвались.

Но песнь продолжалась.

— Всё повторяется!

— Во имя святого Солнца, Амнану! Замолчи!

«Прости меня, брат...»

Лицо старшего мага нахмурилось, когда Куова положил руку ему на лоб. Рыжие косы опали на плечи, пальцы соскользнули и коснулись каменных плит. Толстые губы пропустили удивлённый вздох, и в следующий миг Амнану замертво свалился набок, рассыпавшись прахом.

Кисти рук хранителя Киэнги разгорелись от пришедшей извне силы. Он оглянулся по сторонам, заметил согласие и готовность на лицах людей. Исчез и его собственный страх. Куова ощутил невероятное облегчение и, словно всплывающий из-под воды пузырь, взмыл вверх. Братья последовали за ним.

Час настал... Настал!

Небо излило последние слёзы, и теперь отовсюду поднимались столбы дыма. Далеко внизу бушевал огонь. Куова обменялся взглядами со старшими магами Круга, убедившись, что каждый знает, что делать.

Вспышка. Из восьми пар сложенных рук вырвались белые лучи, разбрасывающие вокруг себя золотые искры, и вонзились глубоко в плоть убийственного вихря.

От столкновения ввысь брызнули алые и фиолетовые магические всполохи. Поток ответной волны накрыл Куову. Невидимый таран разнёс его защиту на осколки и едва не свалил на землю, однако он устоял. Римушу повезло меньше: на мгновение он вспыхнул с яркостью солнца, а затем осыпался золой.

Куова напел себе новый щит, хотя и не ожидал от него многого. Хватит ли его собственных сил, чтобы закончить начатое?

Паля среди дыма и искр, Куова приближался к чёрному смерчу. Он знал, что по всему миру таких возникло несколько, но этот был сердцем — алчным, жестоким и в то же время уязвимым.

Несмотря на усилившийся привкус крови во рту и болезненно колющее горло, Куова повысил голос, выпевая самые мощные Абстракции. Он хранитель Киэнги, Первой цивилизации. Он Шаррукин Куова, верховный маг Круга и наследник древнего рода. Он не позволит миру погибнуть из-за жадности какого-то колдуна-недоучки.

— Ко мне, братья!

Волны жара окутали его, и он прижал к лицу изодранный рукав. Невесть откуда в голове возникла мысль, что потом неплохо было бы искупаться. Смыть с себя произошедшее безумие.

Яркие лучи слегка изогнутыми дугами вновь вонзились в чёрную ревущую стену, и та раскололась на несколько стройных колонн. Куова продолжал бить без перерыва. Прямо под него ногами выкипело небольшое озеро. Белые потоки подобно косам с ужасным треском прорезали колдовские вихри, а Куова пел громче и яростнее, пока не увидел последний оставшийся смерч. Ещё несколько магов погибли, а сам Куова стоял в небе на струях дыма и тяжело дышал. По лицу стекали кровь и пот.

Из-под земли начали вырываться пламенеющие синим столбы — последние судороги нечестивой энергии. Один из столбов зацепил его защиту, полностью разрушив её. Перед глазами возникли призрачные трещины.

Оставшиеся в живых маги Круга извергали энергии, наполняющие мир почти невыносимым звоном. Куова начал готовить завершающее заклинание, достаточно мощное, чтобы запечатать мир. Он вознёсся ещё выше в небо.

Всё вокруг превратилось в пульсирующую разноцветную сферу, растущую вокруг израненных золотистых рук. Сфера разрослась, она уже могла бы накрыть огромный город, но этого было всё ещё недостаточно.

Так тяжело... Где его братья? Нигсумму? Луга?

Из последних сил хранитель Киэнги прохрипел куплет. Сквозь тело просочились ослепительные струи магии, и Куова почувствовал, как часть пальцев на его ногах стала пылью. По лбу скользнул свет. Верховного мага, словно куклу, швырнуло в сторону.

Его тело охватило коконом мороза, а в следующий миг оно упало вниз, на руины города.

Глава I

Тонкий, словно звучащий из тростинки, свист ветра, прервавший убаюкивающий гул незримых волн. Давящая боль — будто виски стиснули ладони мстительного божества. Тело — невесомое, как в пустоте. Мысли перепутаны.

— Всё повторяется!

Ужас, поднявшийся из глубин. Голос прозвучал настолько близко, что, казалось, не ворвался извне, а долгое время выжидал внутри.

Сны возвращались.

Дремавшее сознание начало расплываться от прилива образов: бесчисленные города, пылающие от праведного гнева речи и легенды о том, что было прежде. Серые когорты, марширующие по выжженным чёрным равнинам. Ползущие впереди них железные чудовища, гневно ворочающие плоскими головами и изрыгающие пламя из длинных носов. Закоченевшие руки, стискивающие полые посохи. Раскиданные в длинных глубоких ямах мёртвые тела.

А над всем этим — глаза, серые, точно металл, на покрытом ожогами и щетиной бледном лице. И гулкий голос:

— An Domhain bydd bodha. — В отражении зрачков сверкнуло пламя. — O flaen an Naisunn is mho.

Куова очнулся, задыхаясь и глотая пыльный воздух, силясь найти точку разумного в мыслях. Он медленно, не веря в само своё существование, попытался покрутить шей, согнуть-разогнуть пальцы. Тело нехотя поддалось. Приоткрыл глаза, но не увидел ничего, кроме влажных камней под собой и бледного света от грибов на стенах. Затем он почувствовал дуновение слабое подземного ветра.

Куда подевались его братья? В следующий миг перед глазами восстала картина вспыхнувшего огнём мага, и Куова тихо застонал. Вновь почувствовав себя слабым и невесомым, он, будто крючьями, вцепился пальцами в острые камни.

На его лицо капала вода — тёплая, хотя в воздухе явно ощущалась прохлада. Он, едва справляясь с собой, устроился поудобнее, чтобы капли омывали не только сухой лоб, но и саднящие губы. На вкус вода оказалась чуть сладковатой. Куова подумал мире, который останется, когда он наконец снова уснёт.

«Нет! Не время! Я должен видеть...»

Куова кое-как поднялся, совершенно обессиленный, и тут же врезался боком в каменный стол, но не упал. Переведя дух и проморгавшись, чтобы глаза привыкли к темноте, он обогнул стол, добрался до прохода и пошатнулся, едва не споткнувшись о выступающую ступеньку. Прислонившись лбом к холодной стене, он увидел выцветшие рисунки и покрытые пылью хвалебные надписи. Заметил опрокинутые на пол жаровни. Затем разглядел кости под полуистлевшими красноватыми тканями. Когда-то здесь был небольшой дворец...

Куова отвернулся и, держась руками за стены, поплёлся по коридору. Не зная, куда идти, он направился просто вперёд.

Выживший верховный маг и хранитель Киэнги брёл через развалины. Спотыкаясь, он поднялся по грудам обломков и в который раз поражённо огляделся. Насколько велика сила, разрушившая всё вокруг? Выжил ли кто-нибудь? Он надеялся, что окажется не единственным,

кто осмелился выбраться на поверхность.

Запечатанная неизвестно как давно каменная дверь содрогнулась от ударившего в неё потока силы. Два мгновения спустя она пошла трещинами и развалилась на обломки. Буквально вытолкнув себя наружу, Шаррукин Куова рухнул на четвереньки и зажмурился от яркого дневного света. Он насчитал не менее сотни ударов сердца, прежде чем смог увидеть свои исхудавшие пальцы, впившиеся в мелкую желтоватую траву.

За спиной возвышались руины дворца, но некогда величественные и яркие стены потускнели, поросли мхом. Подпираемые с разных сторон кривыми деревьями, они казались древними, словно с момента разрушения прошло не одно столетие.

«Что же произошло? Осталась ли ещё хоть одна душа на этой земле? Сила?»

В лицо подул прохладный ветер, но он ощущался пресным, будто тщательно очищенным от магии. Земля тоже не подавала признаков наполненности. Куова вытянул левую руку к солнцу, однако и этот зов остался без ответа. Бледно-оранжевый шар висел в небе, укрытый прозрачной мерцающей плёнкой, и, казалось, был безразличен ко всему, что происходило на земле. Мир оказался запечатан с обеих сторон. Такова цена спасения.

«Солнце оставило меня. Теперь я один».

Куова встал на ноги и нетвёрдой походкой направился прочь от дворца. Неживой ветер тшился ободрить его сладковатым ароматом степных цветов и коммифоры.

К вечеру Куова достиг того места, где расположились загородные жилища. За рядами беспорядочно построенных низкорослых каменных домов возвышался город, что некогда был известен ему под названием Алулим. Что удивительно, город не выглядел разрушенным, но Куова не узнавал ни одной постройки — серые и вытянутые, они не походили ни на что из виденного раньше. Сколько же времени прошло с момента его падения, что всё так изменилось?

«И всё-таки это мой Алулим. Я чувствую это».

Он прошёл мимо покосившихся домов и ступил на гладкую тёмно-серую дорогу. Сплошной камень.

Он шагал по широким проходам, под узкими окнами, за некоторыми из которых горели яркие, как маленькие солнца, огни. Он спотыкался, засмотревшись на очередное чарующее свечение, и спешил проникнуть в глубины странного города.

Улицы здесь лишь отдалённо напоминали знакомый Алулим, и от этого Куове было не по себе. Он остановился, прислонившись спиной к стене, пытаясь обуздать тревогу — и тогда увидел первых людей. Коротко подстриженные, будто рабы, и в странных облегающих одеяниях, они беззаботно проществовали в нескольких шагах от мага, громко переговариваясь. Но Куова не мог разобрать ни слова...

«Это ведь всё ещё народ Киэнги. Как время могло настолько изменить их?»

Глубоко погружившись в размышления, Куова свернул под арку между двумя домами и уселся на деревянную скамью. Усталый разум тут же потонул в дрёме.

Когда Куова пробудился, наступил день; высоко в небе вновь светило безразличное солнце. Людей стало больше, они шли по своим делам, с опаской поглядывая на одинокого человека в изношенной бирюзовой мантии. Только одна рыжеволосая девочка подбежала совсем близко, вложила что-то небольшое в его ладонь и моментально упорхнула прочь. Маленькая монета. До Куовы вдруг дошло, как он, должно быть, выглядит после долгого путешествия, и он коротко, но громко рассмеялся, приковав к себе ещё больше недоумённых

взглядов.

Происходящее вокруг Куовы здесь и сейчас стало даже большей загадкой, чем увиденный образ человека с серыми глазами. Сидя на скамье, он пытался строить догадки и предположения, вспоминал старых врагов и знакомых, царей и тиранов из прошлого. Однако незнакомец по-прежнему оставался незнакомцем. По внешности и грубому отрывистому наречию можно было предположить, что он происходил из Эрдины. Вот и всё знание. А стоило Куове вернуться на улицы Алулима, как мир захлестнул его с новой силой, вырвал из мыслей. Он не мог заставить себя пошевелиться, а события проносились мимо, подобно степному ветру. Куова решил, что он сходит с ума, ведь окружение казалось совершенно чуждым и в то же время таким родным: и неумелые рисунки крылатых ирбисов на стенах, и молодой человек с золотистой кожей, глядящий на небо, словно возносил хвалу Солнцу; и доносившиеся издали звуки базара, которые ни с чем не спутать.

Но вот за спиной раздался протяжный утробный рёв — и Куова отскочил в сторону, налетев на возмущённого прохожего. По дороге прогрохотала чёрная колесница, но без вола или коня, а движимая некоей неведомой силой. Никто вокруг не придавал этому значения, а Куова потратил остаток дня, наблюдая за чудными и рычащими повозками, но так и не сумел разгадать их секрет. Эти творения поразили его до глубины души.

Утром следующего дня Куова проснулся от трескучего голоса над головой. Он резко поднялся и принялся тревожно озираться по сторонам, однако поблизости не было никого, хотя голос продолжал звучать. Неужто продолжение снов о неизведанном? Куова поднял глаза — и увидел на вершине невысокого столба два металлических цветка и осознал, что голос принадлежит им. Но разве возможно вдохнуть жизнь в то, что никогда не было живым? Их речь не отличалась от речи горожан — такой же таинственной и непонятной, хотя отдельные слова и конструкции казались знакомыми, что лишь запутывало сильнее. Вдруг голос умолк, а вместо него сквозь незримые рты зазвучала музыка. Время от времени одна мелодия сменяла другую, и это оказалось настолько чарующим явлением, что солнце вошло в зенит, когда Куова наконец продолжил свой путь.

Тем же вечером Куова присел на камень в саду, разбитом прямо посреди улицы, и стал наблюдать, как гонятся друг за другом стрелки на белом циферблате. Он сразу понял, что это часы, но — удивительно! — они не нуждались в солнечном свете. Стрелки показывали далеко за полночь, когда сну удалось оторвать его от этого завораживающего зрелища.

Новый день принёс с собой прорывающееся из недр разума отчаяние. Тело послушно выполняло любой каприз своего хозяина, но ощущалось при этом чужеродным, точно неудобные одежды. В тяжёлые минуты Куова попросту отдавал себя людскому потоку и, подобно выброшенной в реку дощечке, плыл по шумным улицам, не думая ни о чём и не глядя по сторонам. И лишь в редкие моменты он выныривал в охряных садах или узких проходах, чтобы, закрыв лицо руками, будто молитву повторять одну-единственную фразу: «Всё повторяется... Я вижу, всё повторяется».

Он бесцельно брёл по улицам Алулима. Его отчаяние перетекало в безумную апатию. В конце концов он перестал замечать прохожих; он сталкивался с ними, не обращая внимания на ответные толчки и гневную ругань. В поиске маленьких уличных фонтанов, из которых можно было напиться, потерял всякий смысл. Все потребности отошли на другой план, остались лишь тени города, воспоминания о прошлом и бегущие друг за другом часы.

«Зачем я здесь нужен?»

Когда солнце сползло до середины небосвода, он миновал несколько перекрёстков и

садов и вышел на улицу, оживлённую и широкую, точно река. Здесь туда и обратно мчались десятки незапряжённых колесниц и огромных карет, от которых исходил плотный запах горьковатого масла. Куова вспомнил о себе и теперь пробирался между людьми с осторожностью, стараясь никого не задеть. Наконец он дошёл до конца улицы.

Впереди раскинулась площадь — таких огромных Куова никогда не видел прежде. Прямо посреди неё, окружённые мозаикой жёлто-красных гладких камней, вздымались останки величественной постройки. Не смея пошевелиться, Куова смотрел, как тонкие фигурки детей взбирались по высоким ступеням, сновали по древним террасам... Белый зиккурат. Печальная и заброшенная обитель мудрейших жрецов Киэнги.

Полуразрушенный зиккурат казался древнее самой жизни. Верхние этажи обрушились под тяжестью лет, и наверняка ушлые дельцы и невежды при первой же возможности растащили плиты и кирпичи. Без цветущих на террасах садов и без храмовой площадки строение было подобно казнённому герою — раздетого, поверженного ниц и обезглавленного.

И всё равно один его вид вдохнул в Куову давно позабытое чувство. Коснувшись ладонью светло-серой стены, он вспомнил, как давным-давно, ещё будучи ребёнком, точно так же стоял перед зиккуратом.

Земля выскользнула из-под ног. Куова рухнул на колени и прижался лбом к стене. Занесённый оранжевым песком кирпич, казалось, безмолвно пел о дне, когда человечество стояло на пороге гибели. Римуш, Луга, старшие маги... быть может, их души навеки поселились в этом камне? Их и тысяч людей, которые не успели спастись. Словно древняя обитель стала памятником их жертве.

«Тебе тоже тут одиноко?»

Прогуливаясь по площади, Куова по-прежнему чувствовал на себе дыхание священных руин. Он осознал себя живым и подумал, что желает утолить свою жажду. Впервые за долгое время в голову пришла мысль, что можно попробовать что-нибудь купить в одном из шатров. За десять агоров, подаренных незнакомой девочкой, молчаливый торговец подал чашу с безупречно чистой пузырящейся водой. Куова маленькими глотками опустошил чашу и с любопытством отметил, что вода была сладкой и приятно щекотала горло.

«И вот, очередное чудо дивного города».

Он подглядывал за людьми, которые прохаживались рядом или отдыхали, развалившись на деревянных скамьях. В тихом углу заметил старика, умиротворённо сидевшего на земле с горящей свечой в руках.

«Это всё ещё народ Киэнги».

Куова почувствовал, как его дух воспрял, нашёл новый смысл. Встревоженное сердце обьяла теплом надежда.

«Пусть мы говорим на разных языках. Но в нас течёт одна кровь».

К закату на столбах вокруг начали сами собой зажигаться огни. Куова огляделся по сторонам, задержал взгляд на молящемся старике, на веселящейся молодёжи. И решил узнать о людях побольше.

Он прошёл вдоль столбов и остановился возле скамьи, на которой устроились трое молодых людей и со страстью обсуждали лежавшую на коленях у одного из них связку роскошно переплетённых листов папируса. Куова поинтересовался содержанием записей. Ответом стали недоумённые взгляды. Сидевшая с краю девушка постучала указательным

пальцем себе по лбу и что-то пробормотала. На удивление, одно из слов оказалось знакомым. «Бродяга».

Куова вздохнул. Без понимания языка и должного облачения у него не было ни малейшего шанса завести разговор. Вместе с ностальгией и грустной усмешкой в памяти всплыли картины, как он, Шаррукин Куова, встречает в мраморном зале колдунов из Эрдины, одетых в кожу и шкуры. Раньше всё было иначе.

Когда совсем стемнело, люди начали расходиться.

Неожиданно для себя Куова почувствовал болезненные спазмы в животе. Только сейчас он вспомнил, что с самого пробуждения в разрушенном дворце ничего не ел. Куова покинул площадь, свернул с главной улицы и начал петлять по узким проходам, пытаясь отстраниться от неприятного чувства, но голод продолжал терзать его тело.

Преображённый Алулим не смог свести его с ума, но станет ему могилой.

«Неужто боги решили так пошутить надо мной?»

Ноги отяжелели, но Куова продолжал идти. Многолетний опыт, мудрость и остатки магической силы потеряли всякое значение. В воздухе резко похолодало, звёзды в небе побледнели и расплылись. Куова свалился на землю, не дойдя всего пары шагов до маленького неказистого крыльца.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на мягком ложе и смотрит на серый потолок, покрытый тёмными пятнами. И он был не один.

— Гольяс, — медленно произнёс сидевший возле него мужчина и прижал правую руку к своей груди. — Урнунгаль Гольяс.

Человек, представившийся Гольясом, был не очень молод. Его худое лицо тут и там покрывали морщины, а когда-то ярко-рыжий цвет волосах значительно уступал седине. В ореховых глазах, однако, ещё жил огонёк, а рукам, казалось, никак не находилось покоя: они вечно что-то разминали, перебирали, хватали и в целом словно жили собственной жизнью. Сильнее необъяснимой беспокойности была, пожалуй, лишь общительность.

Овладеть новым языком оказалось проще, чем ожидал Куова: у него обнаружилось много общего с языком Киэнги. Так вскоре он узнал, что Урнунгаль Гольяс работает в городской библиотеке. Это не могло не вызвать удивления: несмотря на личный водопровод, прикрытые настоящими листьями стекла окна, мягкие кровати и ряд приспособлений, несомненно, магического происхождения, жилище слугителя храма знаний не выглядело роскошным. Двери и мебель могли развалиться в любую минуту. Вместо аромата благовоний в воздухе витал запах сырости. Также Куова выяснил, что жена библиотекаря оставила его четыре года назад, так что тот в одиночку растил сына по имени Иона.

Лампа — так Гольяс называл висевшее под потолком маленькое солнце — заливало золотистым светом почти всю комнату, так что Куова мог в любое время погрузиться в чтение. Книги рассказали ему об истории края, разросшегося на месте древнего царства Киэнги и названного Кашадфаном, что означало «страна гор». Одно короткое писание было посвящено Спасителю — мифической личности, предотвративший конец света, который едва не свершился более полутора тысяч лет назад. Авторы, описывая житие Спасителя, создали такую запутанную историю из перемешанных друг другом фактов разных периодов и небылиц (одна, например, утверждала, якобы он упал на землю с Солнца), что Куова далеко не сразу сообразил, что таким образом пытались воссоздать *его* личность. На вопрос, как можно этому верить, сам Гольяс пожимал плечами и заявлял, что вера теперь служит

интересам государства и мало кого интересует в чистом своём проявлении.

Раньше Гольясу приходилось разрываться между работой и воспитанием малолетнего сына, но с появлением Куовы всё изменилось. Куова проводил половину дня с Ионой и сумел быстро с ним подружиться: находить общий язык с детьми оказалось не в пример проще, чем с расчётливыми и амбициозными магократами. Порой достаточно было взглянуть на него, чтобы мгновенно понять, чего он хочет. Это весьма пригодилось, когда пришло время обучать Иону чтению, к чему у него обнаружился неподдельный интерес.

В качестве благодарности за приют Куова взял на себя и часть других повседневных забот. Он убирался в квартире (ещё одно странное слово, с которым оставалось лишь смириться), ухаживал за уличными растениями и через день занимался готовкой. Также ему пришлось серьёзно постараться, чтобы вспомнить плотническое ремесло, которому его учил отец едва ли не вечность назад. Жильё жреца знаний должно быть достойно своего хозяина, так сказал Куова, пресекая все возражения, которые могли последовать.

Гольяс старался не оставаться в стороне, но то и дело отвлекался. Что-то тревожило его. Лишь недели спустя выяснилось, что его донимали разбойники, с которыми наивный библиотекарь имел неосторожность сыграть в карты на деньги.

Порой Гольяс становился сам не свой — замыкался в себе и не обращал внимания ни на Куову, ни даже на сына. При стуке в дверь он бросал все дела и принимался судорожно искать место, где спрятаться. По утрам озирался на каждый шорох и даже несколько раз пытался неуклюже выбраться на улицу через окно. Иногда Гольяс возвращался из библиотеки бледный и взъерошенный, и тогда сразу становилось понятно, что лучше его не трогать. Он срывался на всех подряд, грубо обрывал любые попытки завязать разговор и отпускал язвительные замечания.

Наблюдая за этой нелепой игрой поведений, Куова узнал кое-что о пороках современного общества. Однако вскоре она ему наскучила. Очередным вечером он вышел на крыльцо вместо Гольяса, и у него состоялся непродолжительный разговор с непрошенными гостями. Его доводы были настолько убедительны, что те больше никогда не возвращались. Но особенно Гольяса удивило то, что для этого не пришлось прибегать к грубой силе.

Они сидели на кухне за столом, смастерённым Куовой, друг к другу лицом, держа в руках алюминиевые кружки с разбавленным пшеничным пивом. Горячая пища и алкоголь расслабили Гольяса, так что он не сдерживал себя в желании поболтать. Такое происходило в конце каждой недели: Иона укладывался в постель, а мужчины допоздна засиживались за беседой.

— Ты удивительный человек, Калех.

Так Куова называл себя в честь своего последнего слуги перед Гольясом и остальными, не будучи уверенным, стоит ли раскрывать о давнем прошлом то, что может показаться невероятным.

Он усмехнулся. Дожив до седин, Гольяс чудным образом не избавился от почти детской впечатлительности.

— За время нашего знакомства ты не раз повторял эту фразу, — заметил Куова.

— Когда я нашёл тебя, ты говорил на каком-то причудливом диалекте и опасливо косился на машины на улицах. Сегодня ты объясняешь Ионе грамматику и арифметику. И коль скоро меня уже целый месяц никто не тревожит, похоже, твой талант работы с деревом уступает лишь твоему таланту убеждать людей. Какие ещё секреты таятся в тебе?

Куова промедлил с ответом. Изменчивость настроения Гольяса временами ставила его в тупик. Перебрав с алкоголем, тот мог начать потешаться над его неведением, а в моменты фанатичного отчаяния едва не падал перед ним на колени и боготворил, не сдерживая эмоций. И тут в голову закралась мысль: «Ничто так не развлекает, как сказанная в шутку правда».

— Быть может, то, что я колдун из далёкой древности или переродившийся Спаситель?

Гольяс около секунды недоверчиво смотрел ему в глаза, а затем прыснул от смеха, зажав рот обеими ладонями, чтобы не шуметь. Куова засмеялся следом, чувствуя себя так, будто только что рассказал удачный анекдот. Успокоившись, библиотекарь дружески похлопал его по плечу, откинулся на спинку стула и протяжно отхлебнул из своей кружки.

— Я никогда не спрашивал, откуда ты пришёл. Ты был отшельником?

До недавних пор Куова старался избегать разговоров о своём происхождении, однако в копилке Гольяса собралось слишком много удивлений, чтобы он мог сдерживать нарастающее любопытство. Ничего не оставалось, кроме как скармливать ему тщательно отобранные зёрна истины.

— Не совсем. Но мой народ действительно жил уединённо, — признался Куова. — Мы почти не видели обычных людей.

— В горном кишлаке? — спросил Гольяс, свернув на тропу предположений. — Как вы выживали в такой изоляции?

— У нас было всё самое необходимое, хотя... Вряд ли можно сказать, что мы выжили.

— Что произошло?

— Катастрофа. В одночасье рухнул мой прежний мир, погибли все друзья, а я остался один.

Глаза Гольяса на миг округлились от ужаса.

— Ох, Калех, мне так жаль!

Куова наполовину наполнил свою кружку из кувшина, плеснул немного воды. За месяцы он научился разбавлять пиво так, чтобы оно сохраняло нотки вкуса и при этом не затуманивало разум.

«Разбавь трагедию скукой и безразличием — и она станет всего лишь ещё одним днём твоей жизни».

— Не стоит, — печально улыбнулся Куова. — Так или иначе, ещё долгое время я влачил существование в развалинах того, что когда-то звал домом.

— От одиночества и тоски можно сойти с ума...

Куова кивнул, как будто это были слова, которые хотел сказать он сам.

— И я покинул своё убежище, чтобы изучать мир, которого никогда прежде не видел.

— Надо же... А когда-то и я мечтал о путешествиях.

Гольяс говорил так, как если бы собирался поведать нечто совершенно новое. На самом деле он не раз хвастал тем, что в молодости объездил все самые крупные города Кашадафана. Видел разрушенные крепости времён цивилизации Киэнги. Ходил с караваном двугорбых верблюдов и полгода жил в ауле в степях. Куова не мог не признать, что лучшие годы библиотекаря оказались даже насыщеннее, чем его собственные. Но стоило ли слушать эти истории снова?

И всё же он отставил в сторону кружку и изобразил на лице заинтересованность, вперемешку с лёгкой растерянностью.

— Правда?

С улицы послышалось громкое тарахтение мотора, и Гольяс раздражённо закатил глаза. По его мнению, в поздний час на машинах разъезжают только чиновники и гуляки. Ни к первым, ни ко вторым симпатии он не испытывал. Хотя как-то раз признался, что будь на их месте, сам не сумел бы себя сдерживать. Впрочем, потухшее настроение моментально улетучилось с большим глотком пива.

— Ты не поверишь. — Губы Гольяса разошлись в широкой улыбке. — Хотел прогуляться по каждому континенту, узнать что-то о людях. Говорят, что в Улондомо у людей кожа что шоколад. Можешь себе представить? — Вдруг он помрачнел. — Но тут женитьба, сын, потом жена ушла, я постарел, а мечты так и остались мечтами.

— Но ведь ты учёный человек, Гольяс! — воскликнул Куова. — Я ни за что не поверю, что ты взял и похоронил свою тягу к незнакомому.

Гольяс в ответ хитро подмигнул. В ушах некоторых лесть звучит точно маленький секрет, который давно хотелось вытащить на поверхность.

— Ты прав. К нам в город часто приезжают гости из других стран. И если есть возможность, я обязательно стараюсь из кого-нибудь вытянуть хоть пару слов.

— И чем живут в мире?

— В Махатлане готовятся к очередной жатве, — произнёс Гольяс сдавленным шёпотом, словно ему неприятно было об этом говорить. — Так называют обряд жертвоприношения. Выше всех там живое божество, и раз в несколько десятилетий оно требует крови.

Куова вскинул брови.

— Прямо божество?

Гольяс кивнул с таким видом, словно это всем известные сведения, которые не стоят особого внимания.

— Один раз заглянул ко мне парень — белый как бумага, черноволосый. Я узнал от него, как живут в Аредiane, даже пожалел его тогда. Страна разделена, деньгами можно разве что стены обклеивать, а императора с острова иначе как Попрошайкой не называют.

Он умолк, как будто почувствовал, что сам не верит своим словам.

— Но я никогда не забуду этот блеск в глазах и эту уверенную улыбку.

— Неужели ты, Гольяс, завидуешь тому человеку?

— А как же не завидовать, Калех?! Его народ словно живёт верой в будущее! С такой верой недалёк день, когда у них появится достойный вождь.

— Вера бывает разная.

Куова невольно задумался о людях, которых встречал молящимися на улицах возле огненных чаш или со свечами в руках.

— В Кашадфане о вере говорить не приходится. Всё продаётся, всё покупается. Церковь вторит президенту и правительству. Низшее духовенство недовольно, но первосвященник с наместниками держат их на цепи.

— Ты с кем-то делился своими тревогами?

— Наверное, в твоей общине книжников почитали как великих мудрецов. Но пойми, Калех, здесь, в Алулиме, я такой же маленький человек, как и многие кругом. Язык и вовсе лучше держать за зубами. — Он вздохнул и покачал головой. — Просто жизнь прожить — это уже можно считать удачей!

Гольяс замолчал, обречённо глядя в опустевший кувшин.

— Я хочу отдать Иону в школу, но и это задача не из лёгких. Тому заплати, другому пообещай, а потом они разводят руками и просят ждать. И так раз за разом.

— Но ведь ты не один с такой бедой. Если бы вы вместе...

— Говорю же тебе, Калех, бессмысленно кого-то просить, бессмысленно куда-то жаловаться. Страна летит в пропасть, а никому до этого и дела нет. Все живут одним днём.

Гольяс разочарованно махнул рукой.

— Куда ни глянь, везде упрямые старики, которым нужно лишь тёплое местечко и больше ничего. С такими не договоришься.

— Упрямые старики, да. А что же молодые люди? Я встречал некоторых, и они показались мне довольно рассудительными.

— Молодёжи не так уж много надо, — со странным сожалением в голосе произнёс Гольяс. — Она пойдёт за любым, кто даст им хлеб и понятную идею будущего.

Почесав заросший подбородок, Куова снял монокль и убрал его за отворот кафтана. Массово распространившиеся благодаря моде пиджаки казались чересчур тесными, так что он решил позволить себе небольшую дань древнему прошлому. Гольяс всего раз отметил, что подобное носят только священники и цирковые маги, но переубеждать не стал.

В остальном, за пару лет, проведённых в новом мире, Куова значительно переменялся. Он охотно пользовался электричеством и водопроводом, последние новости узнавал из газет и радио, а куда не доставало времени дойти пешком — добирался на трамвае. Кроме того, он научился чувствовать энергию Солнца, хоть и значительно ослабленную магической завесой. Но в то же время в эфире стали ощущаться тревожные потоки. Куова пролистывал книгу за книгой, однако ответа о сути их природы не находил, кроме очередных сказок. Болезнь? Техногенное влияние?

От роя предположений и выводов начала трещать голова. Куова бережно расставил старые тома по полкам, постоял с минуту, убеждаясь, что ничего не забыл. И пошёл к выходу.

Двери библиотеки с пронзительным скрипом затворились за спиной. Подул холодный осенний ветер — и в памяти всплыли новые беспокойные образы. Мир в огне и человек с глазами цвета стали. Его слова в видении накрепко впились в разум, и Куова не успокоился пока не перерыл словари в поисках значения зловещей фразы.

В переводе с аредианского она звучала так:

«Весь мир склонится перед величайшей нацией».

Но кем был этот таинственный человек, явившийся в снах? Ни Гольяс, ни его товарищи из библиотеки никого не узнавали в могучем бородатом мужчине с бледной кожей и серыми глазами. Он мог бы быть аредианским тираном, но все знали, что правитель умирающей империи — дряхлый старик с печальными висячими усами. Впрочем, Куову это не обнадёживало. Желание тирана из тени до боли напоминало страсти предателя Каренасса.

Возможно, его пробуждение не было случайностью. Если так, то понадобится много сил, чтобы остановить надвигающуюся тьму. И сил одного человека, пусть даже некогда великого мага, будет недостаточно. Нужно, чтобы целый народ был на его стороне. Но как убедить их?..

Из мыслей Куову вырвала волна едкого воздуха, от которого спёрло дыхание и занемели конечности. Он обернулся и увидел трёх человек в строгих мундирах и тёмно-серых плащах. Они шли по улице, не обращая ни на кого внимания и вполголоса переговариваясь друг с другом. Внешне они напоминали магов-адептов — ничего, чем можно было бы удивить, если бы не витавшие возле их пальцев дымчатые всполохи. Это не сила Солнца, вдруг понял

Куова.

В душу начала закрадываться липкая и колючая тень ужаса.

Он отдёрнул взгляд от адептов, но даже так продолжал ощущать исходившие от них тёмные пульсации. Каким-то образом нечестивое колдовство, выпущенное на волю Каренассом осталось в мире и — хуже того — стало оружием.

«Неужели ты потерпел неудачу, Атиметли?»

Куова плотнее завернулся в шерстяную накидку и со всех ног поспешил домой.

Куова, держа за руку Иону, шагал вслед за Урнунгалем Гольясом по улице с недвусмысленным названием Малая Храмовая. Рядом с ними неторопливо двигался людской поток, со всех сторон доносился типичный гомон выходного дня.

Гольяс перестал смотреть себе под ноги, будто считая шаги, и обернулся. На всём пути от дома Куова внимательно следил за перепадами настроения Гольяса. Гамма эмоций в голосе и жестах библиотекаря колебалась от наигранной расслабленности до неприкрытого волнения. Сейчас ему ненадолго удалось расслабиться. На лице даже появилась бодрая усмешка.

— Вот, пожалуйста. — Гольяс пытался сохранить легкомысленность в голосе. — Самое важное место в жизни каждого кашадфанца, в которое, тем не менее, ходят больше по привычке, чем по необходимости. Храм Спасителя, Калех. Ты хотел посмотреть на него — вот твоя возможность.

Он махнул рукой в сторону массивного здания с конической крышей.

«И это храм? — удивился Куова. — Похоже, и впрямь место для посвящённых».

Иона выскользнул из его мягкой хватки и, пробежав вперёд, принялся задорно скакать вокруг Гольяса. Проходившая мимо женщина одарила его неодобрительным взглядом и что-то проговорила неразборчиво.

Гольяс вздохнул и нахмурился, но улыбки сдержать не смог.

— Я знаю, Иона, что по сравнению с дядей Калехом я кажусь тебе домашним тираном, но всё же я попрошу тебя в храме вести себя посдержаннее. Не приведи Богиня, ещё опрокинешь что-нибудь...

Не говоря ни слова, Куова приобнял мальчика за плечо и потрепал по волосам. Иона скорчил обиженную гримасу, но вырваться не стал.

Даже в таких незначительных на первый взгляд вещах, как недовольство ребёнка, Куова научился видеть сигналы несовершенства общества. В своих повадках и взглядах на мир взрослые мужчины и женщины в большинстве своём напоминали всё тех же детей, только маскировались за звучными чинами, строгими нарядами и жизненным опытом. Опыт, как правило, заключался в том, что они с особой тщательностью искали способ заменить одну ложь на другую. И как самые настоящие дети радовались, когда им казалось, что они наконец докопались до правды. Занимаясь обучением сына библиотекаря, Куова решил, что обнаружил хороший рычаг контроля над интересом.

Приоткрыть для людей завесу над безобидной тайной — и они не усомнятся, что до того им нагло лгали. Затем они потребуют свежей и на этот раз однозначно подлинной истины.

«Что-то даже спустя тысячелетия не меняется».

— Ты хочешь сказать, — изобразив невинное удивление, заметил Куова, — что, если Иона уронит на жреца подсвечник, это не будет считаться благословением?

Иона от смеха чуть не покатылся по земле.

— Скорее, первосвященник обратит суд против нас за порчу храмового имущества, — ответил Гольяс.

— Нас ждёт очередной час скуки, — раздосадовано пробубнил Иона.

Его слова стали для Куовы ещё одним свидетельством верности его недавних суждений.

«Ты не один так считаешь, но другие так просто не признаются в этом вслух».

— Не впадай в отчаяние, мой юный друг, — ответил Куова. — Лучше думай о том, что часы имеют свойство заканчиваться.

Иона снова скорчил рожицу, но на этот раз в ней не мелькнуло и тени раздражения. В глазах сверкнул задорный блеск.

«Значит ли это, что ты готов мне подыграть? Или хочешь только понаблюдать?»

— Ах если бы, — вздохнул Гольяс. — Даже если и заканчивается, потом всё повторяется по новой.

«Всё повторяется...»

Пройдя через выцветшие дубовые двери, они миновали короткий тёмный коридор и, проскользнув под занавесью из плотной ткани, очутились в храмовом зале.

Взору предстали роскошные сапфирово-синие стены, украшенные десятками мозаик, которые изображали яркие сцены из кашадфанской мифологии. Под потолком висели трёхъярусные люстры из голубого хрусталя. Вокруг гладких толстых колонн, подобно золотым змеям, вились тексты молитв и заповедей.

Куова не слишком удивился разнице между фасадом храма и его внутренним убранством — это вполне соответствовало духу жителей Алулима. Люди здесь, следуя многолетнему этикету, всячески старались показать свои сдержанность и неприязнательности, но после знакомства сразу сбрасывали маски и начинали соревноваться в роскоши и благосостоянии. Именно роскошь царила в храме, широкая душа обывателя, воплощённая в мраморе и хрустале.

В центре зала, выложенном узорчатой белой с золотом плиткой, собрались самые разные люди — мужчины и женщины, старики и дети, рабочие, мелкие торговцы и даже парочка солдат. Они толпились группками напротив трибуны, с которой, по всей видимости, вещал жрец. Все они были одеты скромно, что ещё больше принижало их на фоне окружающего великолепия.

Костяк современного общества. Плотный пучок прутьев в одной связке.

«Но даже стоя близко друг к другу вы не осознаёте своей силы».

Некоторые из людей, кто заметил появление Куовы, на время прекращали свои разговоры. Позабыв о приличиях, они открыто пялились на его одежды и пышную бороду, но, будучи застигнутыми, мгновенно тушевались, хоть и продолжали поглядывать украдкой.

Он привык к тому, что люди обращают на него внимание, но впервые за долгое время его разглядывало не менее сотни пар глаз. За несколько секунд ему удалось увидеть на лицах насмешку, удивление, интерес, даже робкое восхищение.

Куова выдерживал их взгляды с показным спокойствием, а сам скромно улыбался и кивал в ответ. Иона что-то шёпотом спросил у Гольяса, но тот лишь мягко дёрнул его за руку и потянул за собой.

Удовлетворив любопытство, люди отворачивались и, как ни в чём ни бывало, продолжали свои беседы. Гольяс поморщился и буркнул:

— Ну ладно, сегодня хоть есть где протолкнуться.

Куова хорошо знал, что библиотекарь по натуре — человек хоть и беспокойный, но внимательный ко всему. Одновременно с этим он чересчур серьёзно относился к тому, что кто-то может заподозрить его в слабости и неустойчивости. Чем больше творящиеся вокруг вещи переставали ему нравиться, тем явнее он демонстрировал небрежность.

— Тебя что-то беспокоит, — сказал Куова.

— Я был бы счастлив, если бы меня что-то успокоило, — тряхнув головой, ответил Гольяс. — Но как-то не выходит. Сперва ты расспрашиваешь каждого встречного о каком-то тиране, а потом одним прекрасным вечером возвращаешься сам не свой, начинаешь говорить о балансе сил, конце света и просишь отвести тебя на встречу со жрецом.

Его взгляд вдруг сделался сосредоточенным.

— Я не считаю тебя сумасшедшим, Калех, но почему так не могут посчитать другие?

Такой прямооты Куова от библиотекаря не ожидал и даже на мгновение замешкался. Однако он быстро вспомнил, что ничто так не расположит к нему другого человека, как будто невзначай упущенный миг неидеальности, способность усомниться в собственной правоте. Этим нежеланием быть всезнающим провидцем можно умело прикрываться, пока люди сами не потребуют от него стать чем-то большим.

— Возможно, я и в самом деле сумасшедший, — пожал плечами Куова. — По правде говоря, это был бы наилучший вариант.

Гольяс поджал губы и бегло окинул взглядом собравшихся.

— Что же, — вздохнул он, — раз так, то даже если жрец откажется с тобой разговаривать, здесь ещё много людей. Храм — то самое место, где гарантированно встретишь кого-нибудь из знакомых, а то и не одного.

В его словах звучало невысказанное опасение: будет лучше для всех, если пугающие истории не выйдут из этого тесного круга.

Библиотекарь осторожно указал на крупного мужчину со скрещенными на груди руками, который стоял у самого каменного ограждения.

— Вон, видишь того хмурого парня? Я обычно покупаю у него мясо, да и ты, наверное, пару раз точно его встречал. Он редко заходит в храм, так что, видать, на баранье рагу на следующей неделе можно не рассчитывать. То ли с поставками беда, то ли ещё что... Эх, когда лавкой владел его отец, дела шли не в пример лучше. Но тогда и времена были легче. На самом деле, он хороший человек: едва справляется, но никогда не задирает цены.

Куова понял, к чему он клонит. Такой, стоит только завоевать его доверие и дружбу, будет слушать тебя часами.

Он оценил простодушное лицо мясника, чуть скошенный набок нос и широкий лоб, торчащие сверху золотисто-рыжие волосы. Мясник перехватил его взгляд, и его глаза слегка сузились. Здоровяк моргнул и чуть качнул головой, как будто нехотя приветствовал надоедливую знакомого. Он пытался выглядеть агрессивным.

«Ещё одна маска отчаявшегося человека».

Куова ответил ему открытой улыбкой, от чего мясник опешил и чуть заметно качнулся назад. Стало понятно, что ему чаще приходилось сталкиваться с обвинениями и оскорблениями, если не с угрозами.

«И сколько ещё ты продолжишь унижаться перед окружающими, надеясь, что однажды всё изменится?»

— Выглядит крайне недовольным, — сказал Куова.

— Ну ещё бы... — пробормотал Гольяс и сдержанно кивнул мяснику.

Мясник издал звук, похожий на хмыканье, и отвернулся.

— А тот сварливый старик, — продолжал библиотекарь, кивая на лысеющего пожилого мужчину, стоявшего поодаль, — это наш аптекарь, с соседней улицы. То ли Сирван, то ли Сарбан — никак не могу запомнить. На удивление разговорчивый для человека, о котором

почти никто ничего не знает.

Куова усмехнулся — последняя фраза хорошо подходила и ему самому.

— Если он не стоит за прилавком, то, наверняка, молится в храме.

«Он весьма искущён в вопросах веры», — вот что хотел сказать Гольяс.

Старый аптекарь не замечал их; вместо этого он с кем-то оживлённо спорил. Он то и дело взмахивал сухим костистым пальцем. Кожа на носу и щеках побагровела. Седые бакенбарды растрепались, делая старика похожим на худого голодного льва.

— Сейчас не слишком-то похоже, чтобы он молился, — лукаво заметил Куова.

— Этот из тех, которые никогда не будут довольны. Им и камни раньше не такие острые были, и ветры дули теплее. А браниться с кем-то для него сродни милому развлечению после тяжёлого дня.

Однако, глядя на него, Куова осознал, что дело куда глубже, чем просто скука и тоска по славному прошлому. Слишком уж часто в своей прошлой жизни он видел стариков с грозным голосом, но поникшими плечами. Людей, которые напоминали колесницы, внезапно лишившиеся упряжи, однако продолжавшие двигаться за счёт набранного прежде разгона.

«У него никого больше не осталось... Только вера».

Но было что-то ещё: угасающий взгляд, усталость в морщинах вокруг рта...

«И он теряет её. Слова жрецов для него пусты».

— О боги, — неожиданно скривился Гольяс, — видел, кто только что вошёл?

Он напряжённо смотрел в сторону входа для служащих храма, откуда только что появился человек: высокий мужчина в тёмно-сером одеянии адепта. Его длинные волосы были уложены назад, открывая высокий лоб, и напоминали густую каштановую гриву. В глазах плясали мрачные огоньки, а на обрамлённых щетиной губах застыла высокомерная усмешка. Вокруг рук пульсировало еле заметное тёмное марево.

— Колдун... — Куова стиснул ладони в кулаки и резко разжал.

Лицо Гольяса превратилось в безразличную маску.

— Именно. Это Абрихель, старший адепт Храма, один из ручных псов первосвященника. Если он приходит на службу, то за тем, дабы проследить, чтобы жрецы не позволяли себе отступать от канонов. Ух... выглядит так, будто выискивает себе жертву.

— Ты знаешь его?

— Он несколько раз приходил ко мне за книгами, — ответил Гольяс так, словно чувствовал себя виноватым за это. — У меня с ним проблем никогда не было, но лучше бы я с ним никогда не встречался.

— Он пугает тебя?

Гольяс распахнул глаза — словно и без вопроса всё было как на ладони.

— Он фанатик, Калех. За идею ни перед чем не остановится. Если у него был брат, то, почти уверен, он уже собственноручно убил беднягу. Во имя идеи, само собой.

Куова кивнул. «Если и предаст хозяина, то исключительно ради более праведной цели. Что почти невозможно».

Стараясь не поддаваться тревожным воспоминаниям, Куова перенаправил внимание на молодого человека в синей униформе жандарма. Он стоял в стороне от всех, вытянувшись в струну и заложив руки за спину. От него сложно было оторвать взгляд, и вскоре стало ясно почему: под шапкой вьющихся медных волос его глаза напоминали ярко-голубые кусочки льда.

— Этот юноша, — Куова ненавязчиво указал на парня, — кто он?

— Тот, голубоглазый? Это Артахшасса Тубал, из жандармского корпуса. Его приставили с год назад, чтобы присматривал за порядком. Не могу сказать, что он за человек, но плохого о нём никто не говорил.

— Артахшасса? Он из княжеского рода?

— Какое там... — покачал головой Гольяс. — Сирота. Одному Спасителю известно, скольких трудов ему стоило, чтобы пробиться в жандармерию.

По первому впечатлению Артахшасса держался с достоинством, словно не чувствовал ни капли сомнений в важности своей миссии. Однако приглядевшись Куова заметил, как подрагивали от напряжения его плечи; дежурная полуулыбка сквозила болью.

«Это не то, чем бы ты хотел заниматься, верно?»

Но было в его позе нечто большее, чем неестественность. Молодой жандарм постоянно переводил взгляд с места на место, но не так, как если бы желал охватить всё, а так, будто продумывал побег.

«Ты боишься людей и их ожиданий? Поэтому ты прячешься за строгой формой и видимостью силы?»

— Мне отчего-то его жаль, — сказал наконец Куова. «Наверняка он хотел бы всегда поступать правильно».

— Потому что ему нужно каждый день слушать болтовню жрецов? — подал голос Иона.

Гольяс тихо рассмеялся, но мальчик уставился на него непонимающе. «Но разве это не так?» — без слов вопрошали детские глаза.

— Дитя всегда зрит в корень, — сказал Гольяс и тут же вздохнул: — Что до жалости, то я разделяю это чувство с тобой, Калех.

— Почему?

— Потому что у нас не принято любезно ставиться к тем, кто отличается от большинства.

Куова почувствовал лёгкое разочарование банальностью ответа. Он покачал головой.

— А как по-твоему, — с усмешкой спросил он, — надо мной тоже будут потешаться?

Библиотекарь развёл руками.

— По логике должны были бы, но, думаю, не станут. В тебе есть какая-то сила, что-то...

Гольяс оборвался на полуслове, когда в храме внезапно воцарилось молчание. В зал вошёл полноватый человек в перламутровых одеяниях жреца. Он не подал виду, когда Абрихель отступил с его пути без особого почтения. На лице его отражалось ничем не замутнённое благоволение.

— Явился, — со странной смесью недовольства и облегчения буркнул Гольяс.

Жрец поднялся к трибуне и плавным движением пухлой кисти повелел всем опуститься на колени. Беззвучный приказ исполнили все, кроме Абрихеля, Артахшассы и Куовы, но его потянул за собой библиотекарь, стоило на лице жреца проявиться снисходительному негодованию. Куова неприятно ударился о мелкую плитку и склонил голову, однако продолжал наблюдать исподлобья.

— Проповедник? — шёпотом уточнил он у прижавшегося лбом к полу библиотекаря.

Когда новым взмахом руки жрец позволил прихожанам подняться, Гольяс буркнул что-то нечленораздельное и отчаянно взглянул на Куову.

— Да, — ответил он напряжённым голосом. — И из всех, кого я заставлял здесь, этот самый жадный и чванливый... Боюсь, Калех, он к тебе не прислушается.

— Добрые люди, приветствую вас! — объявил жрец самым благожелательным голосом из всех, что Куова слышал за последние недели. — Приветствую вас в скромном храме Спасителя!

Он обвёл прихожан полным снисхождения взглядом. На один миг задержался на Куове, но даже не переменился в лице.

— Наша жизнь тяжела! — провозгласил наконец он. — Но это не повод сетовать на судьбу! Спаситель завещал нам, что нет воли высшей, чем воля Богини! Нет человека праведнее, нежели тот, кто склонится пред волей сверху! Мы же стенаем, когда думаем, что нас никто не слышит, клянём несправедливость мира. Мы жалуемся вместо того, чтобы прислушиваться. Разве не понимаете вы, что этот путь ведёт в никуда?

— Мы понимаем, — вполголоса проговорила какая-то женщина и несколько человек повторили за ней.

Жрец горько улыбнулся. На Куову столь грубая неискренность не произвела впечатления.

— Вы понимаете! — Он выбрасывал слова нарочито театрально, будто выступал на сцене. — Но вы понимаете сердцем, или только ушами?

Он выпростал правую руку из-под пышного рукава рясы и воздел к потолку толстый указательный палец. С задних рядов ещё доносились шёпотки, но жрец удовлетворился тем, что голоса спереди смолкли. Несколько секунд прошли в молчании. Затем неуклюже растопыренные пальцы жреца начертили в воздухе священный символ колеса.

— Скажите мне, люди, — спросил он, довольный тем, как прихожане внимают ему, — есть ли высшая добродетель в трудные времена, чем смирение?

Куова мягко шагнул вперёд и посмотрел в глаза жрецу.

— Свобода.

— Свобода? — переспросил жрец, повернувшись к нему. — Ты, видно, предлагаешь спустить всех псов с поводков?

— Нет. Я предлагаю расковать людей.

Жрец расплылся в улыбке, будто к нему на службу привели заблуждающегося юнца, наивного мальчишку, путающегося в собственных убеждениях. Куова уже понял, что тот уже настроился показать всем, насколько невежественен осмелившийся поспорить с ним бродяга.

— Разве эти люди скованы? — поинтересовался жрец.

— Ложь, прорастающая в храме, надёжнее любых оков.

Жрец приоткрыл рот от удивления.

— Но почему же ложь?.. Человек волен выбирать свои дороги, но над ним всегда будут стоять воля Богини, заветы Спасителя, долг перед государством...

Настал черёд Куовы чувствовать себя терпеливым наставником.

— И первосвященник?

За спиной послышались чьи-то смешки.

Жрец нахмурился и потупил взгляд. Куова предположил, что теперь он лихорадочно продумывал, как выпутаться из собственной паутины лжи или хотя бы соскочить с неудобной темы. Раздалось тихое постукивание пальцев по дереву, и жрец поднял глаза.

«Ты не можешь оступиться, — подумал Куова. — Слишком долго ты впитывал и распространял ложь, придуманную духовенством».

— Ах, ну да, — со снисходительной улыбкой сказал жрец. — Конечно-конечно, люди должны быть свободны, должны проявлять себя... Но все мы знаем, к чему это приводит в действительности, не правда ли?

Куова промолчал. Он позволил себе пропустить ход, от чего на лице жреца отразилось ликование:

— Вот на юге, например, некий народ решил взять в руки оружие и отгородиться ото всех в горах. Они убивают всякого, кто покажется им на глаза.

Вновь Куова ничего не ответил. В некоторых спорах достаточно было выждать, чтобы оппонент сам загнал себя в ловушку.

— Такова твоя свобода. И вот скажи на милость, что заставило их избрать путь жестокости и бессмысленного кровопролития, как не отказ от смирения?

— Дело не в смирении, — покачал головой Куова.

— Тогда почему они предпочли отвернуться от нас?

Тишина.

— Так почему же?

Теперь ответа ждали все без исключения.

— Я думаю... — он на секунду задумался, подбирая слова, — это от недостатка веры.

— Вот и я об этом! — подхватил жрец. — Именно об этом я и говорю! Неверия не позволило им впустить в свои сердца смирение, и оттого...

— Им не хватило вашей веры.

— Что-что? — ошарашенно переспросил жрец. — Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Щёки жреца побледнели, и Куова позволил себе незаметно возгордиться эффектом сказанных слов. Он не мог позволить себе большего, пока в зале находился куда более опасный противник. Абрихель не вмешивался, но взгляд его уже сделался убийственным. В воздухе повисло леденящее напряжение.

— С нас хватит! — рассержено бросил мясник. — Этот человек говорит, что веры у тебя меньше, чем золота в одежде.

— Не простакам вроде тебя рассуждать о вере! — подался вперёд жрец.

— И не продажным дельцам вроде тебя! — с несвойственным для него энтузиазмом выпалил Гольяс.

Старый аптекарь повернулся к Куове:

— Мил человек! Так, по-твоему, Спаситель не завещал нам падать на колени, чуть ветер дунет?

— Кого ты слушаешь? — проскрежетал жрец. — Ты первый раз в жизни его видишь!

— Ну это определённо всё меняет! — съязвил в ответ Гольяс. — Я вот не впервые вижу, как ты говоришь о вере и добродетели. А сколько ты месяц тому с меня содрал за то, чтобы, простите, люди, сыну моему кусочек кожи отрезать? Что же ты о своих добродетелях умалчиваешь?

— Да за бесплатно тебя похоронили бы раньше! Вот какова твоя благодарность, книжник?!

— Головной верблюд задаёт темп каравану, — подловил его аптекарь. — Как на брюхо завалится, так ещё долго остальные на месте топтаться будут.

— Какой верблюд?! Какой караван?! Я говорю, что нечего слушать кого попало! Неужели не понятно?

— Да уж понятно! — бросил мясник. — Тебя мы тоже знать не знаем!

Приглушённый смех сменился откровенным улюлюканьем.

— Храм Спасителя — не место для шутов и смутьянов, — раздался жёсткий голос, и все мгновенно замолчали.

Куова понял, что всё это время Абрихель подмечал слабости обоих оппонентов, а теперь наконец сам вступил в игру. Все застыли, ожидая, что он скажет.

— Вы собрались порассуждать о вере, о свободе, — продолжил он полным презрения тоном. — Что вы знаете о свободе? Свобода — это не вечная беззаботность и благоденствие. Это бремя веры в то, что в нужный момент сможешь остановиться перед соблазном.

Он подплыл к ограждению и удовлетворённо усмехнулся, когда прихожане в страхе отпрянули от него. Прошёлся вдоль, ведя длинными пальцами по бледной каменной поверхности.

— Всё, что этот бродяга вам наговорил — пустой звук, — заключил Абрихель. — Если дать каждому волю, то в конце пути нас будут ждать хаос и отчуждение.

Он бросил пренебрежительный взгляд на жреца, так что тот поспешил спрятать трясущиеся руки в рукавах. Потом пристально взглянул на Куову; в светло-карих глазах сверкнула искра гнева.

— Задайтесь вопросом, — сказал он. — Спросите себя, для кого вы только что послушно раскрыли уши? Неужели вас не смущает, что нынче кто угодно может войти в храм и начать поносить его? Вы так наивны, чтобы думать, что, надев наряд фокусника, кто-то имеет право подвергать сомнениям веру? Что ему лучше первосвященника знать, что завещал нам Спаситель?

Абрихель перевёл взгляд на Гольяса.

— Я вижу, Гольяс, ты заводишь себе странных друзей. Может, ты скажешь, почему он достоин хоть слово сказать?

Воцарилась мёртвая тишина, люди вокруг даже дышать старались тише.

«Твоё главное оружие — страх, Абрихель? А может быть, и твоя главная слабость...»

— Может, дядюшка Калех прав? — вдруг пропищал Иона. — В жёлтом «Писании» с смирения ничего нет. Только что Спаситель очень любил сушёный инжир.

Прихожане с облегчением рассмеялись.

— Давайте сравнивать детские книжки со Священным Писанием, — фыркнул Абрихель.

— Что то книжки, что то, — отпарировал Гольяс. — Все написаны руками смертных.

— Не всё так просто, сынок, — вмешался старый аптекарь. Он ещё колебался в выборе стороны. — Тех смертных мы знаем, так познакомиться бы и с этим.

Взгляд Гольяса буквально кричал о глупости затеянного, но всё-таки он нашёл в себе силы взглянуть в глаза Куове.

— Ты ведь... расскажешь им?

Пока длилась перепалка, Куова внимательно наблюдал за колдуном, сдерживая напряжение. Теперь, когда все взгляды устремились к нему, он одарил Абрихеля насмешливой улыбкой и встал в центре небольшой группы прихожан.

— Я понимаю, вы хотите знать обо мне больше, — медленно начал Куова. — Убеждаете себя, что охотнее поверите слову близкого приятеля, чем незнакомца, стоящего за трибуной. Что же, я человек простой и бесхитростный. — Он помолчал и смущённо улыбнулся. — Ну ладно, немного хитрости никому не помешает, иначе ведь на ярмарке в День Перерождения

разориться можно! — По залу прокатились приглушённые смешки. — За стакан горячего лимонада торговцы просят целый ильташи! Обычно мне удаётся сбить цену до сорока агоров, но потом я задумываюсь: что движет этим человеком? — Он выдержал паузу. — Простота. Маленькие земные желание. И оказывается, что торговец — пусть бесчестный, неправедный, но простой человек. Как и уважаемый жрец, забывший о заветах Спасителя, чтобы не нуждаться в деньгах и тёплом крове. Как и я. И даже сам Спаситель, если приглядеться, тоже окажется простым человеком.

— Только ты не Спаситель, — резко заметил Абрихель. — Придержи свою заносчивость.

— Кто бы говорил! — яростно крикнул мясник. — У самого-то под рёбрами один большой кусок высокомерия!

— Ну уж нет! — ревностно выпалил Абрихель. — Моё сердце принадлежит народу Кашадфана. Ему я служу! А этот человек — шарлатан.

— Неужто судишь по одежде? — подловил его мясник, решительно шагнув вперёд. — Чем же ты лучше?

— Я не такой как он! — отрезал Абрихель. — И это не имеет значения. Лучше задайтесь вопросом, что этот фигляр скрывает от вас.

Мясник встал, широко расставив ноги, прямо напротив колдуна. Он выглядел здоровым и разъярённым, точно бык.

— Пока мы слышим только твоё слово против его.

— У-у-у, — издевательски завыл старый аптекарь, — ну уж колдуну-то скрывать нечего!

— Тебе не понять, болван! — громко зашипел Абрихель. — Я хожу тропами, которые ты даже во снах не увидишь!

«И это всё, — догадался Куова. — Он опирается не столько на слова первосвященника, сколько на своё колдовство. То, что позволяет ему по-настоящему чувствовать за собой силу...» Только сейчас Куова заметил неровную осанку колдуна, его подрагивающие веки и неестественно напряжённые мышцы возле правой скулы. Без тёмной магии он был бы обычным человеком, в расцвете сил страдающим от болезни. С ней — живым бичом вероотступников.

— Я пытаюсь добиться ответа от вас, — всё больше распалялся Абрихель, — какое право имеет проходимец вещать о заветах Спасителя?

— Но нас заботит другой ответ! — неожиданно воскликнул Гольяс. — Ответ, почему искажающий реальность колдун говорит нам об истине.

И тут же бросился за спину Куовы, когда колдун метнул в него хищный взгляд.

— Да ты совсем из ума выжил со своими пыльными книжками! Сколько лет я служу первосвященнику? И теперь ты заявляешь, что мне нет веры?!

— Это ты из ума выжил, колдун, — процедил мясник. — Скоро того, кому будет хватать ильташи, чтобы купить у меня кости, можно будет звать зажиточным. А ваша братия призывает подчиниться и кормиться вашей ложью! Да в задницу себе её засуньте!

— Вот как? — вкрадчиво переспросил Абрихель, став вдруг воплощением спокойствия. — Я лгу? А чем ты подкрепишь своё обвинение, мясник?

— Уж искренность от вранья я отличить смогу! Я видел, как бьются свиные сердца. Прямо как твоё, колдун.

Абрихель некоторое время помолчал, придерживая гнев и тщательно взвешивая свои

следующие слова. Куова понял, что колдун пусть и не блестяще контролировал свои эмоции, но играть на них долго — бесполезно.

— Так значит теперь *твоим* ртом говорит Спаситель? Не многовато ли толкователей Его заветов в одном храме?

Вперёд выступил старый аптекарь, который почти всё время перепалки стоял позади.

— Раз богам не интересен наш спор, пусть его рассудит тот, кто стоит в стороне, но на земле.

Старик остановил взгляд на стоявшем в стороне Артахшассе.

— Что насчёт вас, юноша?

Молодой жандарм вытянул голову так, что жилы на его худой шее натянулись. Теперь он на время стал новым центром внимания. На его лице впервые чётко проявилась неуверенность. Тем не менее, Куова осознал, что именно этот парень станет ключевым персонажем в его представлении.

— Может быть, спросить у этого человека, — несмело предложил Артахшасса, — на чём лежит его знание?

Куова одобрительно посмотрел на жандарма, в его полные ожидания голубые глаза.

«Задать правильный вопрос — большего я бы у тебя и не попросил».

— Я пришёл издалека, — Куова решил начать свой рассказ с короткого ответа.

— Так вы чужестранец? — удивился Артахшасса. По его беспокойному взгляду было видно, что он не знает, проблема это или преимущество. — Вы принесли с собой верования другого народа?

— Я несу с собой не верования, юноша, но всего лишь слово. Мой народ очень стар, он берёт начало в предгорьях Эзилкаша. Именно там, в одном из кишлаков, я вырос...

— Кишлаков? — презрительно перебил Абрихель. — Мы будем слушать деревенскую байку, чудесно!

— Господин Абрихель, где ваше терпение?! — возмущённо воскликнул старый аптекарь.

— Из-за череды трагических событий, — продолжил Куова, — мне пришлось оставить горы. Когда лишаешься дома, свобода становится непосильным бременем. Так что я отправился искать новое пристанище. То, что я увидел в дороге, по-настоящему меня поразило.

— Поразило? — переспросил Артахшасса с любопытством. — Но что именно?

— То, каким прекрасным может быть мир, которого никогда не видел.

— И я так считаю, — сказал Артахшасса, и его лицо озарила улыбка.

Куова обернулся на Гольяса, обвёл глазами лица прихожан и вернулся к Артахшассе.

— Так ли это, юноша? В чём-то уважаемый Абрихель прав. Я говорю загадками, и может сложиться впечатление, словно я пытаюсь вас запутать. Да, мой путь до Алулима был длинен. Иногда мне кажется, что этот путь занял не одну тысячу лет. Но в дороге я кое-что посмотрел, узнал о жизни многих людей. Вы, наверное, ничего не знаете о том, как живут за пределами столицы. Впрочем, я когда-то тоже не знал, что происходит за пределами родного кишлака. И вот, явившись к вам, я вижу все эти величественные здания, машины, свет чуть ли не на каждом шагу — это ли не дар Спасителя? Что если это Его воля коснулась рук тех, кто создавал всю эту красоту? Или нет. Быть может, Спаситель лишь открыл нам дорогу и, как понимающий отец, предоставил нас самих себе, но не переставал наблюдать? В своём путешествии я понял главное: истина не может быть однобока, она складывается из

самых разных граней, а не диктуется указом одного человека.

Наступила тишина: все обдумывали услышанное. Затем старый аптекарь воодушевлённо потряс над головой скрюченным пальцем.

— Вот уже сорок годков я каждую неделю прихожу в храм, и всё меня пытаются вести как слепого барана. И меня уже порядком утомили субчики, считающие себя непогрешимыми. Проходимец, фокусник, шарлатан — плевать! — этому человеку, как по мне, веры больше.

Он обратился к вжавшемуся в трибуну жрецу и неодобрительно покачал головой:

— А ещё святоши! Стыдно должно быть!

Гул в храме вновь начал нарастать.

— Вот именно, стыдно! — громко провозгласил мясник. — Вы и есть самые что ни на есть настоящие шарлатаны! Вруны!

Вслед его словам посыпались смешки, завывания и неприкрытые оскорбления. Куова понимал, что, если это не прекратить вовремя, дело может дойти до рукоприкладства. Если только стражи порядка не подспеют раньше. Он взглянул на тревожную кнопку по левую руку от жандарма.

Артахшасса колебался. Куова перехватил его взгляд поверх толпы. Пожалуй, если в храме и был по-настоящему благочестивый человек, то никто иной, как этот молодой жандарм. Но, всю жизнь стремясь поступать правильно, сейчас он, похоже, не знал, какое решение будет верным.

— Добрые люди, прошу вас, — незначительно повысил голос, но добавив в него умиротворяющие нотки, произнёс Куова. Прихожане умолкли. — Мы приходим в храм за ответами, а не ради оскорблений.

Он воспользовался привычными словами, которые ожидаешь услышать в храме, но в то же время ни к чему не обязывающими, а потому не вызывающими отторжения. И вот ему доверяют уже малость больше, нежели крикливому жрецу.

— Вы не должны думать, будто я смогу провести вас за руку к ответу. Ответы в каждом из вас, стоит лишь прислушаться. Но... вы сомневаетесь. Как посмел я заявить, что Спаситель — такой же простой человек, как и мы с вами?

Он пожал плечами и неловко улыбнулся.

— В нашем кишлаке за такое бы изгнали.

Раскатистый смех. Беззлой шуткой Куова подкрепил свой тезис всеобщего равенства, показал, что над ним можно посмеяться точно так же, как всего несколько минут потешались над жрецом, разбрасывающимся заумными фразами. Более того, он позволил усомниться в своей правоте, но с тем лишь расчётом, чтобы слушающий сам решил, что любые сомнения тут — беспочвенны и даже несправедливы.

— Пожалуй, я действительно бродяга, и поручиться за меня некому, а уж за мои слова — тем более. Так обратимся же к священным истокам истории! Когда мир накрыла собою тьма и начала терзать его, князья и пастухи с одинаковым рвением бежали из городов, надеясь спастись. В пещерах и подземельях дворцов цари, звездочёты и горшечники одинаково стояли на коленях и напевали одинаковые молитвы, ожидая конца.

Он дружески дотронулся до плеча стоявшего рядом мужчины, заглянул в глаза застывшей поодаль пожилой женщине, сдержанно кивнул двум недоумевающим в толпе солдатам. Он был как будто одним из них — звездочёт среди ткачей и кузнецов, плотник среди царей и жрецов.

— Но Спаситель не отвернулся от человечества, не позволил себе убежать, едва завидев гибельный лик, — продолжал Куова. — И своей жертвой он поставил себя в один ряд с простыми людьми и — того больше — уравнил в праве продолжать жить и слуг, и царей...

Куова резко умолк и взглянул на Артахшассу. Он видел понимание на его лице и хотел, чтобы тот сам завершил его мысль.

— Но это значит, — почти прошептал Артахшасса, широко распахнув глаза, — что все люди равны как братья.

Прихожане ответили одобрительным гомоном.

— Так что, парень? — нетерпеливо спросил мясник. — Кому нам верить?

— Да как можно вообще такое спрашивать?! — потеряв самообладание, вскричал Абрихель. — В стенах храма Спасителя лишь слово первосвященника и верных ему непогрешимо!

Колдун намеревался зацепиться за казавшуюся надёжной догму и вернуть себе инициативу. Однако лишь ускорил ход событий.

Артахшасса обернулся к колдуну и вновь вытянулся, поднял подбородок и расправил плечи.

— В стенах храма Спасителя... непогрешимы лишь... — Он нервно сглотнул. — Лишь заветы Спасителя.

По всему залу и до самых дальних уголков храма раскатилась волна аплодисментов. Столь неуместная выходка разозлила служителей, но они уже ничего не могли поделать. Люди держались от проявления агрессии, но выкриками и хлопками явно давали понять, что более не намерены их слушать. Кто-то уже начинал расходиться, им не терпелось сообщить друзьям и соседям вести о небывалом.

Куова смотрел сквозь мельтешащие фигуры, как искривилось лицо жреца-проповедника. Спотыкаясь и подбирая на ходу полы роскошной рясы, он под насмешки прихожан засеменял прочь из храма.

Куова видел налившиеся злобой глаза колдуна, уставившиеся на растерянного Артахшассу. Потом развернулся и пошёл вслед за жрецом.

Что дальше?

Произошедшее в Храме Спасителя точно не останется без ответа.

Прежде чем выйти за дверь, Абрихель обернулся к Куове. Его глаза едва не пылали от гнева.

«Я задел его самолюбие, и теперь он не остановится, пока не добьётся возмездия. Мне придётся быть настороже».

Куова оглянулся и увидел Гольяса, изо всех сил пытавшегося собраться с мыслями. Иона скакал рядом и то и дело дёргал отца за рукав, даже не думая скрывать неописуемый восторг от увиденного.

— Что... что ты сделал с этими людьми, Калех? — ошеломлённо спросил Гольяс.

— Я показал им простую и понятную идею.

Начались преобразования.

Никогда ранее Куова не имел проблем с законом. Он наблюдал за вынесением приговоров, несколько раз был судьей — внутренние дела Круга порой требовали вмешательства верховного мага. Но никогда ему не приходилось быть в роли судимого: на запястьях не защёлкивались металлические браслеты, на спину не опускался жезл жандарма, чужой голос не выносил решение.

Однако не обошлось без приятных удивлений. Вместо того, чтобы заковывать осуждённых в кандалы или бросать в яму, их запирали в небольших камерах. Несмотря на сырость и прохладу, Куова счёл камеры более пригодными в качестве келий для медитации и размышлений. Чем он и занимался чуть менее трёх отведённых ему недель, продумывая дальнейшие шаги. Аскетичная обстановка пришлась ему по душе.

Конечно же, в будущем этим можно воспользоваться.

Освобождение пришло морозным весенним утром — площади и улицы покрывал тонкий слой снега, хотя обычно в такое время года в Алулиме наступал сезон таяния. Храмы для Куовы теперь были закрыты, так что он проводил время на площади зиккурата в обществе Гольяса, Ионы и знакомых с проповедей, которые успел навестить до ареста. Наиболее частым гостем оказался мясник Гафур, при каждой встрече не перестававший восхищаться оригинальным мировоззрением Куовы. Были и другие, но чаще всего они часок-другой стояли молча рядом и уходили, чтобы спустя день вернуться снова.

Куова решил подразнить их интерес.

Одним вечером, спустя несколько дней после выхода на свободу, Куова сидел под деревянным навесом и терпеливо объяснял мяснику правила невшы, «царской игры». Иона сидел рядом и с любопытством наблюдал, как белые и чёрные фишки движутся по треугольникам, а затем наконец набрался смелости спросить, за что «дядюшку» осудили на заключение.

— Понятно, за что, — сказал Гольяс. — Первосвященник очень ревнив.

— Как к женщине?

Куова схватил пальцами белую фишку и поднял её так, будто это была некая реликвия.

— Они были подобны отрокам, не поделившим прекрасную деву, — сказал он, напустив на себя почти гротескную серьёзность. — Жандарм и жрец.

Иона весело расхохотался. Остальные замерли от удивления и склонились поближе. Они хотели яркой и увлекательной истории в то время, как действительность, обусловленная невежеством и мелкими страхами, была скучна. Однако комичный лад уже задан.

Куова вспомнил жреца с последней проповеди, нахмурил брови и слегка надул щёки. Он картинно упёр левую руку в бок, а правую выставил вперёд, оттопырив указательный палец, и грозно произнёс:

— Ты, нечестивый бродяга, как осмеливаешься ты являться в Храм Первосвященника и вещать о своих порядках?

— Но ведь этот гражданин, наоборот, грубейшим образом их нарушает, — запротестовал Куова, подражая несообразительному жандарму.

Гольяс сразу прыснул, прикрыв лицо ладонью.

— О горе мне, ещё один глупец на мою голову! — взмолился Куова, потрясая спичкой-

жрецом. — Как коварный змей, укусивший смиренную руку, он залазит в черепа моей паствы. Хочет сделать из них послушных овец!

— Я не согласен! Налицо подстрекательство к бунту и неповиновению.

Куова вцепился в собственные волосы.

— Дурак! Ты уже заплутал в сетях его лжи, словно паук в чреве непривередливого ирбиса. Прозрей и узри, как из-за подобных ему оспаривается высочайшая власть...

— Самого президента?! Мы обязаны обвинить этого паука в государственной измене!

— А можно я уже пойду? — неумело сдерживая озорную улыбку, спросил Иона.

Смех прокатился по всем собравшимся вокруг столика. Гольяс, как всегда, робко посмеивался, прикрывая рот кулаком и стараясь не шуметь. Иона ни в чём себя не ограничивал и громко хохотал, стуча кулачками по бёдрам. Будто желая с ним посоревноваться, мясник Гафур запрокинул голову и разразился звонким смехом. Другие гости или широко улыбались, или негромко посмеивались.

Куова поджал губы, приподнял брови и начал оглядывать всех, делая вид, что не понимает, откуда взялось всеобщее веселье.

Когда позади вдруг послышались ленивые, но звучные шаги, все тут же настороженно смолкли. Мимо прошли трое жандармов, на несколько секунд задержались возле столика, перекинулись друг с другом парой слов и побрели дальше.

Гафур проводил их презрительным взглядом.

— Я несколько лун уж не видел того паренька, Тубала, — задумчиво произнёс он. — Кто знает, что у него сейчас.

В груди у Куовы кольнуло холодком. Что, если лучшая фигура в его игре... Нет, вряд ли такое возможно. Но пусть даже произошло худшее, замысел оставался превыше всего — партия должна продолжаться. Куова легонько бросил зар и уставился на него, то и дело косясь на остальных.

Восьмигранник закрутился на доске.

Некоторые из гостей приоткрыли рты — очевидно, им что-то было известно.

— А я знаю! — воскликнул Иона. — Большие жандармы отхлестали его, как негодного мальчишку! Поставили к стене и...

Куова строго посмотрел на него.

— Это не смешно, Иона, — сказал он. — Не смешно.

Иона потрясённо распахнул глаза, его щёки и уши налились краской. Как правило, выговорами занимался Гольяс, так что мальчик никак не мог ожидать такого. Должно быть, ему казалось, будто он остался без защиты.

— Тубал пострадал за свою смелость, — смягчив голос, добавил Куова.

Губы Ионы задрожали, и он шмыгнул носом. Дети, как бы ни старались казаться независимыми, весьма податливы к мнению старших... И вот — не успевшая сформироваться обида сменилась чувством раскаяния.

«Но как добиться такого от загрубевшей души?..»

— Прости меня, дитя, — сказал он, демонстрируя собственную вину. — Я столько раз хотел увлечь тебя историями о мире, что забывал рассказать о том, когда жизнь выходит за грани игры.

Иона вытер нос рукавом. Осторожно улыбнулся. И тотчас же посерьёзnel.

— Ты прав, дядюшка, — тихо сказал он, опуская голову. — Нельзя смеяться над чужим горем.

Куова подождал его и обнял, заботливо прижимая к себе. Простой жест, но дающий обещание доверия и безопасности, от которого Иона окончательно расслабился и положил голову на плечо своего учителя.

— Оба мы хороши.

Куова внезапно ощутил момент откровения — иногда достаточно дать человеку прощение, чтобы тот сам захотел подойти ближе.

— А можно я уже пойду? — умоляюще спросил Гафур.

Мясник превосходно разрядил драматичную обстановку. Гольяс звонко рассмеялся, совершенно позабыв о придуманных для себя же приличиях, и его смех подхватили остальные. Куова внезапно обнаружил, что ему хочется смеяться вместе со всеми.

Все они были разными, совершенно непохожими один на одного. Уже не молодой, но по-детски наивный и любознательный Гольяс, который в пылу споров поднимал самые острые темы и тут же боязливо оглядывался. Мясник Гафур — мужчина в самом расцвете лет — открытый и честный, который отчаянно хотел, чтобы кто-то более мудрый указал ему путь. Старый аптекарь Ширван разочаровался в жизни и находил мимолётные смыслы в поучении кого бы то ни было. Отставной солдат Ростам, ни на минуту не расстающийся с военным медиком Дарвешем. Наконец, Иона — дитя, которое впитывало новые знания как губка. У каждого были свои потаённые желания, постыдные страхи и обиды на несправедливый мир. Объединить же предстояло не просто скромный круг знакомых, а целый народ...

Куова счёл это испытанием. Математика власти и в прошлой жизни ускользала от него, но он умудрился познать мир через поэзию отношений и аналогии. В жизни новой всё осталось по-прежнему. Гольяс признавал в нём друга — так же, не видя причины противиться, поступили и его знакомцы. Куове оставалось лишь вести себя скромно, не чураясь сострадания и неуверенности, и неизменно привлекать наблюдательностью и живым разумом, способными обратить любое событие в притчу или урок. Он быстро добился превосходства, которое не бросается в глаза, но ощущается в каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом ненароком выброшенном слове.

Гольяс как-то раз обмолвился, что запутался в своём восприятии Куовы: то он казался воплощением сурового отца-защитника, то виделся добрым и терпеливым учителем, то всё заслонял образ остроумного приятеля-собутыльника.

Вероятно, остальные чувствовали то же самое.

Вскоре за их играми в невш и непринуждёнными беседами стало наблюдать больше людей; узнавал из них Куова в лучшем случае треть. Иона не преминул воспользоваться возможностью попрактиковаться в арифметике и с довольным видом сообщил, что собравшихся теперь достаточно, чтобы проводить школьные лекции. Торговцы пловом и холодными напитками, почуяв прибыль, начали разворачивать свои шатры ближе к заветному углу. И даже немного снизили цены.

Три вечера Куова упорно притворялся, что не замечает незнакомцев, желая проверить, как скоро им надоест смотреть. Однако если раньше их упорства хватало на пару часов, теперь они могли прийти раньше и терпеливо стояли до конца, точно дети, жаждущие добиться внимания занятых родителей. Но, что самое поразительное, они приводили своих друзей.

Куова окинул взглядом тех, кто вновь пришёл поглазеть на игру. Он увидел крохотный кусочек кашадфанского общества: люди стояли каждый сам по себе, молчаливо и лишь

некоторые чуть слышно о чём-то переговаривались. По его просьбе Гольяс пригласил одного из них сыграть.

— Что привело вас сюда? — поинтересовался Куова у своего соперника, сутулого мужчины с толстыми усами и в выглаженном бежевом пиджаке.

— Хочу получить ответы, — отозвался тот, сосредоточившись на застывшем восьмиграннике.

— На что?

— На всё.

— Вы уверены, что пришли туда, куда хотели?

Только тогда усач поднял голову и ошеломлённо уставился на Куову.

— Нет, то есть да, то есть... — он запнулся и потупил взор. — Но вы ведь сами сказали!

— Что сказал? — спросил Куова.

Предчувствие взбудоражило его душу.

— В день, когда вас арестовали, — начал объяснять усач. — Вы пришли на проповедь в лазурный храм и поспорили со жрецом. Вы сказали, что свобода — это возможность самому выбрать себе господина.

Куова доброжелательно усмехнулся.

— Но ведь я не в точности это имел в виду. Это всего лишь шутливая фраза, изобличающая несовершенство души человека.

— Не понимаю, — покачал головой усач.

Куова вдруг осознал, что его соперник действительно сбит с толку.

Он вздохнул и попытался успокоить гостя, положив руку ему на плечо.

— Это афоризм, причём очень старый. Если не ошибаюсь, впервые его вывел ещё Уруг-Михр в письме шаху. Смысл в том, что люди боятся делать самостоятельные шаги в жизни.

— Нет-нет-нет, — залепетал усач. — Я не верю в это.

Куова заинтересованно приподнял брови.

— А во что вы верите?

Вместо ответа усач принялся нервно катать зар по доске. Куова подождал несколько секунд, подмечая его тревожность и незащитность; он призадумался. Неужели под обёрткой технического и культурного прогресса живёт тот же народ, что и тысячу, две тысячи лет назад?

Он аккуратно забрал восьмигранник.

— Я верю в то, — сказал усач, оторвав взгляд от доски, — что ваши слова прокладывают дорогу к царству праведности и справедливости.

Куова покачал головой — вместо веры в слова этого человека звучал фанатизм. На миг ему захотелось выбранить усача, укорить в лености ума. Но он только слегка прищурился и продолжил смотреть на него, не говоря ни слова. Под его взглядом усач засуетился, бросил восьмигранник и начал спешно двигать чёрные фишки. В этих действиях не было ни тактики, ни расчёта — одно желание как можно скорее довести дело до конца.

«А если всё осталось прежним? — подумал Куова, представляя сотню копий его соперника, зачарованно ждущих новую порцию мудрости. — Они и впрямь как дети...»

Подобные люди принципиально не хотели утруждать себя поисками ответов. Куова понял это.

Их умы занимало другое: цены на хлеб с мясом, продолжительность смен на фабриках, возможность выпить горячей воды в конце рабочего дня. Кто-то думал о взятках для

чиновников, о запланированном походе в храм или о надуманных достижениях чужих детей. Сильнее прочего их беспокоила неопределённость.

Они ожидали, что явится всемогущий чародей и покажет им, как жить.

В очередной раз замерев, зар показал заветную семёрку. Куова, тихо насвистывая услышанную по радио песню, мельком взглянул на гостей, затем взял одинокую белую фишку и повёл её к центру доски. Построение завершилось.

Раздались восторженные хлопки.

Подобное повторялось каждый вечер. Некогда ничем не примечательный уголок превратился в своего рода клуб под открытым небом. Люди приходили за ароматным ужином, свежими новостями и отдыхом, но прежде всего им хотелось подслушать очередной откровенный разговор. Они находили некое невинное удовольствие в том, чтобы, не вступая в игру самим, узнать, что кто-то живёт со схожими мыслями и проблемами. Это объединяло их вокруг Куовы.

Один раз Гольяс не выдержал и, как обычно, замаскировав своё волнение за легкомысленным весельем, сказал:

— Знаешь, Калех, — мне кажется, что ещё немного — и они начнут воспринимать тебя как бога.

Наступила неловкая тишина. словно на сцене театра поймали самозванца, но никак не могли решить, что с ним делать — слишком хорошо он справлялся с украденной ролью. Даже Иона замер, раскрыв рот, и только переводил взгляд с одного взрослого на другого.

— Полагаешь, — послав другу лукавую усмешку, отозвался наконец Куова, — мне пора прекратить играть с ними?

«Пожалуй, я и правда заигрался», — подумал он. Вне всякого сомнения, Гольяс озвучил мысли большинства. То, как они смотрели, как перешёптывались между собой, как раз за разом приходили на встречи...

— Да, — кивнул Гольяс.

Несмотря на робость, он был проницательным человеком и, зная Куову не один год, мог говорить прямо.

— Они готовы услышать тебя.

Куова оглядел тех, кто находился рядом с ним, пригладил бороду и кивнул. Затем, не говоря ни слова, поднялся и вышел из-под навеса.

Несколько минут он бродил от одного места к другому, но всякий раз возвращался к единственной точке — к подножию Белого зиккурата. Люди безмолвно следовали за Куовой, останавливались вместо с ним и продолжали путь. Вновь вернувшись к руинам древнего святилища, он сделал несколько шагов по лестнице и обернулся. Люди смотрели на него с ожиданием.

— Я боялся, что за подобную наглость боги лишат меня дара речи, — сказал он и тут же услышал тихие смешки.

Куова присел на полуразбитые ступени, не думая о том, что его светлые одежды могут запачкаться. На миг он почувствовал себя так, словно вот-вот начнётся очередная, уже привычная, партия в невш.

Он улыбнулся. Вдруг раздался звук, будто кто-то уронил пригоршню монет.

— Иона! — недовольно шикнул Гольяс.

Куова поднял правую руку, прерывая нарастающие шёпотки, и обвёл взглядом присутствующих. Его внимание привлёк один человек — молодой монах в потёртом

охряном балахоне. Волосы монаха были очень коротко подстрижены, а лицо — гладко выбрито. Сам он выглядел сильно уставшим и опечаленным.

— Я вижу, что у вас есть, чем поделиться, — мягко сказал Куова.

Монах приложил ладонь к груди; его глаза потускнели, как от недавно пережитой скорби.

— Да... Да. На прошлой неделе, — начал свой рассказ монах, — я вместе с жрецом-наставником был на суде. Человек, почти старик, украл из лавки две буханки хлеба, чтобы накормить внуков... Мой наставник вдруг разъярился и начал сулить несчастному, что в посмертии его душу будет клевать Ашхрема...

Куова покачал головой.

— Но обеспокоило вас не только это.

— Не только. На следующую ночь мне приснился сон: Спаситель — я не видел лица, но почему-то знал, что это именно он — обнимал того старика, утешал его...

— Вы рассказали кому-нибудь об этом?

Монах вздохнул. Ответить он решил не сразу.

— Это был не первый мой сон, и всякий раз я делился увиденным с другими монахами, но они только отмахивались от меня. Тогда я решил пойти к наставнику...

— И что он сказал?

— Он отругал меня... сказал, что Спаситель отвернётся и от меня, если я не обуздаю свою строптивость, если не перестану донимать братьев...

Монах сложил дрожащие ладони вместе и беззвучно зашевелил губами.

— Вас терзают противоречия, — сказал Куова. — Ночами вы видите сны о милосердии Спасителя. А днём вы слышите, как жрецы грозят вечными муками.

Монах приоткрыл рот и тут же закрыл. Этот человек сомневался в каждом моменте своей жизни, понял Куова.

— Но... — Глаза монаха вдруг потухли. — Что, если я ошибаюсь?

— А вы ошибаетесь?

— Мой наставник сказал, что заблудшие избегают храмов и не могут насладиться красотой, посвящённой Спасителю. Поэтому они совершают злодеяния.

— Мне не раз доводилось видеть эту красоту. Сомневаюсь, что она способна утолить их голод.

— И я тоже! — оживлённо воскликнул монах. — Но я не знаю...

— Не знаете? Или вам непросто признать, что на самом деле ошибается ваш наставник?

— О чём вы?

— Некогда люди, чтобы обратиться с молитвой к богам, собирались у зиккурата. Вы бы поразились, будь у вас возможность узреть это воочию. Как можно возносить хвалу богам, когда над головой солнце вместо роскошного хрустала? Разве могут боги слышать нас, когда смотрят сквозь облака, а не сквозь фрагменты величественных мозаик? Пожалуй, такую обитель веры вы сочли бы бедняцкой. И всё же каждому из нас там были бы рады.

Куова провёл пальцами по воздуху, мысленно касаясь каждого из присутствующих.

— Не человек должен служить Храму, а Храм — человеку. Но теперь он превратился в бездну алчности и коррупции, в которой царствуют первосвященник и его приспешники.

Он остановил взгляд на расстроенном монахе. На лицо легла маска сострадания.

— И вы это знаете.

— Я... знаю. Но мои братья этого не замечают.

— Они привыкли жить так, как им диктуют свыше. Покажите своим примером, что есть иная тропа.

— Но как? Как, если они предпочтут остаться незрячими?

— Природа наделила человека не одними лишь глазами. Прежде всех чувств лежит душа, форму которой придаёт пережитый опыт. Вот что отличает нас от холодных механизмов.

Куова отодвинулся к краю ступеньки, жестом приглашая монаха сесть рядом, а затем обратил взор в сторону толпы.

— Прислушайтесь к себе, — почти шёпотом обратился он к собравшимся. — Разве вам не близка мысль, что истинное величие не в золоте и мраморе? Оно в красоте душ тех, кто стоит бок о бок со своим ближним.

— А как же фларелонские гоплиеры? — насмешливо спросил кто-то из толпы. — Они, говорят, способны запоминать важные события.

Куова улыбнулся и развёл руками.

— Стало быть, из них выйдут превосходные супруги.

Люди ответили дружелюбным хохотом.

— Не путайте запоминание и переживание. Потому нам и трудно учиться на чужих ошибках, что недостаточно услышать историю — нужно пережить её. И если ближний не слышит вас, спросите себя, а слышите ли его вы?

— Но как... как же мне поступить? — с мольбой в голосе спросил монах. — Прошу, скажите мне! Ведь я...

Куова повернулся к нему и осторожно коснулся ладонью его плеча.

— Вы не должны отворачиваться от своих братьев, — сказал Куова. — Пусть даже ваши пути к Спасителю разнятся.

«Ответ внутри тебя».

Момент тишины. Безутешные глаза монаха наполнились слезами. Внезапно он встал со ступеньки и приложил пальцы к своей груди.

— У нас забрали... — Он с трудом удерживался от рыданий. — Наша вера искажена...

— Вера бывает разная, — произнёс Куова наполненным теплотой и участием голосом. — Если прямая дорога к Спасителю закрыта, надо научиться верить в души тех, кто рядом.

«И тогда... вы станете одним целым».

Стоя на крыльце жандармского плаца и цепко держась за холодные перила, Абрихель провёл более получаса, бесстрастно наблюдая за истязанием плетью молодого жандарма. Артахшасса Тубал в очередной раз вывел из себя начальство бреднями о чистоте веры, и где-то в тёмных глубинах разума Абрихель подозревал, что впечатлительного юнца либо ненамеренно одурманил, либо использовал в своей игре бродяга, который притворяется мессией. И всё же Абрихеля не могла не восхитить выдержка жандарма. За всё время, отведённое на наказание, Артахшасса ни разу не вскрикнул. Такая же редкость, как и ясное небо в середине зимы.

Ещё почти час ему понадобился на то, чтобы строго выверенной комбинацией лечебных мазей и магического искусства привести спину Артахшассы в надлежащий вид. Она уже превратилась в сплошную сетку из тонкий длинных шрамов, такой и останется до конца жизни. Но даже так колдун ощутил приступ зависти: он бы без колебаний променял гладкую

кожу на ровный позвоночник. Ценнее только колдовской дар.

Обычно после экзекуции наказанных запирали на пару часов в одиночной камере, однако он решил проявить великодушие и поговорить с Артахшассой. Несмотря на причуды последних недель, тот по-прежнему был компетентным и исполнительным жандармом. Каждый может сбиться с пути. И каждый заслуживает второго шанса.

Но превыше всего стоял личный интерес. Хотя Абрихель получил чёткие указания от курсора адептов образумить жандарма, как любил говорить покойный отец, уголь ценен, но под ним может лежать золото. Тайны, которые мог скрывать бродяга, не давали покоя.

Колдун прислонился спиной к вымощенной серым камнем стене и посмотрел в противоположный конец камеры, где обессиленно повис на цепях голубоглазый жандарм. Взгляд Абрихеля задержался на подтянутом теле юноши, золотистом в тусклом свете коридорных ламп, — на плечах и боках виднелись пятна засохшей крови. Отчего-то в памяти всплыл образ из старых мифов о войне-герое Заале, прикованном к скале на растерзание дивам и драконам. Подобные сцены всегда привлекали внимание.

— Неужели тебе совсем не больно, Тубал? — поинтересовался колдун.

На миг выражение лица жандарма стало таким, будто он почивал на пуховой кровати, но тотчас же вернулась гримаса страдания. Но даже это не умаляло его достоинства.

— Больно, — охрипшим голосом ответил Артахшасса.

Абрихель мрачно хмыкнул. Подобные признания особенно забавляли: когда одни с напыщенным видом прятали свои слабости в дальние уголки, другие выталкивали их на поверхность, придавали особую значимость... Как ни странно, но у вторых воля сдавала позже. Тем интереснее.

— Тогда почему? — спросил он. — Почему ты продолжаешь упрямиться?

Жандарм приподнял голову.

— Спаситель завещал, что боль проходит... А служение продолжается.

— Громкие слова для простого жандарма. Ты хоть видел-то эти заветы?

На лице Артахшассы появилось подобие улыбки.

— Я хорошо помню заветы. Как и всё Писание.

— Неужели? — усмехнулся Абрихель. Сам он читал Писание уже очень давно. — Откуда?

— Настоятель приюта, в котором я вырос, подарил мне его, когда мне исполнилось десять. Простая, но красивая книга. Это был единственный подарок, на который могли рассчитывать дети. И каждую неделю потом настоятель заставлял нас учить наизусть главы из Писания.

— Вот как? И каково тебе было?

Жандарм опустил глаза и поёжился, как от холода.

— Я боялся его... Мы все боялись.

— Боялись?

— Нас постоянно наказывали за ошибки и забывчивость. Поощряли насмешки над другими. Хотели, чтобы мы жили в страхе перед священной книгой... Настоятель говорил, что только так можно взрастить праведность. Особенно в таком ублюдке как я.

Жандарм посмотрел в лицо Абрихеля, точно хотел продемонстрировать, что именно имел в виду настоятель.

— Он был строгим человеком, иногда даже жестоким... Но я усвоил урок — мир несправедлив, — поэтому и решил защищать от несправедливости тех, кто слабее.

Абрихель, не скрывая скуки, потёр пальцами горло.

— Защищать слабых, значит...

Он подошёл ближе. Много лет назад ему хотелось быть похожим на таких сильных и прекрасных героев, как Заал или Хушроб. Сейчас колдун находил изумительную иронию в том, что судьба даровала ему власть над аспектными потоками и — точно в насмешку — слабое, измученное постоянными судорогами тело. Словно в ответ на его мысли, правую щёку на секунду стянул спазм. А прямо напротив — Артахшасса, ладно сложенный, но такой уязвимый и нерешительный внутри... Абрихель бесцеремонно взял его за подбородок и заставил посмотреть на себя.

— Ответь-ка мне, Тубал, ты бы преступил закон, если бы на кону стояла жизнь невинного человека?

— Я... — заколебался жандарм. — Жизнь важнее! Тем более невинного...

— Да ну?

Жандарм в растерянности распахнул глаза.

— Так завещал нам Спаситель.

От этих слов Абрихель искренне и широко улыбнулся. Другого ответа он и не ждал. Спаситель. Просто превосходно.

«Такая предсказуемость. Как этим не воспользоваться?»

Колдун сделал шаг назад и после недолгих раздумий спросил:

— А расскажи мне об этом человеке... Люди называют его Калехом.

Артахшасса вздрогнул, попытался приподняться на цепях. Знал ли бродяга степень собственного влияния на людей? При одном только упоминании его имени они оживлялись, делали всё, чтобы казаться смелее и величественнее, будто речь заходила об их отце или старшем брате. Тщетная попытка Артахшассы в своей трогательности превзошла всё.

— Я не так много знаю, — вновь опустив взгляд сказал жандарм. — Он кажется... хорошим человеком. Умным и искренним.

Медленно выпустив воздух через рот, Абрихель снисходительно посмотрел на юношу. На Артахшассе были лишь серые, выпачканные в пыли, подштанники, и он вздрагивал от каждого залетавшего в камеру сквозняка, сжимался от каждого слова. При этом его бросало от испуга к уверенности, и обратно. «Весь будто на ладони? Как бы не так...» Снисходительность уступила место сдержанному уважению.

— О, он и правда умён, Тубал, тут ты не ошибся. Но что до остального, то, думаю, ты путаешь реальность с отражением.

— Что... что вы имеете ввиду?

— Тебя, как и других, одурачили его речи. Они такие приятные и простые... даже слишком. Сперва я думал, что твой Калех опасно наивен, но теперь вижу, что он опасно умён. — Абрихель сцепил пальцы в замок. — Ты бы посмотрел на его публику со стороны. Кто-то, безусловно, приходит, чтобы покритиковать его, кто-то — из любопытства. Но они приходят. Они слышат его слова, живут с ними и разносят по всему городу.

Несмотря на прохладу в камере, на лбу Артахшассы выступил пот. Несколько секунд жандарм не знал, что ответить. В голубых глазах один за одним мелькали вопросы и сомнения.

— Что в этом дурного?

Колдун фальшиво хохотнул.

— А то, Тубал, что несколько дней назад твои приятели из жандармерии арестовали

сумасшедшего, собиравшегося устроить пожар в храме... Хочешь скажу, что он повторял из раза в раз на допросе? Он говорил, что храм старой веры должен рухнуть.

— Но причём тут Калех?

Абрихель закатил глаза, чувствуя себя так, как будто ему приходилось в десятый раз объяснять очевидные вещи.

— Додумай сам.

Как любит говорить этот Калех, ответы внутри.

— Хотите сказать, что Калех подначивает людей к восстанию против Храма?

— Мне пока неясны его цели. Однако точно могу сказать, что он не тот, за кого себя выдаёт.

Робость вдруг сошла с лица жандарма, сменившись обещанием гнева.

— Вы просто пытаетесь очернить честного человека.

— Честного человека? Избавь меня от этой патетики, Тубал. Эти недоумки-жрецы могут сколько угодно брызгать слюной, жалуясь, что какой-то бродяга уводит их паству. Но мы, адепты, знаем, что проблема гораздо глубже, а скоро узнает и первосвященник...

— Конечно же, — пробормотал Артахшасса. — Наверняка, вы уже успели всё разнюхать... И что?

Совершенно неискреннее безразличие.

— Что ж, мне удалось найти людей, которые время от времени наведываются в кишлаки у южных предгорий — Анш, Казедраг, Сукут... Никто там не почитает Спасителя, только духов. Хорошее прикрытие, если учесть, что на юге сейчас неспокойно. Но даже если Калех действительно родился среди духопоклонников, откуда у него такие познания о Спасителе? Поначалу я думал, что ради этих знаний он пристроился жить у моего знакомого библиотекаря. Но нет, старому дураку нечего ему дать, это просто ещё одно прикрытие... О нет, разгадка таится в том, где был Калех в промежутке между своим отрочеством и приходом в Алулим... И это точно не был долгий и утомительный путь отшельника.

— Откуда мне знать, что это не преувеличение ваших же выдумок?! — воскликнул Артахшасса и замотал головой: — Нет-нет! Я вам не верю.

Абрихель пожал плечами:

— Ты ещё увидишь...

Он шагнул вперёд, и Артахшасса буквально вжался в стену.

— Я могу продолжить.

— Мне всё равно.

— Я считаю, что Калех — адепт какого-то храма, не подчиняющегося первосвященнику. Это объяснило бы неплохие познания о Спасителе и его наследии. Вопрос только, изгнанник он либо его прислали намеренно...

Артахшасса раскрыл рот и встряхнул головой.

— Но Калех ведь не маг!

Абрихель нехотя кивнул.

— Я тоже так думал. Однако я наблюдал за ним. В нём есть какая-то сила, но её природа для меня пока — загадка... И я ловил его взгляды. Он явно равнодушен к моей силе, он хорошо чувствует её.

Взгляд Артахшассы сделался подозрительным.

— Чего вы добиваетесь, рассказывая мне всё это?

— Вот теперь ты начинаешь прозревать. Ты желаешь видеть и задаёшь правильные

вопросы.

— Пожалуйста... — устало произнёс жандарм.

Артахшасса далеко не был тем пугливым ребёнком, которого пытался из себя строить. Абрихель медленно прошёлся от одной стены к другой и снова остановился напротив юноши.

— У тебя практически безупречная репутация, Тубал, и портят её лишь твои глупые заблуждения об этом Калехе. Поэтому тебе дали шанс. Я даю тебе шанс. Открой глаза, прикрой сердце — и ты сам поймёшь, что он за человек.

Из груди Артахшассы вырвался полный страдания вздох.

— А если нет?

— Тогда, — вздохнул Абрихель, потерев пальцами переносицу, — твоё будущее окажется под большим вопросом.

— Что если Калех — и есть будущее?

«Чему я удивляюсь?» Роль фанатичного идиота Артахшассе удавалась блестяще, но очень скоро посеянные сомнения принесут урожай.

Колдун покачал головой и направился к выходу из неудобной камеры. От холода и сырости суставы разболелись, и понадобилось немало усилий, чтобы держать спину ровно и не начать кряхтеть как немощный старик. Он снова взглянул на жандарма.

— Ты увидишь, — сказал Абрихель. — Даже если окажется слишком поздно.

Артахшасса Тубал никогда не считал себя сильным человеком. Он беспрекословно исполнял то, что наказывали старшие по иерархии и старался не попадаться на глаза тем, кто мог навредить. С раннего детства он был одиночкой, к тому же унаследовал совершенно нетипичные для кашадфанцев голубые глаза, и потому часто становился объектом травли. Ему приходилось прятаться от обидчиков по тёмным углам, выжидать, пока те пройдут мимо, а затем бросаться вперёд, к другому островку безопасности. Мир — это бескрайний полигон для игр в прятки и догонялки с судьбой.

Он прятался. Выжидал. И бросался вперёд.

Таковым был весь его жизненный путь. Оказалось, что и в стенах жандармерии действовали схожие порядки.

Приторные похвалы, завистливый шёпот за спиной и снисходительные взгляды — вот награда за верную службу. Вовсе не это представляешь себе, когда поступаешь на службу с целью сделать мир лучше. Неоднократно Тубал просил дать ему шанс проявить себя, пусть даже в сопровождении.

Ничего не выходило. Начальство безразлично разводило руками и в очередной раз отправляло юного жандарма присматривать за навещавшими храм бедняками.

В тяжёлые моменты Тубал не уставал проклинать своё, несомненно порочное происхождение. Было очевидно, что именно перед ним закрывались двери возможностей, в то время как особо проворные знакомые из академии дослужились до видных чинов и растрачивали своё достоинство на братание с контрабандистами. Никаких сомнений не вызывало то, что именно жандармы, которым покровительствовала влиятельная родня, сумели найти своё место в президентской гвардии. И уж точно ни у кого из пробившихся наверх не было голубых глаз. Из всего этого следовал неутешительный вывод, что Тубал — наименее любимый пасынок удачи.

Впрочем, несправедливости со стороны мира со временем перестали восприниматься чем-то необычным. Тубал находил утешение в священном тексте Писания, сравнивая себя с человеком праведным, и засыпал, нащёптывая заветы Спасителя.

Всё переменялось в один, на первый взгляд ничем не примечательный, день. Он нёс службу в храме, где даже ночью не стихала ложь, и стал свидетелем того, как некий человек в пух и прах разбил тезисы заносчивого проповедника. Сперва Тубал не знал, что и думать...

Озарение явилось, точно ведро холодной воды — прерванный наркотический сон. Тубал, несмотря на насмешки, ценил своё положение жандарма. «Это то, чего я добился. Сам», — часто напоминал сам себе он. Однако впервые на пути повстречался человек, который не просто понимал Тубала, но мыслил с ним в одном направлении. Чувство было подобно тому, как ручей сливался с бурной рекой.

Возможно ли такое?.. Пожалуй, обладай он большей решимостью, сам мог бы стать рекой.

Противоречивые мысли разрывали измождённый разум Тубала, пока он осторожно протискивался сквозь толпу пахнущих обработанной кожей, машинным маслом, дешёвыми духами и алкоголем людей, собравшихся возле Белого зиккурата на очередную беседу с Калехом. Древняя постройка, хоть и казалась уничтоженной временем, всё ещё притягивала внимание, а ныне стала новой колыбелью веры и благочестия. Солнце пряталось за серыми

облаками, дул промозглый ветер, но люди всё равно приходили на площадь.

Тубал засмотрелся на престарелую пару, весело обсуждающую что-то, смеющуюся. Когда они заметили его взгляд, то поспешили переместиться подальше. Он понял, что его избегают из-за синей жандармской униформы, с которой уже давно не связывали ничего хорошего. Почти минуту Тубал переводил взгляд от одного человека к другому, решив завести с кем-нибудь непринуждённый разговор и убедить, что он — один из них. Но так и не сумел подобрать слов, чтобы заговорить.

Он снова почувствовал себя одиноким. Перед глазами всплыла мрачная ухмылка Абрихеля.

Наконец Тубал увидел стоящего на белокаменных ступенях Калеха — почти у самого подножия зиккурата. Он ощутил нарастающее в груди ликование, словно из дальнего странствия вернулся его неизвестный отец.

«Он словно пророк», — подумал Тубал.

Калех носил старое, но чистое и ухоженное облачение кремового цвета, стянутое на поясе широким ремнём из светлой кожи. Голосом и жестами он обнимал собравшихся, точно своих любимых детей. Тубалу вдруг почудилось, что в медно-рыжих волосах и в заплетённой бороде этого человека играет свет. Весь его облик окутывала аура святости.

Наконец наступил покой.

— Сердце Спасителя, — продолжал свою историю Куова, — охватила горькая печаль.

Он сделал паузу, мысленно накладывая события давних лет на мифологию кашадфанцев, проводя аналогии. Голоса в толпе умолкли; только издалека доносились звуки живущего города.

— Ашхрема — злой дух и олицетворение тьмы — послал в наш мир скользкого и жестокого, как змея, демона по имени Захак, чтобы тот совращал сердца людей посулами всемогущества и власти над ближним. Долго коварный Захак блуждал по земле, нащёптывая лживые обещания, пока не оказался пред троном царя одной холодной и суровой страны. Помня о воле своего создателя, жестокого Ашхремы, демон выкупил душу честолюбивого царя и убедил его помочь нанести удар прямо в сердце Богини-матери...

Лицо Куовы приняло скорбный вид.

— К сожалению, Писание в нынешнем виде упускает тот факт, что Спаситель искренне пытался образумить ослеплённого алчностью царя.

Кто-то в толпе взволнованно ахнул. Возникло ощущение, что даже небо слегка потемнело.

— «Изгони демона из своего царства, верни своим обманутым людям доброе имя, не дай пролиться крови нашей матери», так говорил он царю. Но царь отвечал: «Когда прольётся кровь Богини, когда солнце в небе погаснет, когда все ветра сольются в едином танце, я буду повелевать бурями — и все люди лягут у моих ног. Ты не предложишь мне большего, уходи». Раздосадованный, Спаситель ушёл на великую битву Света и Тьмы, в которой пали последние из его верных братьев...

Куова помолчал.

— И, как сказано в Писании — на этот раз безошибочно, — Спаситель истратил остатки своих сил, чтобы защитить человечество от злобы Ашхремы.

Собственные слова сдавили ему сердце. Как бы Куова не пытался отпустить боль от утраты Круга — это произошло много сотен лет назад, — воспоминания об обратившихся

золой магах никогда не покидали его надолго.

Лука, Нигсумму, Римуш... Братья. «Я помню. Помню».

— Спаситель, — продолжал он, — и перед лицом зла сохранил в себе огонь...

К голосу вернулась интонация воодушевления. Сквозь тело вновь хлынуло тепло.

— Вера, — сказал Куова негромко, но так, что в воцарившейся тишине его все услышали. — Вера в будущее, которое у нас отняли и заменили картиной всеобщего послушания...

Послышалось приглушённое бормотание.

— Иногда мне кажется, что я слышу голоса. Когда тихие и практически незаметные, если не прислушаться, а когда оглушительно громкие, так что нигде от них не укрыться. Я и сейчас слышу голос. — Куова встретился взглядом с чумазым рабочим, резко прервавшим разговор со своим товарищем. — Это ты, друг мой? Что ты там шепчешь? «Открылась ли уже рюмочная?»

Люди в толпе громко расхохотались.

— Неужели легенды о том, что было прежде, так быстро наскучивают? — Он помолчал. — И правда. Это происходило много-много лет назад. Так почему нам должно быть дело до того, о чём спорил Спаситель с демоном Захаком?

Куова взмахнул руками и с негромким хлопком свёл ладони вместе.

— Потому что время — круг. Потому что всё повторяется...

Он медленно опустил руки.

— «Сколько угодно ты можешь останавливать меня, но зерна моего господина уже посеяны в душах людей». Зло может долго ждать своей возможности — вот что хотел сказать демон Захак, — провозгласил Куова и с улыбкой посмотрел на смутившегося рабочего: — Не бойся, друг мой, я уже почти дошёл до сути, так что скоро ты сможешь напиться.

Снова смех.

— Должно быть, вы напуганы?

Среди множества пришедших на лекцию людей Куова заметил Артахшассу и каким-то сторонним чувством ощутил его тревогу.

«Да, эти слова и для тебя. Будь их свидетелем».

— И я понимаю вас, — сказал он, вложив в голос заботу и тревогу отца за своих детей. — Ашхрема с его порождениями — Захаком и ему подобными — дали обещание до конца времён не давать покоя роду человеческому. Они желали, чтобы люди смирились со своей участью. Чтобы они отвергли мысли о равенстве. Чтобы они склонились перед злобной волей высшего господина.

Испуг. Злой дух из легенд на миг стал столь же реален, как президент или первосвященник.

— Теперь ваши души озарило понимание. Да, верно. С чем-то подобным мы уже не раз сталкивались, причём далеко не только на страницах старинных книг. А кто-то из вас наверняка уже задался вопросом: «Как мы позволили случиться такому? Как Спаситель позволил?»

Простые вопросы, которые рано или поздно задавал себе каждый в моменты отчаяния. Потерявшийся в буре сомнений жандарм. Раздосадованный мясник. Беспokoйный библиотекарь. Даже он сам, когда встречал на улицах Алулима адептов нечестивой магии.

— Прикройте глаза, — негромко произнёс Куова, — и распахните сердца.

Куова сошёл со ступенек.

«И вот снова на одном уровне...»

Он затаил дыхание и на секунду прикрыл глаза, зная, что многие повторяют за ним.

— Я встречаюсь с этим страхом вместе с вами.

В голове пронеслась мысль: «Вот она, точка подъёма! Лишь слегка преукрасить...»

— Потому как ответил Спаситель нечестивому Захаку: «Пусть ты не уйдёшь, пусть ты ударишь, но щит наш всегда будет крепок!» Спаситель узрел, что даже слабые способны бороться со злым духом. Не сталью и не огнём, а иначе.

Он взглянул в глаза старухе-торговке, заставив ту от оказанной чести приоткрыть беззубый рот, и продолжил говорить, обращаясь через неё к каждому.

— Открытость и жертвенность — вот оружие Спасителя. Так он пожертвовал собой ради нас. Так и нам стоит научиться идти на жертвы друг ради друга. Храбрый встанет рядом с напуганным, здоровый — рядом с немощным, чуткий — рядом с ослепшим и оглохшим.

Старуха первой упала на колени и вытянула ладони перед собой. Остальные, один за одним, последовали её примеру.

Призрачная улыбка. Покачивание головы.

— Вы опустили на колени, но не передо мной, — изрёк Куова, широко раскинув руки. — Вы преклонили колени перед пламенем веры, дарованным нам Спасителем!

Несмотря на современные одежды, механическую музыку в дальних уголках площади, шум машин вдалеке и тысячелетний опыт, впитанный на школьных уроках, на короткое время люди вернулись к истокам — ко временам царства Киэнги. Точно также когда-то тысячные толпы собирались вокруг Белого зиккурата и падали на колени, свидетельствуя посвящению верховного мага Круга в божественные тайны. И Куова вспомнил, как он оказался здесь впервые.

«Это было очень давно».

Воспоминания поблекли.

Не существовало больше ничего, кроме него и коленопреклонённой толпы.

Наконец-то пришло время оставить позади образ странника, читающего проникновенные лекции, и стать чем-то большим. Куова шагнул вперёд, поднял лицо к небу и, смежив веки, опустил на колени.

Время застыло.

Он втянул пересохшими губами прохладный воздух. Сердце наполнило волнительное чувство перерождения. Новая глава. Касание далёкого тепла.

Глаза медленно открылись.

Весь мир озарило пробившимся сквозь облако солнечным светом.

— И я преклоняюсь вместе с вами.

Таковыми были завершающие слова — слова, которые приоткрыли двери в царство человеческих душ. Сотни и тысячи душ.

Куова молчал, и люди хранили тишину вместе с ним. Он вытянул руки в сторону солнца, надеясь, что то отзовется, и некоторые пытались повторять то же самое. Другие же тянули руки к самому Куове, словно в их мире он был источником тепла и света.

Он потерял счёт времени. Душу терзали бессчётные мысли и вопросы о том, что некогда произошло, и о том, чему ещё суждено произойти. «Теперь люди хотят слышать мои слова, но готовы ли они идти следом? Захотят ли они шагнуть в горнило ради будущего?»

Подхватят ли они падающего брата? Меня?» Было сказано много слов, Куова одарял свой новый народ идеями и откровениями, но даже собственное воодушевление не позволяло укрыться от понимания, что впереди лежит путь огня. Путь жертвенности и жертв. Огонь есть огонь, сколь бы священен он ни был.

Когда Куова поднялся на ноги, люди обступили его со всех сторон, пытались коснуться или хотя бы перехватить взгляд, а он шёл среди них, растворяясь, — улыбался, жал руки, шутил и хлопал по спинам. Через людской поток он дошёл до Артахшассы, который так и не сдвинулся с места, глядя на Куову ясными голубыми глазами.

— Тубал. Хорошо, что ты здесь.

Жандарм стоял и не мог сказать ни слова, как будто лишился дара речи, и только взгляд заметно повлажнел. Всё кругом стихло, сделалось далёким и незначительным.

— Я чувствую, как ты страдаешь. И ты колеблешься.

Куова печально покачал головой.

Тубал казался совершенно беззащитным, готовым исполнить любую просьбу, однако ему была уготована не роль прислужника.

— Ты не знаешь, как поступить правильно?

Звуки вокруг вновь вернулись — крики и насмешки людей. Куова обернулся и увидел, как несколько мужчин грозно потрясают кулаками и топают вслед быстро удаляющимся адептам в тёмно-серых плащах.

«Начинается», — отстранённо подумал Куова.

Толпа явно не намеревалась никого преследовать. Пока в них по-прежнему больше страха, чем пылающей злости — и Куова понимал это. Нет, время ещё придёт...

Куова посмотрел в глаза жандарма.

— Я не могу избрать путь за тебя, — сказал он. — Но навести меня в час нужды — и я облегчу твою боль.

«Каким путём я должен их повести?»

Множество вариантов. Возможности и неопределённости.

Гафур перехватил Куову, когда тот раздумывал, попробовать дождаться трамвая или пойти домой пешком. Они без слов поприветствовали друг друга и, с сомнением покосившись на пустые пути, сошли на тротуар и побрели вдоль проспекта. К вечеру ветер усилился и облака над городом разошлись. В окнах по обеим сторонам Шегеша зажигались огни. Из некоторых уже доносились оживлённые споры, плавно перетекающие в ругань, как и многие споры, вдохновлённые излишками спиртного.

— Это была хорошая лекция, — сказал наконец Гафур и, немного помолчав, добавил: — А как по-твоему, рискнуть свободой — тоже ведь жертва, коль скоро ради благого дела?

Куова окинул молодого человека изучающим взглядом. Мясник не знал куда деть руки — то ли засунуть в карманы, то ли занять их чем-нибудь незамысловатым. На его лбу проступили складки.

«Ему уже хочется начать действовать».

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что торговая инспекция уже посадила на рога нескольких лавочников. Потому, что скоро терять будет нечего.

Мясник никогда не отличался ни выдержкой, ни терпением. Он учился прилежно, даже

освоил основы игры в невш, однако всё ещё ставил действие превыше мысли.

— Ты хочешь поддержать стачку, — догадался Куова.

Гафур скрестил руки на груди.

— Прошёл не один год, — твёрдо сказал он, — но ты всё осторожничаешь.

Конечно же, его беспокоило, что на десятки рассуждений о равенстве и справедливости Куова не озвучил ни единой идеи, как этого добиться. И всё же, несмотря на пыл, Гафур нуждался в наставничестве, так что его гнев быстро испарился. Куова это чувствовал.

— Но чего ты от меня ожидаешь?

— Я хочу, чтобы... ну, в смысле — ты говорил, что храбрые должны помогать несмелым... Не все готовы решиться, но я покажу им!

За долгое время наблюдений Куова понял, что Гафур относится к людям, которые склонны искать возможности, а не дожидаться их. С малых лет его окружали требовательные воспитатели, наставники и даже друзья, непременно ожидающие прыжков выше головы. Теперь, рядом с Куовой, он терялся, точно всю жизнь сидел на грубых табуретах и вдруг пересел на мягкую подушку. «Откажись я пить с ним хлебное вино, он и вовсе решил бы, что я святой».

— Ты хочешь моего совета? Я мало знаю о забастовках.

Хотя Гафур сам считал себя человеком приземлённым, он также обладал тягой к высоким материям. Только путь его к Богине пролегал извилистыми маршрутами между мягкостью веры и превосходством силы. Не исключено, что Гафур не раз посвящал Спасителю победы в кулачных потасовках и алкогольных состязаниях. И каждый раз тщился убедить себя, что был прав...

«Ему не хватает отца. Человека, который одобрял его упорство».

— Мне нужно благословение! — выпалил мясник. — Я уж всё сделаю. Мелкие торговцы вроде меня уже сыты инспекцией по горло. Они меня послушают.

— Разумно ли это? — спросил Куова. — Мы работаем с сердцами людей как с глиной, но не как с камнем. И всё равно жандармерия не спускает с нас глаз. А адепты перво...

Гафур отмахнулся.

— Мы готовимся уже больше месяца и успели всё продумать. В верхах сейчас беспокойно. С одной стороны поджигают жрецы, недовольные, что у них уводят паству, но Собрание пытается это замять, потому как с другой стороны давят военные, которых раздражают повстанцы на юге. Подумай, Калех, это ведь мой шанс! Наш шанс! Я ведь знаю, ты тоже этого хочешь. Так мы — плевать на результат! — пощупаем правительство за брюхо. Готов поспорить, их внимание к тебе даже поутихнет на время!

Доводы мясника звучали здраво, но хватит ли ему воли, чтобы удержать огонь, который он собирается разжечь? Гафур был достаточно твёрдым и напористым, чтобы заставить себя слушать. В то же время Гольяс, несмотря на искреннее уважение, сомневался в его талантах управленца. И потеря лавки — далеко не самое тяжёлое, что ему грозит.

Варианты мелькали перед глазами. Исходы плавали от недурного к ужасному. Пожалуй, в условиях невозможности сформировать порядок хаос — лучший выход из тупика. Или нет?

«Нельзя потерять контроль. Слишком много я вложил...»

— Вероятно и обратное, — сказал Куова. — Если прольётся кровь...

— Не прольётся! Обычная стачка и демонстрация.

— Ты уверен в этом? Не думаю, что ты готов поручиться, что другие разделяют твои убеждения...

Огонь в глазах.

— Мне только одно нужно. Благослови нас! Больше ничего.

Голос мясника сорвался. Плечи вздымались в такт дыханию. К лицу прилила кровь.

«Я по-прежнему держу тебя».

— Ты втягиваешь меня в политику, — усмехнулся Куова.

— Вся наша жизнь — политика!

Куова ответил терпеливой улыбкой.

— Я рассказываю людям о равенстве перед Спасителем и друг перед другом. Иногда об огне, что жжёт изнутри...

Он немного помолчал, задумчиво глядя на застроенную возвышенность вдалеке, на розовеющий в лучах солнца президентский дворец.

— Иногда лишь о том, что вижу.

Гафур помрачнел.

— Ты не веришь в меня? Прошу, скажи честно!

«Честно, значит? Сказать тебе, что ты — часть большого плана, подстегнуть твоё честолюбие? Или же...»

Куова бросил короткий взгляд на понурое лицо мясника.

«...обнажить твою душу перед тобой самим, будто перед зеркалом?»

— У меня нет привычки сомневаться в ком-либо, — сказал Куова, стараясь говорить так, чтобы голос звучал мудро и проникновенно. — Ты хороший человек, Гафур... Открытый и правдивый. Но ещё в тебе живёт жажда — жажда совершить поступок, который запомнят люди.

Куова смотрел по сторонам, ловя лениво любопытствующие взгляды прохожих, и ощутил себя спутанным паутиной обстоятельств. Никто из этих людей с одинаковыми эмоциями на лицах не был предназначен для первого шага, в отличие от...

Гафур, точно уязвлённый вол, помотал головой.

— Мы все хотим, чтобы нас запомнили! Оставить память после себя...

— Это так. Но желание в тебе другого рода — плевать на результат — как ты сам сказал... Ты бы с радостью стал мучеником, зная, что это отзовется в сердцах тысяч. Даже если бы в конечном счёте это ничего не принесло.

Куова остановился напротив мясника; на лице того читалось ошеломление, близкое к признанию поражения.

— Такой честности ты хотел?

— Жестоко, но честно... — пробормотал Гафур, словно пристыженный подросток. — Но что же...

Но что же делать? Гафур стремился проявить себя в том, что умел лучше многих. Так зачем его ограничивать? Это далеко не наибольший риск, который поджидает на пути. И даже выбор обернётся неудачей...

«Я найду способ всё исправить, найду».

— Порой приходится просто делать то, что должно, — негромко произнёс Куова, бросив усталый взгляд на Гафура.

Мясник отшатнулся, едва не врезавшись в фонарный столб.

— Так ты благословляешь нас?

Сколько надежды в одном возгласе.

Куова глубоко вздохнул.

— Спаситель уже благословил вас, — ответил Куова, обхватив Гафура за плечи. — Он так же желал равенства и справедливости... Но не позволяй праведной злости обратиться в ярость!

«Какова вероятность, что вы поступите с точностью до наоборот?» — подумал он, впившись взглядом в распахнутые глаза мясника.

Возвращение Куовы в этот мир было предопределено. А значит, все дороги рано или поздно сведутся к одному. Такова воля Солнца.

— Попроси — и ты всё получишь. Я благословляю вас.

Отчаявшиеся и обозлённые нескончаемыми притеснениями, лавочники собрались на главной площади Алулима. Поначалу они не решались сплотиться в одной точке, выжидали в отдалении, но, замечая знакомые лица, начинали кучковаться и привлекать к себе остальных. Зарождающееся единство приподняло протестный дух — лавочники развернули плакаты, исписанные размашистыми клиньями лозунгов, и принялись несмело, но недвусмысленно скандировать требования.

Появившийся спустя полчаса небольшой наряд жандармов оказался бессилён против бастующих.

Собравшиеся на небольшую демонстрацию торговцы вскоре обнаружили, что оказались в меньшинстве. К ним присоединились рабочие с фабрик, недовольные условиями труда. Они не взяли с собой ни плакатов, ни транспарантов, но тем громче звучал хор их голосов. Нисколько не желающие упускать свой шанс высказаться, на площадь начали стекаться студенты; молодым людям была не по душе политико-культурная стагнация. Когда эта пёстрая компания превратилась в полноценный митинг, а число жандармов пополнилось подкреплениями, стало ясно, что ночь не выдастся тихой.

К толпе вышел командир жандармов, полковник Хирмани. На обусловленной нейтральной полосе его встретил самопровозглашённый лидер бастующих, мясник Сурани Гафур. Седовласый жандарм, держа гордую осанку, поставленным голосом продекламировал «возможные неприятные последствия нежелательной акции» и предложил разойтись добровольно, пообещав закрыть глаза на уже свершившиеся нарушения. Мясник рассмеялся ему в лицо и ответил, что теперь ещё больше убеждён в правильности избранного пути.

Первое время на площади зиккурата царило относительное спокойствие. Жандармы стояли плотным строем, исподлобья глядя на протестующих; сами же протестующие почувствовали себя расслабленно: кто-то зажёл свечи и посвятил несколько минут молитве, другие весело переговаривались, лишь изредка отвлекаясь на скандирование. А затем раздался звук разбитого стекла, чей-то крик — и это послужило сигналом к действию.

Рабочие начали крушить скамьи и навесы. Они вооружались обломками досок и распахивали по широким карманам мелкие железки и гравий. Студенты из платков и обрывков старых рубаш соорудили пращи. Долгое время дремавший гнев пробудился. В головах поселились слова уличного проповедника о равенстве и вере в ближнего. Полковник Хирмани снова попытался воззвать к разуму протестующих. В сторону жандармов полетели первые камни. Воздух наполнился свистом с одной стороны и твёрдыми командами — с другой.

Началось прощупывание обороны друг друга. Всё это напоминало игру, участники которой не решались всерьёз поранить друг друга: толчком было больше, чем ударов, камни

летели на упреждение, а деревянные дубинки рассекали пустоту. Однако жандармы шаг за шагом отступали с площади на проспект, где новой жертвой ярости протестующих стали витрины и фонари.

В ответ на беспорядки по всему городу отключили электричество — свет в домах и на улицах потух, но тут же огнём вспыхнули факелы.

К середине ночи, когда протестующие вытеснили жандармов с Шегеша, лозунги о сокращении рабочего дня и об усмирении торговой инспекции постепенно сменились призывами к свержению власти. Отступление верных защитников было немедленно расценено как слабость, и вторжение в дворец президента и дом правительства перестало казаться чем-то невозможным.

— Сначала псы! — скандировали они, подразумевая Собрание. — Затем хозяин!

Бунт. Иначе всё происходящее называться уже не могло.

Несмотря на немыслимые старания, Сурани Гафур терпел поражение всякий раз, когда пытался успокоить толпу. Не желая быть обвинённым в предательстве идей восстания, он смирился. В конце концов, что как не произвол властей погубило его отца? Время для сомнений прошло. Вчера простой мясник унижался перед привередливыми клиентами; сегодня в его руках оказалось ни много, ни мало целое святое воинство, благословлённое истинным пророком.

Когда бунтовщики решили пойти приступом на президентский дворец, на их пути выстроился отряд конных жандармов. Около двух десятков человек из хвоста колонны растворились в темноте, решив не дожидаться исхода противостояния. Остальные продолжали идти вперёд, на ходу выстраиваясь в неровное подобие фаланги, но лишь за тем, чтобы конный строй за считанные минуты разбил их на мелкие отряды. Едва они попытались перегруппироваться, в дело вступили скрывавшиеся до сего момента адепты. Ослабленные заклятия сбивали с ног, наводили кошмарные видения и вызывали жгучую боль в конечностях. Всадники рысили взад-вперёд и ударами дубинок оглушали самых ретивых.

Началось бегство. За полчаса восстание было подавлено, зачинщики — схвачены.

Позже выяснилось, что при разгоне бунта погибли девушка. Её обнаружили рядом с молодым жандармом, который стоял над телом, словно каменный страж, сжимая в руке окровавленную дубинку. Его голубые глаза были подобны мутному стеклу.

Бессонница мучила Тубала несколько ночей.

Спустя два дня после подавления бунта сам полковник Хирмани вызвал его в свой кабинет. Тубал пошёл с готовностью понести заслуженное наказание. Которого не последовало. Вместо этого полковник спокойно выслушал сбивчивый доклад, сделал какие-то пометки в своём журнале и отдал распоряжение на месяц отстранить жандарма Артахшассу от службы. Тубал ушёл молча с осознанием безнаказанной несправедливости.

Он заперся в тесной комнатухе, оставшись наедине с роящимися в голове ужасными образами — рассекающие кожу удары плетьюми, тёмная магия адепта, обвивающая тело подобно длинным скользким щупальцам, толпа с факелами, надвигающаяся, как лава, медленно и неотвратно, и испуганное лицо молодой женщины. Он ожидал, что рано или поздно безумие настигнет его и укроет от терзающих обличений, но тщетно.

Когда чувство вины обжилось в сердце, а Алулим погрузился в холодные сумерки, Тубал

вышел на улицу. Прошёлся вдоль шумных ресторанов и кабаре; никому не было до него дела. Он брёл по краю проезжей части, не думая о проезжающих мимо автомобилях, о пронизывающем до костей ветре. Остановился только у библиотеки, где нередко проводил вечера и ночи человек, который стоял над простаканами и дёргал их за ниточки.

Тубал направлялся к пророку.

Исцарапанные двери библиотеки противно закрипели. Рыжеватые огни ламп замерцали, будто факелы под порывом ветра.

Он вздрогнул. В памяти снова всплыла ночь восстания.

— Тубал? — прозвучал справа тёплый голос. — Я боялся, что ты не придёшь.

Тубал с трудом подавил желание развернуться и спрятаться, хотя чужой голос всё ещё нашептывал: «Ты не найдёшь спасения! Беги!»

— Непростой выдался месяц, — сказал Калех. — Для всех нас.

В старом кресле под лампой сидел пророк. Его медные волосы и расчёсанная борода отливали огнём в искусственном свете. Тубал подошёл ближе и прикрыл рукой глаза. На мгновение ему показалось, что перед ним сидит не странник Калех, а живой царь из легендарных времён.

Будто на пороге невозможного испытания, силы и воля покинули Тубала, оставив в душе мёртвую пустыню.

— Как же так? — прошептал он.

Тубал сам не знал, какой ответ хотел получить на такой жалкий вопрос, будто надеялся, что Калех прочтает на лице его боль и смятение — и поймёт.

— Человек подобен тетиве лука, или пружине затвора. На него можно долго давить, но...

— Нет! — вскричал Тубал, рухнув на стул. — Зачем вы разжигаете в людях ненависть?

Поначалу Калех казался застигнутым врасплох и поражённым, но лишь на короткий миг. На губах появилась измученная улыбка, в глазах цвета шоколада блеснуло понимание.

Калех придвинулся к Тубалу и ласково, почти по-родительски, взял его за руку, сочувственно всматриваясь в глаза. Он заговорил, пытаясь проникнуть в разум непритворными сожалениями, неоспоримыми доводами и вселяющими надежду обещаниями, но Тубал не слушал. Каким-то образом исчезло очарование, влекущее его к этому человеку. Слова превратились в ложь.

«Почему все лгут?»

Разум поглотило болезненное и безжалостное ощущение, что Тубал живёт во сне внутри сна. Он раз за разом просыпался, чтобы обнаружить себя в очередной цитадели обмана. Но всему можно положить конец...

Тубал отдернул руку. Без злости или раздражения. Скорее, из холодной необходимости.

— Чего вы добиваетесь?

Калех вздохнул.

— Почему ты отворачиваешься, Тубал?

— Потому что вы играете с людьми, как с куклами!

Взгляд Калеха изменился почти неуловимо, но Тубалу хватило времени, чтобы заметить мелькнувшую на лице невыносимую горечь. Сердце пропустило удар. Пророк медленно покачал головой.

Затем прозвучал печальный, как песнь вдовы, голос:

— Это не так.

— Нет? — Тубал попытался перевести дыхание, но оно рвалось, словно угодившая в бурю паровая повозка. Трясущейся от накатившего страха рукой он выхватил из-за борта пальто короткий нож. — Довольно!

Холодный металл коснулся его горла. Запрокинув голову так, что свет от лампы вонзился ему в глаза, Тубал прижал лезвие ещё плотнее к натянутой коже.

— Отпусти своё отчаяние, — произнёс голос. Липкий и обжигающий, как горячий мёд. По шее Тубала тоненькой нитью заструилась кровь.

— Отпусти. — Калех дотронулся до его руки так, что на глазах Тубала выступили слёзы.

— Я больше...

Нож выскользнул из руки и со звоном упал на пол. Бросив вниз остекленевший взгляд, Тубал понял, что проиграл. Он должен был разорвать нить. Он стал бы героем.

Но не смог.

— Я подарил людям то, чего они ждали больше всего. Истинную веру, которую от них так долго скрывали.

Тубал всхлипнул, вытер лицо шершавым рукавом и посмотрел на размытую фигуру перед ним.

— Но... — с трудом выдавил из себя он, поднимая взгляд на лицо пророка. — Заветы... Горячая ладонь легла ему на лоб.

— Я раскрою тебе самую важную тайну, Тубал.

Он инстинктивно заслонил руками голову, когда в сознании прогремел голос настоятеля: «Грязное семя... бездарный мальчишка!»

— Нет никаких заветов Спасителя. Он просто дал людям шанс продолжить жить.

«Я всё выучу, правда! Пожалуйста, не нужно больше... я...»

Голос мгновенно умолк, когда до Тубала дошёл смысл сказанного пророком. Его слова были не просто ложью, а заражённой истиной. Той, которая на первый взгляд не отличается от чистой. А потом становится слишком поздно. Слишком поздно... Но только не для Тубала!

Он вскочил на ноги и, пошатываясь, отступил на три шага.

Обман.

«Вы лгали мне. Все вы...»

Общество человека, которого многие считали пророком, в одночасье стало ненавистным. Тубал развернулся и со всех ног помчался наружу.

— Тубал! — закричал ему вслед Калех, но его голос потонул в гуле кошмарного откровения, наполнившем уши.

Вылетев на улицу, Тубал, спотыкаясь, добрёл до ближайшей подворотни и свалился на четвереньки. Его скрутил приступ кашля. Придя в себя, он пополз вглубь какого-то тихого дворика и спрятался за первой попавшейся колонной. Поджал колени и обхватил их руками, пытаясь стать невидимым, незаметным, ненужным. Однако даже так Тубал чувствовал, что кто-то его преследует.

Он не мог убежать от самого себя. Не мог спрятаться от тяжести вины.

«Я даже не кукла... Я разменная фишка!»

Тубал ошибался насчёт Калеха... Как и целая толпа дураков.

Но разве его не предупреждали? Бездарный мальчишка...

Тубал упал на бок и разрыдался, свернувшись калачиком на грязной брусчатке. Одной рукой он вцепился в волосы. Перед глазами мелькали фальшивые лица. Совсем скоро

рыдания притихли и плавно перетекли в хриплый приглушённый смех.
— Лжепророк, — прошептал он.

Иона нахмурился, как следует прочистил горло, затем улыбнулся проходящему мимо мужчине. Попробовать ещё раз?

— Слушайте-слушайте! — Иона стоял на порожнем деревянном ящике и призывно махал руками. — Пророк! Пророк Калех будет говорить завтра в полдень! Приходите на лекцию! Завтра в полдень!

В глазах воззрившихся на него людей застыла надежда, смешанная с растерянностью. Иона прилежно учился у дядюшки Калеха, так что даже в свои одиннадцать лет подмечал такие вещи.

— Багровые десятки...

Багровые десятки появились всего три-четыре месяца назад, но уже успели стать угрозой для жрецов, зажиточных торговцев-одиночек, свободных артелей и всех, кого подозревали в связях с ними. Они устраивали погромы при свете дня, и никто с ними ничего не мог сделать — жандармы исчезали с улиц, словно птицы перед бурей.

— Завтра годовщина кровавой среды! Калех будет говорить о жертвах и скорби! Приходите на лекцию!

Иона всегда умел внимательно слушать и смотреть по сторонам. Ни одна беда в Алулиме не возникала на пустом месте.

Иона хорошо знал причины беспокойного настоящего.

— Год назад оборвалась жизнь! — Он сжал кулачки. — Злодеи не наказаны до сих пор! И слово должно быть сказано!

— Может, и дело пацан говорит...

— Завтра в полдень! У Белого зиккурата пророк Калех будет говорить! Приходите!

Да много ли кто на самом деле придёт? Люди запуганы погромщиками и не сдвинутся с места, даже если наобещать им гору сладких пирогов. Они точно превратились в маленьких мышей. Иона и сам начал хотеть стать мышью.

Но дядюшка Калех обещал, что это пройдёт... Ни одна ночь не может длиться вечно.

Иона театрально поклонился и ловко спрыгнул с ящика, заменявшего ему трибуну. Он принялся разминать ноги и плечи, когда заметил в сотне шагов уверенно прогуливающиеся тёмно-красные силуэты. Иона сообразил, что пора бежать. Вероятно, кто-то донёс о его выступлении. Соглядатаи плохих людей, без сомнения. Теперь, если его поймают, то обязательно побьют. Может, даже бросят в темницу. Как Гафура, бесстрашного друга Ионы...

Вот только его самого не словят. Он быстрый и юркий, как сокол.

Переулок вёл к кварталу бедных учителей и чудаковатых академиков. Последние, по слухам, собирали в своих тесных жилищах магические штуковины и проводили над ними опыты. Иона остановился, услышав громкие раздражённые голоса. Тут всегда с полуслова заводились жаркие споры, но сейчас происходящее на спор похоже не было. Мальчик осторожно выглянул из-за угла. Напротив старого разбитого крыльца стояли трое, пока четвёртый, высокий как фонарный столб, копошился под дверью. Одним из тройки оказался старый друг семьи — Артахшасса Тубал, однако, к большому удивлению Ионы, он носил бордовое. Всё это не сулило ничего хорошего, но сейчас любопытство перевесило чувство опасности.

— Что тут, колдовская защита? — спросил Артахшасса.

— Дерево слабое, — ответил долговязый парень в багровой куртке. — Тут если под замок ногой хорошенько пнуть...

— Я про колдовство спросил! — рывкнул Артахшасса и гневно глянул на запертую дверь.

Долговязый виновато уставился себе под ноги. Кажется, он не мог понять, где успел провиниться.

— Мы же не... Командир, я...

Артахшасса с явным отвращением мотнул головой. Взгляд его ледяных глаз вонзился в Иону. Беда.

Иона стрелой метнулся на другую сторону улицы и помчался по проходам между старыми двухэтажными домами. До ушей не доносилось ни топота сапог, ни бранных выкриков — только недовольная болтовня стоящих на балконах обитателей квартала да шелестение бумажных листов и мётел. Один раз мальчик обратил внимание на разноцветные вспышки в окнах и не удержался от соблазна заглянуть внутрь. Не успел он как следует всё разглядеть, как хозяин дома повернулся в его сторону, но Иона скрылся прежде, чем его заметили.

Вестник Пророка должен быть на виду лишь пока это необходимо.

Идти по улице Уруг-Михра он не рискнул, опасаясь столкнуться с адептами, и пошёл в сторону Гора-города. Какое-то время он шагал вдоль стен гостиницы, построенной когда-то для купцов. Словно впервые, Иона изумлялся огромными размерами похожей на дворец постройки, в которой не стыдно было бы заночевать даже шаху, обводил взглядом каждый завиток на фасаде и фантазировал, как могло выглядеть здание, укрась его цветами и лозами. В тени пыльно-бежевых колонн стояли хорошо одетые мужчина с женщиной и вполголоса обсуждали свежие слухи: президент Бабилим собирается одобрить ряд указов, ужесточающих контроль над не-горожанами.

Миновав торговые ряды, Иона с удивлением отметил, что на широкую Театральную улицу отовсюду стекается народ. Постоял, пытаясь сообразить, в какую сторону идти дальше, с трудом оторвал взгляд от витрины со сладостями и принялся глазеть на разодетых и разукрашенных артистов, что с весёлым свистом маршировали по неровной брусчатке. Вероятно, в Алулиме отмечали какой-то праздник. Повсюду звучали оживлённые крики сверстников Ионы, задорный хохот и невпопад играющая музыка. Мальчик и сам невольно развеселился.

Иона решил, что может позволить себе немного повеселиться вместе со всеми. Последние несколько месяцев отличились особой серостью и мрачностью, так что, шагая в весёлой толпе, он мог ощутить себя причастным к оживающему в городе чуду.

И отчего все встреченные до этого люди были такими хмурыми?

Впереди, на импровизированной сцене из ящиком и покрышек, показались фокусники, размахивающие цветными лентами, и Иона захотел понаблюдать за этим зрелищем. Коренастый фокусник взмахнул красной атласной полоской — и она исчезла, но едва публика успела задаться вполне уместным вопросом, как его тощий коллега достал ту самую ленту у себя из штанов. Иона завыл от смеха.

Когда стоять на месте наскучило, мальчик нырнул в людской поток и, стараясь никого не задеть, перебежал к домам напротив. Иона решил ненадолго время отдохнуть от шума, и теперь он двигался по разветвлявшимся переулкам, держа в голове направление на центр

города. Он расслабился настолько, что резко выскочил на перекрёсток и чуть не врезался в одинокого молодого адепта. Колдун что-то буркнул, а Иона, поборов мгновенный испуг, тихо рассмеялся. В конце концов все эти игры во врагов и шпионов — обычная детская шалость.

Некоторое время он, пританцовывая под далёкую музыку, шагал по узкому проходу. Затем полупустой живот напомнил о своём существовании, и Иона принялся между делом искать, где его можно по-быстрому набить. В воздухе пахло свежей выпечкой. Окончательно сдавшись, Иона забрёл в пустую лавку, где суетливый хозяин-пирожник раскладывал пироги по полкам. Завидев мальчика, тотчас забросил свои дела и достал из-под прилавка мягкую маковую булочку. Иона принял угощение и с удовольствием съел, наслаждаясь сладким послевкусием.

— Передавай привет Калеху, — шепнул пирожник и заговорщицки подмигнул. — Скажи ему, что я помню.

С набитым ртом Иона не мог ответить и только кивнул. Не закончилась ещё одна геройская игра, как началась другая.

Ненароком взгляд упал на часы над головой пирожника: стрелки показывали половину второго, или «скоро начнутся домашние уроки».

— Мне пора! — воскликнул Иона.

Он выскочил на улице и побежал обратно к толпе. Две красноволосые девочки заметили его и попытались затянуть в свои беспорядочные пляски, но Иона увернулся и, показав на прощание язык, заскочил в толчею людских тел. Он ещё не настолько стар, чтобы развеивать скуку с девчонками. Тем более, а вдруг это ловушка? По мнению Ионы, никакие радости от слюнявых объятий не стоили риска попасть в плен к врагу. Лучше жить, как вольный сайгак, и наслаждаться весельем окружающих. На то ведь и нужны праздники?

Но что-то в поведении людей вокруг заставило Иону потерять прежнюю уверенность. Что-то заставляло чувствовать себя чужим — будто забредшим не в свой кабак музыкантом. Неуютно, неестественно.

Он вспомнил, как вёл себя папка, когда перебирал с выпивкой на праздники. Смеялся и пел песни. Однако не от души, а словно пытался утопить в притворном веселье вечную усталость и боязливость. Похожим образом вели себя люди вокруг.

Иона попытался протиснуться сквозь вой и толкотню к маленькому скверу, но, услышав в свой адрес недовольное шипение и ругань, отказался от этой идеи и отодвинулся к краю улицы. Напор опьянённого праздностью народа никто не сдерживал, так что по улице текла непрерывная и плотная живая река. И каждая капля в ней хотела быть впереди.

Фырча от негодования на неуклюжих взрослых, Иона вскочил на пятнистый от дешёвой краски парапет и посеменял вперёд, обгоняя толпу поверху. Вскоре он оставил за спиной шумную Театральную улицу и вышел на окраины Лазурного города. Только сейчас пришло осознание, что на пути не встретилось ни единого жандарма, и вызвало лёгкую тревогу на душе. Конечно, будучи не самым послушным мальчишкой, Иона побаивался стражей порядка, однако и тайно восхищался ими. Красивая тёмно-синяя форма с блистающим атласным шитьём захватывала дух, дарила ощущение покоя...

Иона погрузился в светлые фантазии, вспоминая все варианты, кем бы он хотел стать, когда подрастёт. Он тоже мог стать жандармом и охранять покой города, мог надеть балахон архивариуса и изучать загадочные рукописи, мог уехать за город и разбить большущий сад, в котором выращивал бы фрукты... Тонкую оболочку мира грёз прорвали панические

возгласы:

— Багровники! Багровая десятка идёт!

— Где?

Никто не ответил.

Раздались душераздирающие крики. Иона обернулся в сторону, откуда нарастала паника, и попятился к стене ближайшего дома. Он стоял, прижавшись спиной к прохладному камню, и смотрел, как толпа на маленькой площади разбегалась по подъездам и примыкающим улочкам. Шум сотен голосов усиливался, и Ионе почудилось, что сердце вот-вот лопнет. Багровая десятка! Здесь! А он даже не знал, куда бежать.

Люди продолжали кричать, некоторые уже сорвали голос. Иона попытался успокоить себя — может, они ошиблись и только напрасно устроили балаган? — но вдруг заметил вдалеке тёмно-красные фигуры...

Багровая десятка.

Грозные мужчины в плотных куртках с топотом и свистом вышли из переулка, которого люди сторонились как бури. Затем показался их предводитель — высокий, бородатый, с длинными руками. Бледно-коричневые космы волосы выбивались из-под старой чёрной фуражки. Он шёл без спешки, но его приспешникам всё равно приходилось ускоряться, из-за чего они походили на свору собак. Иона собак побаивался и вжался в стену, пытаясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Командир тяжёлым взглядом осматривал закрытые подъезды. Хищник, выслеживающий добычу. Затем он указал рукой на одну из дверей, и двое громил в считанные секунды вышибли её и с диким улюлюканьем ворвались внутрь.

Никогда ещё Иона не был так напуган. Отчего-то сильно захотелось в уборную.

Он не отводил глаз от командира десятки, а сам багровник всматривался в зияющую темноту на месте выломанной двери. Приспешники выжидательно стояли рядом, ещё больше напоминая голодных псов. Людей на площади почти не осталось.

Наконец погромщики выволокли на улицу жреца в изорванном одеянии. Вслед выскочила женщина в одном исподнем.

— Не-е-ет! — завопила она, вцепившись в рукав багрового здоровяка, который тянул жреца. — Отпустите его!

Иона нервно сглотнул. Не желая больше смотреть на насилие, он развернулся и побежал в тёмный проулок.

На пути возник высокий человек и зловеще навис над мальчиком. У него были густые каштановые волосы и худое вытянутое лицо. От него пахло железом. Но хуже то, что тёмно-серое облачение выдавало в нём адепта, и Иона хорошо его знал.

— Кажется, ты заблудился, отрок, — прошелестел Абрихель с добродушием гюрзы.

Ситуация не сулила ничего хорошего. Люди вокруг словно испарились, а багровые десятки едва ли были меньшим злом.

— Мм, нет. Я уже... уже иду домой! Да, иду! — затараторил Иона, медленно пятясь к боковому проходу. Он ощутил давление в мочевом пузыре.

— Боюсь, сперва ты пойдёшь со мной, — ухмыльнулся колдун, схватив Иону за руку. — Мне нужно кое о чём поговорить с твоим... дядюшкой.

Иона попался! Угодил в смертельный капкан!

Теперь, медленно идя и тщетно пытаясь увернуться от тычков Абрихеля в спину, он думал о том, как спастись. Сбежать самому не получится, но если о случившемся прознает

дядюшка Калех, то обязательно придёт на помощь. И тогда Абрихелю мало не покажется. И Иона выберется из ловушки колдуна...

Нет. Это Иона завёл колдуна в ловушку.

Осталось только придумать, как дать об этом знать дядюшке.

— Худой мальчишка, с хвостиком, — пояснил Куова и наспех рассказал, куда должен был пойти Иона.

На первый взгляд лицо Артахшассы не выражало ничего. Однако Куове хватило одного взгляда на бывшего жандарма, чтобы понять: известие об исчезновении мальчика взволновало его. В нескольких шагах позади переговаривались багроводесятники, подпирая спинами стену дома и фонарные столбы.

— И что? — спросил Артахшасса, вяло скрестив руки на груди.

— Я вижу, тебе теперь не приходится прозябать на месте. Быть может, он попался тебе на глаза?

Голубые глаза впились в Куову.

— А даже если и попался?

Слова таили в себе иной смысл. «Ты оставил меня наедине с отчаянием, а теперь приходишь с просьбой?!» — вот что читалось в тоне Артахшассы. Куова кивнул.

— Помоги мне.

Бывший жандарм посмотрел поверх его плеча, взглянул на стоявших поодаль подчинённых. Куова ощутил колебания Артахшассы, его участившееся дыхание и рвавшийся наружу вопрос, слишком болезненный, чтобы быть легко подавленным: «Правильно ли я поступаю?»

— Мы могли бы объединиться, — предложил Куова. — Как когда-то. Если ты или твои люди его видели, то...

— Не будет «как когда-то», — резко сказал Артахшасса. Злость на его лице смешалась с болью. — Твоя ложь уже погубила многих, и вот — очередная жертва.

— Вот как? Во мне всё дело?

— Своими речами ты нажил себе много врагов, Калех. И не у всех так связаны руки, как у нас. Абрихелю ты точно небезразличен.

Он поправил ворот куртки, глубоко вздохнул.

— Ладно.

Он коротко взмахнул рукой, подзывая своих людей, приказал оставаться на месте. Затем его лицо вновь обратилось к Куове, и на нём не было ни следа сомнений.

— Я делаю это ради парня, не ради тебя.

Жёлтые полуразваленные стены Гора-города скрылись за спиной в вечерней дымке. Небо медленно розовело. К закату город оживал заново, на улицах воцарялся весёлый шум... Так было раньше — сейчас Куова с Артахшассой шли в мрачной тишине.

За час они ещё не успели далеко продвинуться, а теперь остановились. Над ними нависала выцветшая вывеска закрытого кабака.

— Люди напуганы, — сказал Куова.

— Это всё хаос, который ты посеял.

Несколько секунд он задумчиво смотрел на Артахшассу. Невысказанные слова наполнили воздух невидимыми разрядами. Куова не сомневался, что сможет без особых усилий переубедить мятежного юношу, вернуть на свою сторону. Он мог бы рассказать ему, как мир уже едва не погиб. Возможно, ещё одна порция правды вновь вызвала бы приступ ярости, которая затем обратится пониманием. Но события — точно слова в чудесной поэме — складывались лучше, чем можно было представить. При всей жалости Куове с трудом удавалось представить потерю такой чистой и пылкой души, как у его спутника. Нет, Артахшасса слишком ценен для будущего.

Куова повернулся и пошёл по тротуару, сплошь усыпанному осколками стекла и бумажными обёртками. Но вскоре Артахшасса обогнал его и встал посреди дороги, не давая пройти.

— Ответь мне, — тихо, почти с мольбой, произнёс бывший жандарм.

В этот момент, казалось, замолкли даже звуки мотора и голоса с соседней улицы. Или это снова пробудился глас милосердия, заглушая все шумы вокруг?

Артахшасса стоял на месте, точно сторожевая вышка.

— Чего ты хочешь добиться?

Куова покачал головой.

— Сейчас это не важно. Ты сам узнаешь, когда придёт время.

Артахшасса, словно опытный охотник, скользил в тени старинных зданий Лазурного города, ориентируясь на донесения наблюдателей из Багровых десятков. Куова следовал за ним.

«Его уверенность несомненна, но верит ли он?»

Он остановился и прислонился плечом к стене.

— Тубал?

Бывший жандарм развернулся.

— Что? — спросил он и фыркнул. — Только не вздумай снова лезть мне в сердце.

Снова злость, но больше вынужденная. Будто ему больше нечем защититься.

Куова задрал голову, зацепившись взглядом за округлые купола дальних башен.

— Почему ты встал на этот путь? — спросил он.

Артахшасса сперва уставился туда же, куда смотрел Куова. Видимо, не найдя в том ничего примечательного, он опустил взгляд. Его лицо сделалось бесцветным и хмурым.

— Не тебе задавать такие вопросы.

— Ты пытаешь заполнить пустоту в душе.

Артахшасса вздрогнул.

— Я прав?

На губах Артахшассы появилась снисходительная улыбка.

— Пустоту? Никогда ещё я не был так полон, Калех! Просто одной ночью я очнулся ото сна и увидел свой путь. Он вёл к искуплению!

— Ты хороший человек, — сказал Куова после короткой паузы. — Будь подобных тебе больше, мир преобразился бы до неузнаваемости.

Тубал отвернулся и пошёл дальше. Подолгу смотреть на лжепророка было выше его сил.

Тусклые фонари над головой замерцали. Старые балконы домов зловеще накренились. Спустя мгновение зрение вернулось в норму, багроводесятник замер и уставился на пустую улицу, уходящую далеко вперёд.

— Ты что-нибудь увидел? — спросил он.

Шаги Калеха за спиной стихли. Тубал осмотрелся по сторонам, ища его, и увидел, что проповедник стоит на перекрёстке, а с боков к нему подбираются фигуры в длинных плащах. Первый адепт держал в руках чётки, и в тишине было отчётливо слышно, как он постукивает ногтем по каждой бусинке. Другой вертел вокруг пальца тонкий ремешок с нанизанным на него ярко-красным камнем. Они надвигались на Калеха, точно тени.

— Назад! — вскричал Тубал, выхватив из-за пояса револьвер, и навёл ствол сперва на одну из фигур, затем на другую. «Он мой. Мой!»

Адепты остановились, задумчиво топчя землю, и с их стороны донеслась неразборчивая ругань. Калех не двигался. Тут Тубал осознал, что всё их внимание было сосредоточено на лице проповедника, но со спины не мог понять, в чём дело. Тем не менее, адепты отступили и скрылись в темноте переулков.

Багроводесятник решил, что лучше не ждать, пока они передумают.

Тубал шёл вперёд. Калех мягко, но настойчиво подгонял его вперёд, впрочем, сам Тубал на этот раз не возражал. После встречи с адептами в душу когтистыми лапами вцепилась тревожность, не отпускала, словно настигший жертву орёл. Взгляд невольно скользнул вправо. По тёмным кирпичным стенам пятнами расползлся желтоватый электрический свет. Тубал скорчился, поглощённый болезненными воспоминаниями.

Ему почудились звон цепей и сквозящий холод тюремной камеры.

«Нет, это невозможно...»

Он пошатнулся и опёрся рукой о холодный фонарный столб. Тяжёлый кованный фонарь казался центром всего, опорой, не позволявшей рухнуть в небытие. Над Тубалом появилось вытянутое лицо с горящими глазами и кривой ухмылкой на губах, но спустя миг морок развеялся — и он узнал проповедника.

— Тубал, — окликнул его Калех. — Что случилось?

Какой позор! Позволить себе проявить слабость перед этим человеком...

— Колдун, — проговорил Тубал, ощущая нехватку дыхания. — Я не хочу...

Бородатое лицо проповедника посуровело.

— Нам нужно спасти дитя, Тубал, — сказал Калех, положив руки ему на плечи. — Ты помнишь свой долг защитника?

Тубал попытался взять себя в руки, хотя от низа живота по всему телу начала растекаться морозная волна страха.

— Что... что это за улица?

— Сандаловая. Мы свернули на неё с Ишфанской.

Тубал оттолкнулся от столба и выпрямил спину. Его сердце по-прежнему бешено колотилось. Он закашлялся и огляделся.

— Здесь бы... бы-бы... — Тубал запнулся от охватившей тело дрожи. — Здесь была оранже-жеря...

Он завидовал спокойствию Калеха.

— Мы должны найти мальчика.

— Вп-переди! — выдохнул Тубал.

Он снова привалился к столбу, не отводя взгляда от лица проповедника. Ему уже было плевать на слабость. Этот человек, Калех, всё равно всех видел насквозь.

— Н-нужно идти пря-прямо, до к-конца улицы, — продолжал он, судорожно глотая воздух. — Там заб-брошенный с-склад. Т-т-там он мог бы сп-прятаться!

Мир перед глазами завертелся колесом. Тубал зажмурился.

— Да, он т-точно здесь, ошибки бы-быть не должно.

Открыв глаза, Тубал обнаружил, что остался один посреди сумрачной улицы. Ошеломлённый, он дрожащими руками достал револьвер. В нескольких шагах впереди он разглядел фигуру Калеха и прицелился ему в спину. Занемевшие пальцы не слушались, зрение застлала полупрозрачная пелена, а проповедник уходил всё дальше.

«Ну же! Давай...»

— Н-ненавижу! — всхлипнул Тубал, опуская револьвер.

«Будь ты проклят! Ну и уходи!»

— В пос-следний раз... — прошипел он.

Фигура лжепророка растаяла вдали.

Тёмное и сухое место. С потолка медленно оседали крупные клубки пыли. Что-то в них привлекло внимание Куовы, и он замедлил шаг. Клубки светились приглушённым оранжевым светом, словно крошечные лампочки. Потом раздался хриплый шёпот. Призрачные голоса окружили Куову со всех сторон, обволакивая разум подобно паутине. Пылевые шарики вспыхнули ярче, на них проявились вопящие гримасы, но Куова разогнал их, точно мух, и двинулся вперёд. Колдовская трясина. Ноги увязали в чернильно-чёрных тенях. Пророк продолжал идти, хотя каждый шаг давался с трудом.

Ловушки не могли причинить вреда плоти. Они были только испытанием для воли. И всё же Куова будто наяву чувствовал то же жжение внутри, что и столетия назад, когда вместе с братьями закрывал разрывы...

Шёпот утих, тени растворились в темноте. На несколько мгновений установилась тяжёлая тишина — следом послышался топот; навстречу выскочила маленькая фигурка, неряшливо одетая и подпрыгивающая через шаг. Куова терпеливо выжидал, пока Иона мчался к нему. Он не позволял себе расслабиться раньше времени.

Оглушительный крик.

Куова наклонился к мальчику, который, тяжело дыша и уперев ладони в колени, остановился напротив. Чумазое лицо Ионы сияло от радости.

— Дядюшка Калех! Он там! Я поймал его!

Пророк потрепал Иону по волосам. Не успел сказать ни слова, как мальчик прошмыгнул мимо и скрылся за дверями склада. Куова вздохнул и пошёл вслед за ним.

«Ну что за непослушный...»

За спиной заскрипели половицы, воздух заметно похолодел. Куова резко развернулся и чуть подался вперёд.

На расстоянии нескольких шагов в полумраке человек казался просто тонким вытянутым силуэтом. Куова, замерев в оборонительной стойке, следил, как тот медленно приближался; образы безудержной нечестивой магии в голове вновь дали о себе знать. Человек был одет в серое одеяние адепта, на плечи спадали густые волосы. В левой руке он

держал позолоченный жезл в форме креста, отливший синевой в редких проблесках света. Вслед за колдуном тянулся еле заметный шлейф теней. Абрихель заговорил на старокашадфанском:

— Вижу, ты всё-таки пришёл.

Куова не ответил. Сделал вид, что не понял ни слова. В дальнем углу склада кто-то шуршал.

Колдун держался на расстоянии, словно оценивал возможную угрозу. Он пристально смотрел на Куову, изредка бросая взгляды по сторонам.

— Прекрасно, — сказал колдун на привычном языке, подходя ближе. Куова увидел загоревшиеся жёлтым светом глаза и тёмный дымчатый нимб над его головой. — Ты ответишь на мои вопросы.

— Я ожидал более изящного выражение того, что ты ко мне неровно дышишь, — с насмешкой ответил пророк.

Абрихель хмыкнул. Казалось, случайная шутка застала его врасплох. Пошатнула серьёзность момента.

— Шутки шутишь... — буркнул наконец колдун. Он подступил ещё на шаг, не отрывая взгляда от Куовы. — Кто ты?

Куова не шевельнулся.

— Некоторые адепты позавидовали бы твоей выдержке...

Разглядывая его, Куова обратил внимание на крестообразный жезл в руках колдуна: тот был покрыт формулами заклинаний и инкрустирован ярким лазуритом, что свидетельствовало о наградном характере артефакта. Не исключено, Абрихель заслужил фокусирующий жезл как ветеран одного из локальных конфликтов — не стоило его недооценивать.

— Я долго следил за тобой. Ты не бродяга-горец, правда же?

Этого следовало ожидать. Удивляло лишь, что колдун так долго выжидал.

Вновь послышалось шуршание, теперь уже более громкое, почти паническое.

— Ты знаешь, что я могу испепелить тебя одним щелчком пальцев? Почему ты не боишься? Только не рассказывай мне сказки про Спасителя.

Колдун начал обходить Куову, переступая с ноги на ногу так, будто ходил по упругим пружинам.

— Незримая нить роднит тебя со мной! Но не пойму, какая... Даже если ты неудавшийся адепт, я не почувствовал древнего дара в твоей крови. Искусство формул. Неужто ты... Ты в самом деле пришёл ко мне с пустыми руками?

Куова в ответ только пожал плечами.

— Что ж, быть может, меня взаправду хранит воля Спасителя.

Колдун громко цокнул и раздражённо покачал головой:

— А ты упрям, погляжу. Впрочем, другого я от тебя не ждал.

Увиливания Куовы не принесли желаемого эффекта — пожалуй, время для шуток осталось позади. Лицо Абрихеля внезапно посветлело, сделалось до неузнаваемости открытым и дружелюбным.

— Да, в этом мы схожи. Не мог бы я, как и ты, стоять на площади, кормить толпу сладчайшими посулами, не мог бы?..

Он раскинул руки в стороны и блаженно улыбнулся, грубо копируя позы провозвестников с храмовых барельефов.

— О, я восхищён! Разнести вдребезги храмовые догматы! Надо же... А всё потому, что некто вложил тебе в голову знания...

Он выставил кулак перед собой и провозгласил:

— Знание — сила!

Куова вдруг вспомнил главный принцип, движущий колдуном. «Сила, верно. Ведь собственная слабость тебе противна, как ничто другое».

Абрихель медленно и почти торжественно воздел фокусирующий жезл к потолку. Жезл ярко вспыхнул лазурным светом во мраке и тут же потух. Затем колдун несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, как будто ему нужно было настроиться на другое состояние. Его глаза слегка потемнели, приобрели более естественный оттенок.

— Одного не пойму. Вот этот юнец — Артахшасса — чуть ли не в рот тебе заглядывал, а теперь? Вместе с другими отщепенцами из жандармерии примкнул к реакционерам. Что же случилось?

Он постучал пальцем себе по виску.

— Ты взрастил диву. Думаешь, сумеешь с ним справиться?

Он печально вздохнул, не отрывая взгляда от Куовы.

— По правду говоря... мне его даже жаль.

Хороший момент. Куова решился на провокацию.

— Жаль? — переспросил он. — Детей ты похищаешь тоже из жалости?

— Я никак не навредил ему! Хоть сам у него спроси.

Колдун помотал головой.

— Мне всего-то нужен был предлог, чтобы выманить тебя подальше от лишних ушей. Чтобы ты раскрыл свой секрет!

Он провёл ладонью по лицу, снова вздохнул.

— Я сильно недооценил тебя при первой встрече. Тогда! Тогда я думал, что ты просто сумасшедший бродяга. Поверил в байку о просвещённом отшельнике с гор. Но ты никогда не жил в горах.

Абрихель хрипло рассмеялся.

— Конечно же, нет, — продолжал он. — То, как ты говоришь, как держишь спину, как смотришь... ты человек степи, как и я. Горы старые, но истинная сила кружит в степях, вот где настоящий колодец — понимаешь? О, по глазам вижу, что понимаешь! Ты ведь тоже адепт, или был им когда-то, признай наконец. Ты отказался от древнего дара? Или научился мастерски скрывать его? Как это возможно? Ответь мне!

Клубы тёмной магии начали скапливаться вокруг наверхия его жезла. Колдун сплюнул.

— Похоже, я только зря трачу с тобой время! Первосвященник, президент, жрецы, багровые десятки — пыль, что исчезнет во времени. Но знание хранит силу, и я добьюсь его от тебя.

Колдун взмахнул жезлом в сторону Куовы. Тот отступил на шаг, чувства обратились внутрь, пробуждая копившуюся годами энергию на случай, если Абрихель атакует.

Положение уже не подразумевало иного исхода.

— Я — старший адепт Храма, Калех. Это не пустая похвальба. — Он протянул ладонь, сжал худые пальцы, и над кулаком ярко вспыхнули золотые искры. — Этими заклятьями я сжигал мятежные аулы и развеивал их пепел на ветру. Ты слышал про зачистку в Незарве? Мне уже доводилось обращать жизнь в ничто. А тебе?

— Не мелко ли с такой мощью набрасываться на бродягу вроде меня? — насмешливо

откликнулся Куова.

Довольная ухмылка. Сама поза колдуна кричала о мнимом превосходстве.

— Не бойся, мне нет смысла убивать тебя, но кое-что новое о боли ты узнаешь!

Абрихель атаковал первым, с его пальцев сорвались мерцающие оранжевым фрагментированные струи энергии. Куова наскоро выкрикнул защитный напев, ощутил знакомое чувство приятного головокружения, когда сила изнутри сформировала перед ним перламутровый щит. Барьер пронзительно зазвенел от удара, но устоял. Абрихель расхохотался.

— Так ты всё же что-то умеешь! — воскликнул он и сплёл новое заклинание.

Ситуация для Куовы стала практически патовой. Колдун обрушивал на него поток за потоком. Вся концентрация уходила на то, чтобы сдержать натиск нечестивой энергии. В полумраке склада ярко вспыхивали огни от столкновения двух сил. Абрихель был сильнее; он выбрасывал заклятия без слов, только водил пальцами по поверхности пылающего синим креста-жезла. Однако Куова обладал вековым опытом и большей изобретательностью: улучив нужный миг, он толкнул колдуна щитом, заставив того пошатнуться.

Секундное замешательство позволило Куове перехватить инициативу, и он, поглотив остатки магического барьера, громко зашептал атакующие напевы. Три искривлённых луча протянулись на несколько метров и с треском обрушились на фасеточный щит Абрихеля. Пол под ногами качнулся.

— Как?! — не скрывая ужаса, вскричал колдун.

Это было столь же естественно, как воспламеняющее ночь солнце...

Куова пробормотал ещё одно слово, сверкающей белой линией врезавшееся в незащищённое тело колдуна. Удар рассёк серый плащ и глубоко порезал кожу — из раны заструилась кровь.

Куова ударил снова. Абрихель попятился и упал, фокусирующий жезл отлетел в сторону и со скрежетом заскользил по полу.

Пророк стоял над поверженным противником и из последних сил старался дышать ровно. Несколько секунд они, не отрываясь, смотрели друг на друга. Пора заканчивать.

— *А мана ом... Хаво'и... Ша'аньх... Орташ!* — запел Куова, ощущая, как иссякающая магия наполняет его конечности. — *Уфбат, уфбат а мана!*

Абрихель со смесью восторга и страха смотрел на появляющиеся вокруг Куовы полупрозрачные стихийные метки.

— Это то, что ты желал увидеть, Абрихель?

Перед глазами блеснула лазурная полоса, прежде чем метки полетели к цели — и две волны энергии столкнулись.

Склад озарила радужная вспышка. Куова подлетел к потолку, будто отскочивший от твёрдой земли мяч. Он воспользовался последними крохами магических сил, чтобы стабилизироваться, и, всё ещё ослеплённый, плавно приземлился на ноги. Постепенно чернота в глазах сменилась расплывчатыми бликами. Откуда-то сверху падали ледяные капли воды. Сквозь рассеивающийся мрак и тёмный дым Куова безучастно наблюдал, как колдун встаёт на ноги и поднимает с пола свой жезл. Изнутри отозвалась лишь пустота.

«Больше ничего не осталось. Всё кончено».

Однако Абрихель, едва дым рассеялся, бросился бежать. Он споткнулся о выступающую доску, кувыркнулся через плечо, с трудом поднялся на ноги. Раздался тонкий, точно от детского колокольчика, звон — и помещение вновь заволокло дымом, скрыв колдуна из

виду. Куова ощутил сухой жар в воздухе и, кое-как переставляя ноги, поплёлся к выходу.

— Беги, Абрихель. — Куова шептал, но собственный голос отзывался хором в пульсирующей от боли голове. — Беги. И не приближайся впредь.

Следом из груди Куовы вырвался кашель, подобный собачьему лаю, и он повалился на колени. Горло связало какой-то терпкой густой жидкостью. Мир вокруг затягивало мраком, но Куова не прекращал движения, даже когда мог только ползти.

«Мне действительно стоило так поступать? Как поменяется всё, когда они узнают?»

Подул морозный ветер. Сверху кружились чьи-то голоса. Кажется, они говорили о доме, но Куова знал, что дом слишком далеко, чтобы в него можно было вернуться.

Наступило холодное утро, и Куова, скрестив ноги, сидел на кровати, прислонившись спиной к стене. Его сознание переживало то, что было прежде. Бессчётное количество лет назад он, ещё будучи ребёнком, любил наблюдать за причудливым ритуалом жрецов. Они поднимались на высокий холм и после долгой молитвы сталкивали вниз широкое деревянное колесо — то был знак для всех, что грядут великие перемены.

Даже сквозь склеившиеся веки Куова продолжал видеть образы — хаотические, но слишком реальные, чтобы быть галлюцинациями.

Прошлое слилось с будущим, скрепилось настоящим...

Вот мир, уже переживший немало встрясок, из века в век казнимый человечеством за своё гостеприимство, сжавшийся перед неотвратимыми жерновами истории.

Вот Гольяс, робкий библиотекарь, который с годами не утратил юношеского любопытства, однако всё больше погружающийся в пучину пессимизма.

Вот Иона, с его живым, достойным отца, умом и вечной неспособностью усидеть на месте.

Вот Гафур, честный мясник, мечтающий о судьбе мученика и обречённый на заточение в сырой камере.

Вот Абрихель и тревожное затишье после столкновения.

Вот Артахшасса, чьё стремление к чистоте и справедливости несёт его, точно бабочку к огню. А рядом — рука, держащая факел над сброшенными в кучу храмовыми книгами.

Вот Кашадфан, обедневший наследник величественного Киэнги.

А в центре вихря образов — сам Куова.

«Верный ли путь я избрал?»

Предсказания стали неотличимы от фантазий, они, словно в калейдоскопе, разбивались на осколки, чтобы сложиться в новую безумную мозаику.

Холодная страна на западе, молодые люди на марше, одурманенные пропагандой. Суровое бородатое лицо и воодушевляющие крики с трибуны. Жестокие идеи. Нерождённый мальчик с прекрасными глазами. Жертва. Священные слова на золотистой коже. Призраки на сером от пепла поле битвы.

Жар пылающего костра.

Куова глубоко втянул в себя прохладный воздух, пахнувший деревом, пряностями и ожиданием.

Пришло время столкнуть колесо с горы.

«Спаситель милосердный, укажи мне путь во тьме человеческой лжи».

Стоя на коленях и прислонившись лбом к нагретому солнцем камню, капитан Артахшасса Тубал мысленно читал давно придуманную им молитву. Раз за разом он повторял её, пока колотящееся сердце не успокоилось, а судорожное дыхание не выровнялось. Ощувив пьянящую лёгкость в голове, которую сам называл «откровением», Тубал поднялся с земли и стряхнул песок со штанов. Затем он вернулся из солнечного дворика на широкую улицу, где его уже ждал маленький отряд — все как один в тёмно-красных, точно от запёкшейся крови, куртках. Теперь он был готов. Он чувствовал себя очищенным.

Подав знак своим людям из Багровой десятки и хмурой женщине в маске, закрывавшей нижнюю половину лица, Тубал зашагал через притухшую толпу на базарной площади к сердцу Лазурного города, к дому колдуна. Он со снисхождением поглядывал на тех, кто спешил убраться с его пути; Тубалу льстило, что наконец-то к нему относятся всерьёз, без презрения... Если кто-то и смотрел с вызовом, он старался не обращать на них внимание. Всему своё время.

Сегодняшний день обещал стать для него знаменательным.

Из всех целей, указанный командованием, никто ещё не был столь опасной и столь желанной как Абрихель. Он обладал хладнокровием змеи, из его уст лился змеиный яд, при этом гордости хватило бы на целого дракона. Несомненно, именно гордость толкнула колдуна на сговор с другими адептами и, весьма возможно, первосвященником. Поэтому он должен был понести заслуженное наказание.

Что самое важное, он многое знал о лжепророке. Калех, когда несколько лет назад заявился в храм, своими речами ощутимо задел его самолюбие. Не в силах смириться с поражением, колдун непрерывно следил за Калехом, ища куда надёжнее ударить, бросил всех своих подручных разнохивать любые белые пятна в жизни пришельца. Видимо, он сумел сделать какие-то выводы и попытался нанести удар, похитив мальчишку и заманив лжепророка в ловушку. Он недооценил Калеха и не подумал о том, что тот сможет дать ему отпор. Или то была очередная игра?

В любом случае он оставался единственной преградой к исполнению миссии Тубала.

Капитан жестом приказал женщине в маске с багроводесятниками выбить дверь и схватить колдуна, а сам остался ждать снаружи. Вскоре он услышал бессильные крики, звон стекла и звуки ломающейся мебели. Вокруг не было не души, и никто не мог бы увидеть его кулаки, стиснутые до белизны в пальцах, и высоко вздымающуюся от тревожного дыхания грудь. Наконец всё затихло.

Некоторое время Тубал не решался войти в дом. Хотя женщина в его отряде была одной из Пустых и могла блокировать любое колдовство, ему стоило больших усилий, чтобы не сорваться с места и не побежать прочь. Он заложил руки за спину и подставил лицо дневному ветру, ощущая, как возвращается спокойствие. В безоблачном небе завис ослепительно-яркий солнечный диск. Знак огня и света — хороший знак. Тубал медленно вздохнул и прошёл в жилище колдуна.

Внутри ждало зрелище, от которого захватило дух.

— Пошли прочь! — кричал колдун, тщетно пытаясь вырваться из хватки. — Дива вас

раздери, что вам...

Он замолк. Два багроводесятника держали его, давя на плечи и принуждая сгорбиться, а женщина в маске со скучающим видом стояла позади. Абрихель поднял голову, и Тубал увидел искажённое болью лицо, наполовину скрытое за спутанными каштановыми прядями. Но даже так невозможно было скрыть его взгляд.

Взгляд подстреленного степного волка.

Абрихель дёрнулся вперёд, но безуспешно. Багроводесятники только сильнее вывернули ему руки.

— Так вот оно что! — воскликнул он, и его глаза ещё ярче засверкали от злобы. — Мне не следовало удивляться, что именно ты пошёл по моему следу, Тубал. Как пёс...

По его лицу стекали ручьи пота, чуть красноватые от кровоточащей раны на лбу. Одежда колдуна смялась и местами порвалась, на босых ногах виднелись свежие ссадины. Тубал глубоко вдохнул, медленно выдохнул и перевёл взгляд на лицо Абрихеля. Почему он казался хозяином положения? Это тяжёлое, но размеренное дыхание. Презрительный взгляд...

Ухмылка на губах.

Тубал в очередной раз задумался: «Как он заставляет бояться себя?»

— Ты ведь пёс, верно? Преданный хозяину, который его вечно колотит.

Старые кирзовые сапоги противно заскрипели по лакированным доскам. Тубал склонился над Абрихелем; тот задрал голову, и смуглая кожа блеснула от пробившегося снаружи луча солнца.

— Ты жалок.

Тубал отпрянул, оглядел своих людей, ища тени насмешки на их лицах.

— Снимите с него одежду, — приказал он.

Резкая подсечка выбила пол из-под ног Абрихеля, и он рухнул на зад, раскинув руки в стороны. Теперь стала заметна тонкая струйка крови возле его правого уха. Ублюдок пытался колдовать.

Тубал стоял над ним, дрожа от испуга и ликования.

«Ну и кто теперь жертва? А кто охотник?»

Он молчаливо смотрел, как с колдуна грубо срывают рубаху, стягивают штаны, оставляя в одном пыльно-кремовом исподнем. Как же повезло ему оказаться в своём доме, а не в сырой камере.

— Так вот до чего ты опустился! — противно засмеялся колдун.

Костлявое тело, покрытое светлыми пятнами на животе и лодыжках, вздрогнуло, точно от судороги.

Но Тубал не решался подойти.

— Ну, что скажешь? — ухмыльнулся Абрихель, глядя ему в глаза.

Он жадно втянул воздух через нос и поморщился, будто учуял вонь. Разочарованно покачал головой.

— Не нравится?

— Всю одежду, — сказал Тубал.

В приюте ему часто приходилось слышать, что даже самый могущественный человек, если его раздеть догола, становится ничтожным и униженным.

Униженным — возможно, но точно не ничтожным.

Тубал осмотрел колдуна. Сидящий на полу, удерживаемый под руки, нагой, со

съёжившимся фаллосом в окружении густой тёмной поросли на лобке, Абрихель всё ещё выглядел грозным.

Проклятый адепт!

Усилием воли Тубал заставил себя наклониться, достаточно близко, чтобы слышать дыхание колдуна.

— Ты жалок, — процедил Абрихель и попытался плюнуть в него, но промахнулся.

А затем пнул Тубала в голень. Удар получился не сильный, но его хватило, чтобы капитан отскочил и инстинктивно потянулся за револьвером; его люди никак не отреагировали. Абрихель смотрел на него с издёвкой...

Тубал погладил кобуру на поясе. В порыве он едва не забыл, зачем пришёл.

Колдун снова дёрнулся вперёд, хищно оскалив окровавленные зубы.

— Я понял... — неожиданно спокойным, почти обречённым голосом произнёс он и выгнул спину, скривившись как от боли. — Ты хочешь отыграться за прошлое.

Тубал зло смотрел на него. Когда он узнает всё, что ему нужно о Калехе, стоит навсегда избавиться от мерзкой змеи.

Эта мысль придала сил, заставила улыбнуться.

Некоторое время он стоял, не говоря ни слова, и задумчиво глядел на повисшего на руках багроводесятников Абрихеля. Снаружи прогремел одинокий грузовик, оставив просачивающийся сквозь приоткрытые двери запах пыли и солярки. От дурманящей вони закружилась голова, и даже колдун, казалось, перестал осознавать что-либо, пока капитан не заговорил.

— Что, Абрихель, — спросил Тубал, — каково это, быть в роли скованного? Ведь теперь, когда первосвященник попал в опалу, адепты сделали виновными во всех смертных грехах. А всё — ваша непомерная гордыня! Вы могли спасти Кашадфан от яда лжепророка, но предпочли строить свои козни против президента. Есть в этом справедливость, не находишь?

Абрихель опустил голову.

— Справедливость? — прохрипел он.

Какой же сладкой может быть власть над своим злейшим врагом!

— Ну да... — продолжал Тубал, не сдерживая улыбки, глядя на обессиленного колдуна. — Такой безбожник как ты... Я ведь говорил, что чту заветы Спасителя? Наконец-то я смогу исполнить свой долг. Хотя и мне пришлось блуждать в потёмках, но это ты и сам знаешь.

Продолжительный булькающий кашель.

— Я знаю, да.

— Как всё замечательно складывается, — сказал Тубал, подавляя дрожь в руках, — ты не заметил, Абрихель? Ты знаешь, чем всё закончится. И наверняка знаешь, зачем тебя схватили.

— Шёл бы ты дальше углы сторожить.

— У меня нет никакого желания истязать тебя — я не палач. Но если ты ещё раз посмеешь дерзнуть мне...

Тубал ударил его наотмашь по лицу, и ещё раз, пока не убедился, что колдуну больше не до насмешек. Затем продолжил:

— Пару месяцев назад ты виделся с... Калехом.

Торжествующее настроение капитала улетучивалось, будто вода в раскалённом котле. В

сердце кольнула внезапная вспышка беспокойства — похоже, колдун всё ещё вёл свою игру, и делал это очень умело.

— И что? — Абрихель опять закашлялся.

— Я хочу знать больше о вашей встрече. Хочу знать то, что узнал ты.

«Мерзость». Любое упоминание колдовства вызывало у Тубала отвращение. Ещё хуже было связывать нечистое искусство с человеком, которому он когда-то верил и считал своим проводником к истине. Много лет назад Калех выглядел для него оплотом покоя и справедливости. Тубал хотел бы тогда отказаться от всего, чтобы верить ему, следовать за ним...

Но теперь он видел ясно.

— Похоже, — продолжал Тубал, — ты был прав насчёт него. Он затуманил людям головы своим колдовством? Скажи мне!

Абрихель смотрел на него снизу вверх так, словно следил за забравшимся на вершину башни ребёнком. Тубал терпеливо стоял над ним, чувствуя, как начинает затекать спина.

— Какое мне до этого дело? — проскрипел Абрихель.

«Да как ты!..»

— Не пытайся сбить меня с толку своим лживым безразличием! — вспыхнул Тубал. — Думаешь, что ты лучше меня просто потому, что умеешь наводить морок? Или, может, в тебе кровь чище моей?!

Тубал коротко шикнул, возвращая контроль над эмоциями, и заговорил снова:

— Подобные тебе взбираются по головам и плюют сверху. Вот только я знаю, что есть кое-что, за что каждый из вас трясётся... Посмотрим, сколько равнодушия в тебе останется, если я лишу тебя этого.

Он взял у одного из багроводесятников нож, присел на колени и приставил сверкающее лезвие к паху Абрихеля.

— Ну что?! Что? Теперь тебе есть дело, Абрихель? Поверь, как много сейчас твоих сил! Этот Калех, он колдун? Всего один ответ, Абрихель — ты спасёшь и страну, и своего дружка...

— Я ещё увижу твой труп, — прошипел колдун. — Увижу.

Тубал раздражённо дёрнул рукой, оставив на коже небольшой порез. Абрихель сглотнул и закатил глаза.

— Да, Калех один из адептов! Решил задачку?

— Возможно... Конечно же! Никто из людей не встанет на сторону колдуна, тем более отвернувшегося от Храма. Но, хм... Как он это делает? Жесты, щелчки пальцев, взмахи рук?

— А разве можно как-то иначе? Вижу, ты так и не избавился от страха, Тубал.

Тубал раскрыл рот и, размахнувшись, ударил колдуна по щеке.

— Заткнись! Сегодняшний день изменит историю... Впрочем, довольно слов. Мне надоело смотреть на твою ничтожность. Пусть тобой занимается моя помощница.

Абрихель повис тряпичной куклой; вид у него был, точно он смотрел на Тубала с борта тонущего корабля. И всё равно умудрялся выглядеть победителем.

Тубалу начало становиться не по себе.

— Передавай привет Калеху, — безразлично произнёс колдун.

Да в чём же дело? Капитан недоумевал, что настолько униженный, беспомощный и избитый человек продолжает говорить с ним в снисходительной манере.

— Не сомневайся, — бросил Тубал, скрипнув зубами. — Он узнает обо всём, прежде

чем получит то, что заслуживает.

Тубал развернулся и решительным шагом пошёл к выходу. Его люди, за исключением Пустой, поплелись следом. Дверь распахнулась, и солнечный свет залил тёмный коридор жилища колдуна; обернувшись, Тубал разглядел лицо Абрихеля. На миг ему показалось, будто увидел ухмылку на его губах.

В мыслях восстала картина идеального города, в котором не останется места для колдовской мерзости, а праведность и честность будут вознаграждаться по заслугам.

«Я очищу этот город ото лжи. Остался лишь один шаг...»

После случая на заброшенном складе он целый месяц практически не выходил из дома. Бывало, что Гольяс просил его сходить в лавку за продуктами — тогда он без возражений собирался, исчезал на некоторое время и возвращался с полной торбой. Вряд ли что-то задерживало его по пути. Почти все часы, за исключением сна и немногословных трапез, он проводил в своей комнате, сидя на полу и закрыв глаза в глубокой задумчивости. Вспоминая первые дни знакомства с ним, Гольяс ощущал себя родителем, ухаживавшим за большим ребёнком. Сейчас он словно заботился о древнем старике. Не раз, и не два задавал вопрос, что он, Гольяс, может сделать, чтобы помочь.

Тот же только отшучивался или многозначительно молчал.

Гольяс совершенно отчаялся и решил опустить руки, пока друг сам не попросит о помощи.

Однако этим утром он проснулся от голосов на кухне и сонно приплёлся на шум; Калех оживлённо беседовал с зашедшим в гости Гафуром.

— Гольяс, дружище, — широко зевнув, проговорил Гафур; из-за хрипоты его голос казался старческим. — Будь добр, налей мне ещё кружечку пива.

Время, проведённое в заключении, ужасно отразилось на мяснике. Бронзово-золотистые волосы сильно поредели и потускнели, кожа приобрела сероватый оттенок, щёки запали, а руки заметно подрагивали всякий раз, когда оказывались на весу. Даже прошедший на свободе месяц не исправил этого. «Только огонь упрямства в глазах всё прежний», — подумал Гольяс.

— И сегодня наконец, — сказал Калех, когда он вернулся с кувшином охлаждённого пива, — я выйду на Кедровую площадь, чтобы обратиться к народу...

Калех удовлетворённо кивнул.

— Это будет очень важная лекция.

Как всегда, он до последнего момент и слова не обронил о своих планах. И это при том, что они столько лет делили одно место под крышей!

Гольяс разлил пиво по кружкам, поставил кувшин на стол и, застыв посреди кухни, вдруг осознал, что именно сказал Калех.

— Лекция?! — воскликнул он. — Калех, ты с ума сошёл! На улицах не протолкнуться от багроводесятников!

— О чём это он, Калех? — удивился Гафур. — Он хочет сказать, что эти молодчики в кожаных шапках могут доставить нам неприятности?

— Я хочу сказать, что дразнить власти сейчас — это самоубийство! — выпалил Гольяс и посмотрел на Калеха: — Неужели ты не понимаешь?

— Я не узнаю тебя, дружище, — удивился Гафур. — Не ты ли первый уговаривал Калеха

начать говорить?

— Да, уговаривал! Но всё зашло слишком далеко.

Гафур фыркнул — беззлобно, но с явным укором.

— Ох, Гольяс... — произнёс он так, будто разговаривал с глуповатым учеником.

Пошатываясь, он подошёл к Гольясу и стиснул его в объятиях.

— Грядут великие перемены! — сипло прокричал он. — Нам с тобой выпала честь возглавить крыло праведной революции!

Гольяс недовольно скрючился и опустил взгляд в пол. Больше всего на свете сейчас ему хотелось как следует стукнуть мясника по голове. Бестолковый упрямец! Неужели жизнь ничему так и не научила?

— Гольяс, — тихо позвал Калех.

В его голосе слышались извинения, и от этого душу Гольяса пронзило состраданием. Он поднял взгляд на Калеха, одними глазами пытаясь сказать: «Я же твой друг!»

И осознание только сильнее убедило его настоять на своём.

— Калех, одумайся, прошу тебя! Подумай о том, что может произойти!

«Подумай об Ионе!»

— Пойми, Гольяс, теперь уже ничего не изменишь. Ты прав, мы зашли слишком далеко, и нам нельзя отступать. Иначе багровый террор не закончится.

— Они просто убьют тебя! — выкрикнул Гольяс. — И некому тебя защитить — все слишком устали от хаоса. Прощу, уезжай из города, спрячься где-нибудь, но живи! Живи, Калех!

Яростный всплеск потонул в стыдливом молчании, и Гольяс почувствовал себя бессильным и опустошённым. В конце концов он действительно стал главным виновником событий последних лет. «Тогда у меня была мечта...»

— Подумай о последствиях! Разве ты не понимаешь, насколько это опасно? Даже если ты каким-то чудом преуспеешь, ничем, кроме гражданской войны это не закончится! Брат пойдёт на брата...

Калех посмотрел на него; тёмно-карие глаза потускнели от горечи.

— Значит, таков промысел Спасителя. Мне остаётся только совершить то, что должно.

Гольяс задумался об отстранённой сущности Спасителя, чьё неподдающееся осмыслению бездействие допускало творившееся в мире зло. Он задумался о творившихся с его безразличного дозволения беззаконии и коррупции, о войнах и бедствиях, произошедших задолго до нынешних дней. Выходит, его промысел в том, чтобы толкать добрых людей на смерть? Оставлять остальных в одиночестве?

«И если сам Спаситель так жесток...»

— Я не хочу в этом участвовать, — сказал Гольяс и сам вздрогнул от того, насколько холодно и обречённо прозвучал его голос.

Ответом на эти слова стала тёплая, обрамлённая медно-рыжей бородой улыбка.

— Не нужно, — мотнул головой Калех. — Просто позаботься об Ионе.

Кедровая площадь. Священное место магов старой эпохи.

Сотни жителей Алулима собрались на гранитном просторе, с нетерпением и опаской оглядываясь по сторонам. Они хотели услышать лекцию пророка. По пути на площадь Куова развлекал мясника Гафура никому не известными легендами: например, раз в тридцать три

года в рассветном свете, когда встречаются луна и солнце, здесь можно увидеть тени отшельников и заблудившихся юношей. Гафур, позабыв, что время близилось к закату, начал недоверчиво озираться по сторонам.

Ещё во времена древнего царства Киэнги здесь возвышались разлапистые кедры, скрывавшие за собой волшебные поляны с журчащими ручьями. Куова знал, что для кашадфанцев это место не имело особого значения, но ему всё казалось, что призраки былой силы ещё витали в воздухе. Он будто наяву слышал плеск воды и ласкающий ветви шелест ветра. Но что ему в этих звуках? Всего лишь светлые воспоминания о прошлом.

Лес был вырублен давным-давно, и о нём напоминали только небольшие треугольные участки, на каждом из которых росли молодые кедровые деревца. В остальном всё выдавало привычную кашадфанскую расточительность, упрятанную за ложной скромностью: украшенные завитками кованные фонари и скамейки, волнообразные узоры из мрамора на плитах и четыре овальных фонтана по углам. В стороне нашлось место даже маленькому храму, закрывшемуся, однако, на ремонт два года назад. Создавалось впечатление, что люди приложили все усилия, избавляясь от того, что не могли победить.

Это ведь то самое место, где маги-учащиеся Алулима проходили обряд инициации? Куова хорошо помнил, как, будучи юным воспитанником Круга, отправился искать «сердце леса».

— Не вздумай витать в облаках и сомневаться, — говорил ему наставник, — иначе лес поглотит тебя. На свет выведет лишь решимость.

Куова шёл, стараясь сильно не отвлекаться на приветствия людей, тянувших к нему руки. Он легко ступал по живому коридору к обширному возвышению, разделённого с остальной частью площади пологой лестницей. Гафур шествовал рядом с гордым видом избранника и ничуть не уставал от внимания толпы, а в самом конце пути поднялся за Куовой на возвышение и встал позади него, точно верный страж. Куова обернулся, чтобы послать ему дружескую усмешку, но тут его взгляд упал на монументальную мраморную стелу. Основание стелы украшали рельефные сцены битвы, а на вершине красовался расправивший крылья орёл. Апофеоз тщеславия ушедших в прошлое шахов.

Вероятно, то было напоминание о победе в уже забытой всеми войне.

Люди разбрелись по широкой площади, держась поодиночке или маленькими группками возле крошечных клумб и фонарных столбов, которые негласно объявляли центрами личного пространства. Некоторые держали в руках горящие свечи. Поняв, что вот-вот начнётся лекция, они прижали ладони к сердцам и опустили на колени. Робко и нестройно. Куова набрал воздуха в грудь, чтобы произнести первые слова, и тут уловил мелькнувшую за спинами людей тёмно-красную фигуру. Он тихо выдохнул, нахмурился... Что это было?

Солдат из Багровой десятки?

— Вы пришли! — звучно провозгласил Куова и едва не закашлялся.

Он перевёл дыхание и поднял взгляд к солнцу. Светило не желало делиться и крупными божественной силы, но и одно касание ярких слепящих лучей, греющих кожу и золотящих волосы и бороду, дарило умиротворение. Тепло сулило невероятное будущее.

Куова всмотрелся в толпу, но человека в красной куртке там уже не было.

— Вы пришли, — продолжил Куова, мягким жестом призвав всех подняться с колен, — потому что вы устали от лжи и страха!

Слова закружились в мыслях. С чего бы начать на этот раз? Горожане напуганы

террором, и рассказы про нескончаемые битвы между зурами и дивами — последнее, что им хотелось бы слушать. Наконец он решил обратиться к тому, что было прежде.

Куова оглянулся, потрепал зачарованно стоявшего Гафура по плечу и спустился со ступеней.

— Некогда здесь, среди кедровых лесов, — начал он свой рассказ, — собирались те юноши и девушки, что искали смелости и мудрости. На всех одно им было напутствие: «Перестроив свой ум, вы перестроите мир», — Куова обратил ладони к толпе, призывая задуматься. — Много веков назад сам Спаситель приходил сюда за вдохновением... Не за этим ли пришли сюда вы?

Как и обычно, Куова подбирал слов из историй древности и подавал их таким образом, чтобы они отзывались в душе современного человека. Так, чтобы стирались границы между эпохами. «История человечества — это круг, — сказал однажды наставник, — меняется покров, но не суть».

Люди начали невольно придвигаться ближе друг к другу.

— Мы с вами добрались до начала одного из начал. Мы желаем быть прямо как те юноши — идеалистами, мечтателями, верующими. — Сделав паузу, Куова явил собравшимся скорбь и разочарование. — Но что стало с нами? «Перестройте мир!» — призывали нас, однако умы наши на протяжении долгих лет стягивали цепями! И теперь вы удивлены... Вы не ждали, что страну настигнут насилие и коррупция? Удивлены, что даже первосвященнику нет дела до Спасителя? И всё же — братья! сёстры! — вы пришли! Потому что вы хотите узреть истину. Знаете, что истина не сгорит...

Он поднял перед собой правую руку, успокаивая взволнованных горожан.

Из толпы послышался шёпот молитвы.

— Я знаю: вы чувствуете то же, что и я, — сказал Куова и широким жестом обвёл публику. Голос его сделался тёплым и бархатным. — Завтрашний день сокрыт за песчаным облаком — не разглядеть. Но в сердцах пылает вера! Вера в то, что однажды люди по-настоящему станут равными перед Спасителем. Вера в то, что, стоя на корнях древнего кедрового леса, мы пишем нашу историю заново!

Лица стоявших в первых рядах людей — старых и молодых — озарило проблеском восторженного облегчения. Куова вспомнил об их энтузиазме на самой первой лекции. И что у них в душах теперь? Избавиться от страха не так уж просто...

— Несколько лет назад я встретил удивительных людей. — Куова широко улыбнулся. — Я узнал, что они, закрывая глаза на пороки реальности, продолжали втайне мечтать о праведности.

Он печально покачал головой. Прислушиваясь к его словам, собравшиеся метались в своих чувствах от безнадёжности к воодушевлению. И вот уже Куова смотрел, как на их лица снова ложится тревога. Люди хмурились и опускали головы.

— Многих из них мы потеряли! В этом сложном мире, рождённом среди голода, жажды и страха, многие расстались со своей мечтой! Они...

Он резко замолчал и прикрыл рот ладонью, словно хотел спрятать неуместный смешок.

— Впрочем, кому как не мне об этом знать? — смущённо произнёс он. — Я прибыл в город без единого агора в кармане. — На лицах пришедших отразилось недоумение. — Ради куска горячего хлеба и глотка пузырящейся воды готов был не то что с мечтой — с бородой расстаться! — Над толпой прокатилась волна смеха: сперва робкого, а затем всё более громкого и открытого. Впервые за несколько тёмных месяцев люди вновь ощутили какво

это, стоять в свете своего пророка. Он позволил себе ещё одно тёплую усмешку и опять посерьёзней. — Однако такова наша жизнь... Человек вынужден расстаться с мечтой, если идёт к ней один. Без ближнего, без веры. Что ещё хуже, он может сбиться с пути, считая, что творит благо, когда совершает зло. Такой человек губит не только себя, но и тех, кто его любит! Он искажает мир вокруг, следуя логике своего отравленного разума!

Негодующий ропот. Кажется, даже стоявший позади Гафур присоединил свой голос к общему недовольству. Вот она, вспышка страсти...

— Но сегодня я пришёл рассказать не о потерях, а о новых начинаниях. Я хочу предложить вам надежду.

Теперь кто-то восторженно ахнул.

— Перестройте свои умы, преобразите мир! — воскликнул Куова. — С верой в сердца вы можете построить Царство Спасителя!

Вдруг все голоса стихли. Отбивая тяжёлый шаг по каменным плитам и расталкивая ошеломлённых горожан, приближался вооружённый карабинами отряд Багровой десятки. Лицо их предводителя накрыла тень, но из-под неё сверкали льдом голубые глаза.

— Калех, ты арестован! — громко объявил Артахшасса, срывающимся на крик голосом. — Ты обвиняешься в попрании священных законов Кашадфанской Республики, распространении лживых пророчеств и приговариваешься к очищению! Как капитан Багровой десятки, я беру исполнение приговора на себя.

Гафур хотел было вырваться вперёд и высказать в лицо голубоглазому выскочке всё, что о нём думает, но быстро отказался от этой затеи. Пророк внешне никак не отреагировал на тираду бывшего жандарма, а потому сам Гафур решил не спешить. Ничего не оставалось, кроме как обмениваться яростными взглядами с багроводесятниками.

— Долой ложного пророка! — проорал кто-то.

— Грабители! Насильники! Кто дал вам право судить?! Убирайтесь прочь! Багровые ублюдки! Да пожрёт пустота ваши души!

Воздух загудел от яростных криков. Отовсюду летели обвинения, угрозы, проклятия. Создавалось впечатление, что никто из людей не намеревался уходить, тем больше подливая масло в пламя давнего противостояния. Люди сбивались в кучи на нагретых солнцем чёрно-серых плитах. Некоторые из них умудрились принести с собой кроваво-алые транспаранты и теперь разворачивали их, выставляя на всеобщее обозрение лозунги против президента и первосвященника. Другие ограничивались энергичным потрясанием рук.

Стиснув пальцы в кулаки так, что ногти впились в кожу, Гафур оглядывался по сторонам. «Дойдёт дело до войны... Уж в этом ты, Гольяс, был прав». Он взглянул на Калеха, но тот продолжал с неестественным спокойствием наблюдать за галдящей толпой. Большинство людей явно поддерживали Пророка, и Багровой десятке явно не на что было рассчитывать.

— Скажи им, Калех! Скажи им! — непроизвольно воскликнул он.

Среди собравшихся начались перепалки, едва не доходящие до драк. В общей массе стала всё ярче выделяться группа недовольных, осуждающих Пророка.

«Неужто вы настолько слепы?»

Тем временем багроводесятникам, пришедшим за Артахшассой, в уверенности было далеко до их предводителя, не обращавшего ни малейшего внимания на происходящее за

спиной. Они встревоженно оборачивались, точно опасались нападения. Кое-кто из людей начал недвусмысленно показывать пальцем на недавних погромщиков.

В беспокойном движении толпы Гафур слишком поздно заметил, как один из безумцев бросил что-то в Пророка...

...Камень угодил Калеху ниже левого глаза и рассёк скулу, однако тот даже не шелохнулся — стоял неподвижно, словно столп.

До того нараставший гомон моментально умолк; вскоре послышался короткий вскрик, а после — недолгие звуки борьбы. Затем десятки и сотни ошеломлённых взглядов оказались прикованы к невозмутимому лицу Пророка, истекавшему кровью. «Теперь вы видите? Теперь вы понимаете, почему с ним нельзя бороться?»

Калех выждал ещё несколько мгновений, а затем со свойственной лишь ему мягкой решимостью шагнул вперёд.

— Я служу людям, — сказал Пророк. — Не Собранию и не Храму.

Его голос звучал столь чисто и значительно, что, казалось, только совершенный невежда мог бы не внять ему.

Артахшасса принялся гневно озираться.

— Ты пользуешься ими! — выкрикнул он. — Каждое твоё слово — ложь!

— Я говорю лишь о том, что вижу, Тубал. — Твёрдый взгляд ясных глаз Калеха заставил бывшего жандарма отшатнуться. — Мне достаточно было приоткрыть завесу, чтобы люди увидели порочное сердце Республики. Моя ли вина, что теперь они хотят его вырезать? Я снова чувствую, как в твоей душе тлеет болезненный вопрос: «Правильно ли я поступаю?» Разве не должен ты защищать этих людей вместо того, чтобы запугивать? Одумайся! Ты не изменишь того, что произойдёт сегодня.

— Довольно! — взревел Артахшасса, рубанув рукой по воздуху.

— Ты можешь остановить меня, Тубал. Но как ты остановишь идею?

— Не тешь себя мыслью, будто понимаешь, что нужно народу, — процедил Артахшасса и повернулся к остальным: — Отвернитесь от его обмана!

— Обмана? Разве обманываю я, говоря о равенстве людей перед Спасителем?

Молчание. Никто не решался сказать ни слова, будто все они осознавали, что даже всего лишь усомнившись совершают чудовищную ошибку. Внутри Гафура всё клокотало от напряжения.

— Ты злишься, — печально произнёс Калех, — потому что господа требуют от тебя одного, а совесть велит другое. Задай себе вопрос: что заставляет тебя осуждать меня? Разве не оба мы желаем справедливости? Правитель республики следует воле народа, а не собственной свиты, давно позабывшей о мечте простого человека. Я молюсь, что ты найдёшь в себе сострадание и отступишь.

Поражённый силой этих слов, Артахшасса опустил голову. Гафур решил обратиться к нему:

— Мы были на одной стороне, Артахшасса! Ты помнишь?

Но тут капитан Багровой десятки поднял взгляд — в нём не осталось ни следа прежних колебаний — и ответил, вкладывая в голос истинно фанатичную страсть.

— Во тьме он блуждал и потому сбился с пути, предсказанным Им, — безошибочно процитировал он Писание, — но, боль познав, прозрел и отринул идолов к греху склоняющих.

Пророк удивлённо взглянул на него и ответил другой цитатой:

— Но не дай ярости стать проводником твоим, ибо не обретёшь с ней мир, но разрушишь.

Артахшасса продолжил с ещё большим запалом:

— Явится он, как посланник Его, увлекая за собой верных. Не приветствуйте его, ибо он — обольститель, что не чтит заветов, и ведёт паству свою на погибель.

Калех в ответ развёл руками.

— Чем лучше быть рабом кошмаров, Тубал?

Взгляд Пророка скользнул по публике, уделяя одинаковое внимание как верным, так и отступникам.

— Лучше ли быть рабом кошмаров? — повторил он, глядя в толпу. — Сердце человеческое не терпит оков... Лишь сбросив их вы построите царство, где единственным нашим правителем будет Спаситель!

— Я объявляю тебя, — закричал Артахшасса, — лжепророком!

В этот момент на другом конце площади раздался оружейный залп — кто-то пронзительно закричал, началась паника. Одна женщина упала на колени, зажимая обеими руками кровоточащую рану на ноге; двое мужчин поспешили оттащить её в сторону. Последовал ещё один залп, ещё один душераздирающий вопль, и люди бросились врассыпную.

Гафур бросился к краю возвышения и, пытаясь преодолеть всеобщий рёв, начал выкрикивать команды к порядку и построению. «Какое чудовище позволило произойти такому...»

Без толку. Спустя несколько секунд багроводесятники ворвались в толпу и стали растаскивать всех в разных стороны, избивая прикладами и стреляя над головами. Даже при разгоне предыдущего восстания Гафур не видел подобной жестокости: большие группы рассекали на малые и, принуждая встать на колени, держали их под прицелами карабинов. Тех, кто не желал подчиняться, вытаскивали и буквально втапывали сапогами в плиты, словно это были куски мяса.

В нескольких метрах от него Артахшасса бегал и орал на своих людей, отдавая приказы.

Один из отступников прорвался через шеренги Багровой десятки, и Гафур увидел, как тот мчится прямо на Пророка. Гафур опередил его, встретил размашистым ударом подбородок, а потом схватил за шею и швырнул на землю. Плечи свело болью, и он наклонился, чтобы восстановить дыхание.

Где же прежняя сила? Ведь ещё год назад...

Людей загнали на противоположный край площади, и только тогда Артахшасса отозвал своих псов. Горожанам позволили уйти. Багроводесятники вкусили свежей крови и теперь стояли, довольно глядя на командира. После них на площади то тут, то там виднелись красные пятна.

Мир вокруг словно накрыла пульсирующая пелена.

Тяжело дыша и обнажив стиснутые зубы, Артахшасса приблизился к Калеху, остановившись в десяти шагах от него, и мрачно взглянул исподлобья. В осунувшемся и жестоком лице капитана не было ничего общего с открытым лицом жандарма, служившего при храме.

— Калех! Калех, услышь меня. — Его голос охрип от криков. — Приговор касается тебя одного. Если ты действительно любишь этих людей...

Гафур за пару секунд преодолел отделявшее его от Калеха расстояние. Вытянув ладони

вперёд, он посмотрел в глаза Пророка.

— Не слушай его! — взмолился он. — Они хотят унижить тебя перед всеми! Лишить тебя народа!

Гафур перехватил печально-насмешливый взгляд Калеха, увидел проблеск заходящего солнца в его медных волосах. Он вдруг подумал, что если бы отец видел в нём не просто продолжателя родового дела, а любимого сына, то его взгляд в моменты неудач был бы именно таким. Если бы Калех был его отцом...

Сердце врезалось в рёбра, словно таран.

— Гафур-Гафур, — с усмешкой произнёс Калех. — Неужели ты сомневаешься, что Спаситель защищает меня?

Гафур поднял руки, задержав их почти у самого лица.

— Ты — Пророк! — воскликнул Гафур, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Наша единственная надежда!

Он бросился к середине площади с глупой надеждой, что ему удастся вразумить понуро расходящихся людей. Им двигала какая-то необъяснимая боль. «Это не конец! Это не может быть концом!»

— Вы что, слепцы?! — заорал он во всю глотку. — Это же наш Пророк!

Некоторые обернулись, но лишь для того, чтобы затем, боязливо опустив взгляд, уйти вслед за остальными.

— Труссы!

За спиной раздался голос Пророка:

— Приговор только для меня?

Нет, это невозможно!

— Я держу своё слово, — ответил бывший жандарм.

— Что значит твоё слово? — раздался чей-то выкрик.

Гафур обернулся. Разве ещё остался здесь кто-то, способный противостоять Багровой десятке? Он не увидел никого, кроме равнодушных теней.

— Я отвечаю перед Спасителем, — неуверенно буркнул Артахшасса; его услышали лишь стоявшие рядом.

— Ты предал учителя!

«Кто кого предал? Какая разница...»

Неужели старик Гольяс всё же был прав? Революция праведности обречена?

— Смерть лжепророку!

В этом крике не было ни крупицы разума — одна безумная злоба.

Чувство опасности наполнило Гафура новыми силами. Нельзя смириться с поражением, пока сердце бьётся. Но если Пророк вдруг...

«Нет! Этого не должно случиться!»

Гафур помчался наперерез убийце со всех ног; ему казалось, что лёгкие вспыхнули огнём, а ноги вот-вот рассыплются в пыль.

Длинный прыжок. Широко раскрытые глаза Калеха. Столкновение. Нож убийцы. Острая боль в рёбрах.

Гафур почувствовал вкус собственной крови на губах. Он лежал на боку, заслоня собой Пророка, а в тускнеющем разуме проносились воспоминания о совершённых ошибках. Где-то в стороне слышались брань и удары прикладов. Он с трудом повернул шею, встретившись со скорбным взглядом тёмных глаз.

— Калех, господин мой, я подвёл тебя...

— Это не так, Гафур. Это не так...

Сильные руки приподняли его и заботливо, придерживая голову, уложили на спину.

— Жить так, как ты жил, борясь за истину, и без страха отдать жизнь за неё... Мало у кого есть настолько великая душа.

На миг ему показалось, что розовеющее небо спустилось низко-низко, чтобы накрыть тёплым покрывалом и спеть последнюю колыбельную песнь.

— Под этим ветром и солнцем ты обрёл мир, Гафур.

Солнце ярко сверкнуло на горизонте и исчезло, оставив после себя бесконечную темноту. И покой.

«Отец, здесь так тепло...»

Спрятавшись среди массивных колонн на Музейной площади, Иона плакал, но оставался начеку, чтобы не попасться никому на глаза. Он обхватил себя руками, напрасно пытаясь избавиться от морозной дрожи. Потом он начал молиться. Так, как учил дядюшка. Перед мысленным взором снова и снова проносились картины бойни на Кедровой площади.

— Дядюшка Калех, ну как же так? Это неправильно! Так не должно быть!

Когда Калех сдался, багровники Артахшассы избили его так, что он не мог даже встать самостоятельно. Затем его, окровавленного, в изорванной одежде, связали ремнями и протащили через несколько кварталов, беспрестанно скандируя жуткими голосами: «Смерть колдунам!» На Музейной площади Калеха привязали цепями к высокому железному столбу и разложили рядом автомобильные покрышки. Иона, глядя на всё это, тихо рыдал от беспомощности.

Теперь дядюшка стоял у столба, бессильно склонив голову; борода с волосами растрепались и слиплись от крови. Побледневшую золотистую кожу, где она виднелась через рваные дыры в одежде, покрывали кровоподтёки. Глаза были закрыты.

Гафура убили. Его тело, наверное, так и осталось лежать на каменных плитах Кедровой площади. Калеха вот-вот казнят, и никакие молитвы не способны остановить это безумие...

— Ты можешь освободиться — я знаю, я видел! — всхлипывал Иона. — Скажи только слово!

Иона тайком наблюдал за его противостоянием с Абрихелем и точно знал, что дядюшка способен на многое. Почему же он позволяет так с собой обращаться?

Неспешно и робко, люди начали стекаться на Музейную площадь, чтобы самолично узреть казнь пророка. Багровники обступили Куову с Артахшассой со всех сторон, не давая подойти ближе, но и не прогоняли никого. Над головами горожан затянулась скорбная песнь.

Шажок за шажком. Иона осторожно вынырнул из своего укрытия и пошёл в сторону толпы. Если сегодня и суждено случиться чему-то ужасному, он должен это видеть.

Из всех виденных мест в Алулиме эта площадь меньше остальных отзывалась в памяти — сплошная равнина из камня и железа, окружённая бездушными ликами серых зданий с мелкими окнами и бесформенными рельефами. Если здесь и росли цветы, то многие годы назад.

«Невш — не из тех игр, к которым ты привык, — сказал он когда-то. — Люди одержимы одними лишь победами, причём здесь и сейчас. Но чтобы победить в невш, нужно мыслить иначе. Не лететь напролом, даже если путь впереди открыт. Помнить, что не все фишки должны дойти до конца».

Гафур ответил тогда: «Я понял. Я могу потерять одну фишку, и эта потеря станет мостом остальным».

Он никогда не стремился к сложным решениям. Но в его простоте таилась своя мудрость...

Куова стоял, плотно прикованный к холодному столбу, со связанными за спиной руками. Всё тело горело от боли, затмевая прочие чувства.

— Ты верный друг народа, — прошептал он в пустоту.

Уже очень давно он не произносил подобных слов.

— Ты не умрёшь, пока люди помнят о тебе и о твоей жертве.

Крохи солнечной энергии внутри пробудились на миг, но тут же потухли, унося за собой остатки сознания.

Он запрокинул голову.

...Куова стоял на морозной вершине, обдуваемый всеми ветрами.

Он стоял по колено в снегу.

Бескрайняя белизна.

Пик.

Чья-то громадная ладонь врезалась в спину, схватила за ноги и плашмя бросила в глубокий сугроб. Кожу обожгло морозом, но Куова всё же встал и обнаружил, что кругом лишь темнота. «Я должен видеть!»

Он попытался разомкнуть веки, но ничего не изменилось.

«Я ослеп? Больше не вижу дороги. Лес поглотил меня?»

— Прислушайся к сердцу. Только так ты выберешься из тьмы.

Холодная вершина, чёрные клыки гор.

«Где я... Где? Это место...»

Слепота ушла.

«Это... Охотничий пик? Что я здесь?... Нет! Что со мной происходит?»

Силуэт впереди, тёмный в сравнении с яркими звёздами. Развевающиеся чёрные волосы. Направленный к небу взгляд.

«Архипредательство... Это свершается вновь. Я должен остановить это!»

Каренасс.

«Я — верховный маг Круга...»

Куова ощущал его душой — самую жестокую суть мятежного мага с огнём страсти к запретным знаниям в изумрудно-зелёных глазах.

«Я должен остановить его!»

Тяжело идти... Каждый шаг забирает столько сил! Каждый шаг забирает жизнь...

— Каренасс, стой! Ты не ведаешь, какую силу хочешь выпустить на волю! Ты... Ты не сможешь её контролировать!

Лицо такое бледное, излучающее холод, как будто принадлежащее мертвецу. Что может чувствовать такой человек?

— Глупец... Ты действительно думаешь, что дело в силе?

— О чём ты говоришь?!

— Я говорю о богах, Куова. О богах, которыми грезит человечество.

— И этим богом будешь...

— Страсти людские. То, что движет ими и даёт смысл существования.

— Нет... Ты осознаёшь, что собираешься натворить?

— Я открою врата в новую эпоху.

Мир вокруг рухнул, и Куова провалился в его глубины; пепел с золой закружились вихрем, облепили израненную кожу.

Вдали зажглись тусклые огни. Показался ландшафт погибшей цивилизации.

Древние руины, растянувшиеся вдоль горизонта, словно роскошный пояс на животе царя.

За ними — неистовая гроза, освещающая чёрное небо яркими всполохами.

Над разрушенными стенами поднялось светило, обрамлённое тёмным диском с оранжево-красными мигающими капиллярами.

Послышались звуки, словно стальные лопасти рассекали воздух — то были вращающиеся вокруг светила исполинские чёрные кольца.

На каждом кольце — жёлтые глаза, попеременно моргающие через секунду.

Куова смотрел на это порождение, но не мог пошевелиться. Словно всё зло, какое только могло родиться в смертной душе, уже столетиями произрастало в этой сущности.

Существо приблизилось, наполняя эфир шумом вращающихся колец, обдавая потусторонним холодом, и заговорило в сознании миллионом голосов...

«БОЛЬ... СКОРБЬ... СТРАДАНИЯ... СМЕРТЬ... ВОТ ВСЁ СМЫСЛ».

Капилляры вокруг светила зашевелились, словно тысяча пальцев.

«Я ЕДИН И НЕДЕЛИМ!»

Весь мир затрясся от чудовищной вибрации.

Куова зашатался, пытаясь устоять на ногах; вновь открывшиеся раны на теле кровоточили и горели.

Он нашёл в себе силы поднять глаза к светилу.

— Что ты такое? Бог? Но если я вижу тебя...

Тысячекратный смех. Каждый приступ срывал с него кожу и плоть, будто желал добраться до самой души.

«ТЫ ПРОИГРАЛ».

Всё тело болело так, будто по нему проехался автомобиль с шипованными покрышками. Виски отозвались болезненным спазмом, и ноги подкосились, но ему удалось устоять, цепко ухватившись за край стеллажа. Он всё ещё был жив.

«Я ошибался».

— Как такое возможно? — прошептал он.

Он оттолкнулся от стеллажа и, пошатываясь, словно в дурмане, сделал несколько шагов в сторону ванной. Пальцы левой руки стискивали рукоять окровавленного ножа. Он шёл аккуратно, стараясь не споткнуться о лежащий посреди комнаты труп, и только на последнем шаге буквально ввалился в пахнущую сыростью и мылом комнатушку. Некоторое время задумчиво смотрел в своё отражение в зеркале, а затем поднял руку.

Сверкающее холодное лезвие коснулось зудящей кожи лба и плавно скользнуло вверх...

На пол упала длинная прядь.

Он взглянул на себя в зеркало и на том месте, где полагалось находиться лицо, увидел израненную смугло-золотистую маску, почти матовую от безразличия. Скрежет металла по коже. Вновь и вновь пряди сползали на плечи, на грудь и ниже. Из-под спутанных косм показались острые края бровей. Под ними — глаза с покрасневшими веками, мутные от лихорадочного жара. Скрежет металла по коже. Незамысловатый ритуал избавления от прошлого.

Ещё недавно мысли то и дело кружились вокруг того, чтобы прилюдно свергнуть Калеха, уничтожить его.

И вот ради уличного проповедника он отрекается от своих прежних господ.

Кто бы мог подумать?

От колкой боли в горле он закашлялся и сплюнул в раковину липкий кровавый сгусток. Слишком много потрясений. Всё явственнее становилось ощущение, будто весь город поразил яд безумия, а противоядие находилось в руках одного-единственного человека. Голова закружилась. Он упёрся правой ладонью в зеркало.

— Я недооценивал тебя, считая меньшим, но теперь понимаю...

«Ты — нечто большее. И я не могу позволить твоей тайне уйти вместе с тобой».

Плотная вереница событий. Раскол монашеских братств. Забастовка лавочников, переросшая в антиправительственный бунт, и первая пролитая кровь. Создание и возвышение Багровой десятки. Удар за ударом расшатывал влияние первосвященника. Слишком превосходные совпадения.

Ещё одно движение ножа... Лезвие соскочило, оставив тонкий порез. С кровью неизбежно приходит осознание.

— Я приму твой путь, — пробормотал он.

— Господин, что вы?.. — раздался за спиной женский голос.

Реха — незаменимая помощница, когда нужен некто чуткий, как рысь, и безжалостный, как гюрза.

Он повернулся к ней. Реха была высокой и тонкой, словно трость, женщиной; под серым плащом она носила расшитую бордовую блузу. Из-за энергично блуждающего взгляда и закушенной губы создавалось впечатление, будто она готова вот-вот вцепиться кому-нибудь в глотку. Диковатую внешность дополняли коротко подстриженные красные волосы. Если

кому-то и можно было довериться, то именно ей.

— Наше братство не должно пасть. Не после всего, чего мы достигли. Поэтому... я собираюсь поддержать Пророка.

Он всмотрелся в лицо Рехи. Она не шелохнулась, и тогда его посетили смутные подозрения насчёт её визита.

— Вижу, Реха, не спешишь меня уничтожить, пока есть возможность. Что ж так?

Женщина крутанула головой, громко хрустнув шеей, и с плотоядной улыбкой взглянула на него.

— Вы не лучший командир, господин, а политик из вас вышел бы ещё хуже. Но вы всегда умели ставить на победителя, поэтому многие остались верны вам.

Не найдя слов, чтобы ответить, он несколько секунд смотрел в вишнёвые глаза своей помощницы, ощущая, как силы вновь наполняют измученное тело. Реха была настоящим сокровищем. Честная до боли, преданная до смерти. Её ничуть не смущали ни стекающая по бритой голове кровь, ни отталкивающая нагота, ни предложение примкнуть к бывшему противнику... Сокровище.

— Ты, как всегда, прямолинейная, Реха. Это я ценю.

Улыбка на лице Рехи стала ещё шире и жутче.

«На победителя, разумеется. Ведь знание — сила...»

— Собери людей, — сказал Абрихель полным ледяного спокойствия голосом. — Пора встряхнуть Кадашфан.

Куова пытался вырваться из царства безжалостных видений.

То, что было и, несомненно, повторится вновь.

Тёмно-серый снегопад покрывал землю, укутывал грязными хлопьями выжженную долину, будто старым саваном, тщетно пытаясь скрыть происходящее безумие. Сквозь плотную снежную стену проступали картины приближавшегося кошмара... Пыльно-зелёные когорты, выстроившиеся позади громоздких металлических чудовищ, дышащих тьмой. Напротив — серые шеренги воителей с праведным огнём в глазах. Между ними протянулись длинные ямы, заполненные человеческими телами. И повсюду, насколько можно было охватить взором, ярко вспыхивало неистовое пламя.

Память Куовы наполнилась непрошенными образами.

То, что было и, несомненно, повторится вновь.

Когда он наконец пришёл в себя от дуновения промозглого ветра и отчаянных криков, то не сразу понял, что старый ужас давным-давно прекратился, а новый ещё не начался. Он вяло переводил взгляд на тусклые огоньки в руках собравшихся людей, смутно ощущал боль в избитом теле, осознавал череду приведших его к столбу происшествий и видел стоящие напротив него тёмно-красные силуэты. И раз за разом повторял беззвучную молитву: «Солнце-отец, услышь меня!»

«Чем лучше быть рабом кошмаров?»

Люди замолкали и опускали взгляды в землю, когда он проходил мимо, словно считали его своим правителем. Тубал знал, что впервые за долгое время к нему относятся так, как подобает. Кто подавил смуту в зародыше, кто вот-вот избавит город от подстрекавшего к ней

лжепророка? Артахшасса Тубал, капитан Багровой десятки, освободитель Алулима. Больше никаких насмешек издёвок и насмешек за спиной.

«Прикрой глаза и распахни сердце...»

— Нет! Замолкни!

Музейную площадь заполонила толпа людей, пришедших поглазеть на казнь лжепророка. Они теснились на лестнице старого народного музея, у подножия и между толстых колонн наверху. Другие высыпали на самую площадь и теперь яростно толкались, беспорядочно пытаясь создать коридор для проходящих багроводесятников. Кое-кто сторонился плотных скоплений, держа в руках зажжённые тонкие свечи — лишь так они способны были поддержать приговорённого. Чем ближе Тубал подходил к центральному столбу, тем теснее и оживлённее становилась толпа. Он бросал снисходительные взгляды на воющих и стенающих людей; те ещё не ведали, кого оплакивают. Он сдержанно кивал людям, которые потрясали кулаками, требуя скорейшего суда. Один безумец, однако, налетел на него и попытался ударить, но подручный-сержант оказался быстрее — удар тяжёлым жезлом по рёбрам мигом остудил пыл фанатика. Тубал шёл вперёд, ничем не выдавая, как бешено колотится его сердце, и слышал позади бессмысленные выкрики о «святом пророке».

«Ложь, прорастающая в храме, надёжнее любых оков».

— Только ты эту ложь и посеял! Ты!

Со всех сторон слышались гневные шепотки, угрозы и гнусная брань, а Тубал продолжал идти, пока багроводесятники прокладывали путь сквозь лес дрожащих от страха тел. Наконец он увидел бесчувственное тело, свесив над грудой покрышек, и остановился. Если бы не мерно вздымающаяся, залитая кровью грудь, можно было бы решить, что Калех уже мёртв.

«...Но как ты остановишь идею?»

Тубал вгляделся в толпу, ожидая увидеть на лицах хотя бы тень осознанности — тщетно.

— Если его хранит воля Спасителя, — громко спросил Тубал, — почему он не явит чудо?

Люди растерянно переглядывались не в силах ответить на простой вопрос. Они не знали...

«Да потому, что он — мошенник!»

Он презрительно хмыкнул и приказал оттеснить людей на несколько шагов. Некоторые пытались упираться, но быстро сдавались и отступали под натиском Багровой десятки. Тубал напряжённо смотрел на них, пока вокруг не появилось достаточно места, чтобы чувствовать себя спокойно, затем бегло оглядел своих подчинённых.

Он удовлетворённо выдохнул.

Тут Тубал подумал: не лучше ли совсем разогнать толпу? Но мысль эту пришлось отослать прочь, ведь в таком случае некому будет узреть истину — он уничтожит сам смысл разоблачения.

Тубал осторожно, будто подкрадываясь, приблизился к столбу и поднял взгляд. Он вздрогнул, когда обнаружил, что Калех уже пришёл в сознание и теперь пристально смотрел на него. Один его глаз отёк и не открывался, зато второй наполнился сочувствием и страданием.

— Ты всё-таки пришёл. Как и должно было...

Тубал свирепо уставился на человека, прикованного к столбу. Голос звучал негромко,

но, казалось, разносился по всей площади. Даже шум в толпе пошёл на убыль.

— Потерянное дитя, — печально сказал Калех. — Ты собираешься вершить суд.

— Я собираюсь покончить с тобой, чтобы все увидели, как ты сдохнешь!

Он услышал, как за спиной люди принялись встревоженно роптать.

— Но почему? Откуда в тебе столько злобы?

— Потому что в твоих словах — яд!

— Нет, не поэтому.

— Для тебя это не значило ничего! Одними словами опустошать смыслы!

— Ты сам делаешь меня значительнее, чем я есть на самом деле...

— Мне достаточно одного! Ты колдун и лжепророк! Ты заслуживаешь смерти!

Тубал крепко стиснул кулаки, но не от злости, а от чувства восторга, растекавшегося от сердца по всему телу.

— Я очищу Алулим...

— И убьёшь всех, кто не на одной стороне с тобой? Как Гафур?

Тубал затрясся, словно вдруг оказался в ветреной степи безо всякой одежды и защиты.

— Это твоя вина, — дрожащим голосом произнёс он. — Твоя, и общества, невежеству которого ты потакаешь.

— Вина в чём?

— Посмотри на меня! Вот! Вот кем я должен был стать, чтобы освободиться!

— Стать кем, Тубал? Убийцей тех, кто любил тебя?

— Они смеялись надо мной! Презирали меня! Ненавидели!

— Так ли это? Многие считали тебя достойным и благородным человеком... Но тебе было проще замечать ненависть... вскармливать её в себе.

— Меня считают выродком!

Из груди Калеха вырвался смех — тихий и добрый, — точно у родителя, наблюдающего за неуклюжим ребёнком.

— Убив меня, ты перестанешь быть выродком?

— Заткнись! Даже ты отказался от меня!

Тихое бормотание в толпе разорвал свист.

— Вероломный пёс! — крикнул кто-то. — Ты не достоин даже того, чтобы стоять рядом с ним! Гнусный предатель!

Даже не оборачиваясь, Тубал махнул рукой, и спустя полминуты услышал треск и жалостливые вопли. Всё это время Калех молчал, словно выжидал, когда наказание наглеца закончится.

— О чём ты говоришь? Я никогда ни от кого не отказывался.

— Лжец! — закричал Тубал ему в лицо.

Он схватил Калеха за одежду и притянул к себе.

— Ты отвернулся от меня!

— Нет, Тубал. Это ты... Это ты от меня отвернулся.

— Чтобы спасти город от тебя!

Голос сорвался, и Тубал смущённо отступил — слова Калеха хлестнули с такой болью, что слова собственные потонули в ней. Как? Как этому человеку даже в таком положении удаётся рвать струны его души?

Над головами пришедших фанатиков затянулась новая песнь.

— Это я праведник! Я! — в сердцах выпалил Тубал.

Несколько последователей Калеха попытались пробиться через оцепление. Тубал обернулся и тут же заметил, как мимо лица пролетело нечто розоватое и влажное. В следующий миг к ногам полетели куски свиного мяса и обглоданные кости; он проорал команду, но сам не разобрал какую именно. Пока багроводесятники не совершили оглушительный залп в воздух из карабинов. Снова воцарилась тишина — только в ушах звенело. И среди этого звона Тубал услышал, как посмеивается Калех — так не может смеяться человек, прикованный к столбу.

«Выродок...»

— Замолкни! — взревел Тубал, ударив Калеха по лицу так, что ладонь загорелась от боли. — Заткнись!

Он замахнулся для нового удара, но чьи-то руки схватили его сзади и оттащили от столба. Над ухом гудел поток дурацких извинений. Тубал рывком высвободился и вонзил взгляд в мерзавца — низкорослого, коренастого человека.

— Капитан, остановитесь! Вам нужно держать себя в...

— Я уничтожу тебя.

Кровавый туман в глазах рассеялся, и Тубал увидел перед собой перепуганного сержанта в чёрной широкой кепке. Как он позволил ему застать себя врасплох?

— Вы в порядке? — взволнованно спросил сержант. — С кем вы говорите?

«Пёс», — ухмыльнулся расплывающийся образ в голове.

— Командир?

Тубал заложил руки за спину и гневно прищурился.

— Вели принести бензин, — проскрежетал он.

Он дёрнул головой и пошёл прочь: долгое присутствие Калеха поблизости действовало на нервы.

Абрихелю не нужно было следить за Артахшассой, чтобы знать, куда направится мятежный глупец и что он намеревался совершить. Тот столь яро и столь много выспрашивал о Калехе, что не могло оставаться ни малейших сомнений — он желал прикончить проповедника и объявить себя героем. Однако вечер обещал немалые удивления.

На улице Абрихеля ждала машина.

Реха доложила ему о столпотворении на Музейной площади, но он хотел сперва осмотреть следы бойни на Кедровой. Площадь пустовала. О минувшем столкновении напоминали пятна крови, обрывки тканей и блестящие гильзы. И всё же колдун знал о принесённой жертве, знал, что увидевшие не смогут забыть её так просто. Постояв с минуту, Абрихель развернул машину и поехал к месту казни. Со свойственным ему вялым любопытством он отметил, что не встретил на улице ни души.

Весь город застыл в напряжении.

Абрихель никак не мог выбросить из головы магический поединок с Калехом. Он раз за разом возвращался мыслями на заброшенный склад, где лежал разбитый и поверженный. Но долю секунды ему даже почудилось, будто он слышит певучий голос Калеха, а перед глазами начали распускаться белые от жара лепестки магии. Что бы стало с Абрихелем, не выброси он в последний момент отчаянное заклятие?

«Откуда такая сила? Кто учил его владеть ею?»

Очередной вопрос без ответа. Отвратительное чувство. Настолько отвратительное, что

колдун готов был стать учеником Калеха, лишь бы оно перестало терзать гордый разум.

«Безумная стерва-судьба, — подумал Абрихель, приглаживая лысую макушку. — До нашей последней встречи я и помыслить о таком бы не смел!»

Какая-то часть его души всё ещё ненавидела Калеха, но даже она не могла допустить его смерти. Более того, в сложившихся обстоятельствах Абрихель оказался скован с пророком цепями хаоса и смерти. Из-за жадности и недалёковидности первосвященника целое братство адептов оказалось в опасности — если начнётся зачистка, оно попросту сгинет. По иронии судьбы победа пророка — прежнего врага — могла стать билетом на спасительный рейс. Если только локомотив истории не сойдёт с рельс...

Абрихель думал, что неуязвим. Считал, что всеведущ. Он сжёг дотла не один непокорный аул мощью заклинаний, низверг до пыли их величайших шаманов. Он стремительно поднялся по иерархии Храма, отдавал распоряжения, подчинял себе гораздо более прилежных и пышущих энергией адептов. Он чувствовал, где лежит сила надёжнее сотни формул. Умение выбрать момент и оружие. Так горели сдавшиеся аулы, отданные на его милость руками предателей. Так погибали ослабленные ядом наложниц шаманы. Так Абрихель зарабатывал репутацию безжалостного завоевателя, оспорить которую не смел никто. И пусть он был не самым талантливым и могущественным колдуном, но выбирать момент он умел.

Не один Алулим, но целый Кашадфан ждёт серьёзная встряска.

И пророк-бродяга это прекрасно знал.

После первой встречи с Калехом Абрихель решил настроить против него верных последователей. Жандарм Артахшасса, маленький человек с непомерными амбициями, оказался самой драгоценной целью. Не было ничего проще, чем плетью загнать его в лабиринт сомнений, снабдив путевыми камнями подозрений и заперев путь назад. Единственный выход из такого лабиринта — Калех-лжец, от которого надлежало прилюдно отвернуться и увести с пути его паству. И результат превзошёл все ожидания! Артахшасса не просто отрёкся от бывшего учителя, но и восстал против него.

Тем не менее, ответные действия Калеха на первый взгляд были совершенно иррациональны. Он не стал собирать по осколкам разбитое сердце, а попросту затолкнул Артахшассу обратно в лабиринт и запечатал последний выход. Словно не думал, что копящаяся в стенах злоба взорвётся и погребёт всех вокруг, в том числе и его, под завалами.

«Но он ведь мог переманить его! Сделать своим союзником! Тысячу раз мог!»

Возможно ли, что он просто не хотел? Пророк оседлал обстоятельства. И выходило, что устроенная обезумевшим жандармом показательная казнь — кульминация его большого представления.

Только так это имело смысл.

Большинство людей грезит о простоте. Им чужды глубинные идеи. Идеальный мир для них — не степь, где ты волен выбирать все возможные направления, но размеченный прямыми и длинными улицами город. Кругом привычные пути... Обласканные традициями и отученные оценивать, люди склонны принимать наиболее простые и понятные идеи, которые прекрасно уживались бы даже в далёкой древности. Привычные пути, не более того.

Именно на этом сыграл Калех. Разобщённому, погрязшему в бедности обществу, он предложил всеобщее равенство. Противопоставил коррупции праведность.

В своё время Абрихелю неоднократно приходилось слышать, какой он фанатичный и беспощадный. Но теперь, чем дольше он обдумывал поступки Калеха, тем более непорочным

ощущал себя. Какова изощрённость и каков талант!

«Это то, что ты желал увидеть?»

Да! Торжество мысли! Выбор момента...

Предать разваливающуюся страну — не такое уж большое преступление. Гораздо важнее то, что он сохранит знание. Противники разумного, подобные Артахшассе, постоянны, но не вечны.

Невежественные погибнут. Видящие дойдут до конца.

Знание — сила.

«Ты человек степи, как и я».

Притихший Гора-город остался за спиной, когда Абрихель обогнул Высокий театр и выехал к руинам зиккурата. Асфальт сменился разбитой брусчаткой, и дорога стала напоминать поездку по стиральной доске. Однако здесь уже появились люди: одни сидели на камнях и покачивались взад-вперёд со свечами в руках, другие неуверенно ползли к Музейной площади. Проехав мимо зиккурата — и отчего Калеха так влекло к этим развалинам? — Абрихель свернул на широкую улицу и сильнее вдавил педаль газа, проезжая вдоль притихшего торгового ряда. Впереди показалось колыхающееся чёрное море, освещённое крошечными огоньками; только вместо шума волн ропот. Какой-то недоумок бросился под колёса, и Абрихель едва успел затормозить.

Не желая привлекать к себе излишнее внимание раньше времени, Абрихель вышел из машины и быстро зашагал, подпрыгивая и прихрамывая. Только когда перед ним открылась Музейная площадь, окружённая старинными постройками и разделённая надвое купеческим трактом, он сбавил шаг.

Абрихель не единожды видел, сколько людей собирал пророк на так называемые лекции, но вид толпы, пришедшей поглазеть на казнь, впечатлил его, словно впервые. Проталкиваясь между беспокойными зеваками, он пытался считать настроение с их лиц, но в итоге только запутался. Вдалеке он разглядел высокий церемониальный столб, однако сам пророк пока был скрыт от его глаз. Странно. Даже Абрихель не сомневался, что большая часть пришедших — последователи Калеха, они могли бы предотвратить казнь. Несмотря ни на что, они продолжали смиренно стоять и наблюдать, ограничиваясь лишь словесным негодованием. Точно зрители.

«Ждёте?»

Отчего-то всем своим нутром он ощущал сладчайшее предвкушение. Вместе с тем Абрихеля посетила пугающая, хоть и притягательная, мысль, что все ждали только его. От жара сотен свечей на коже выступил пот. Колдун в очередной раз за вечер провёл ладонью по голове — ощущение неровной щетины казалось чем-то чужеродным. Равно как и знак свыше, которого так ждала толпа. Они все просто смотрели на столб...

«Нет, смерть не станет для них поводом. Страх слишком велик».

Абрихель аккуратно просачивался между локтями и плечами людей, непривычно учтиво принося извинения за каждый случайный тычок. В спину ему летели самые разные слова — от глупых молитв до вялых ругательств. Некоторые оборачивались; одни широко распахивали глаза от удивления, другие разочарованно отворачивались. Потом, казалось, пропитался весь воздух. Колдун стал ещё настойчивее пробираться к столбу.

— Адепт? — перешёптывались люди в толпе. — Зачем он здесь?

Не обращая на них внимания, он начал высматривать по периметру и на крышах своих адептов — те уже заняли позиции и ждали только приказа. Неподалёку в тени на миг

мелькнул мрачный женский силуэт. Среди багроводесятников хватало Пустых тварей; Абрихель чуял их за сотню шагов. План, однако, и не подразумевал победы в столкновении — лишь хаос и стремительное отступление.

Вынырнув в самом сердце площади, Абрихель встретился с оцеплением багроводесятников. За их спинами высился церемониальный столб, возле которого, словно растрёпанная марионетка, повис на цепях Калех. Поначалу Абрихель решил, что пророк без сознания, но внимательного взгляда хватило, чтобы понять — он наблюдал. Вооружённые карабинами юнцы разошлись в стороны, пропуская обозлённого Артахшассу. Похоже, и сейчас пророк не переставал доводить его. Артахшасса бегло глянул на Абрихеля и вдруг застыл, раскрыв рот.

— Удивлён? — ухмыляясь, прошептал колдун. — Дурачок...

«У тебя сегодня ужасный день...»

— Что ты здесь делаешь? — заглушая нарастающий гомон толпы, сорвался на крик капитан Багровой десятки.

— Завершаю начатое! — громко, насколько позволяло горло, ответил Абрихель. — Я ведь говорил, что увижу твой труп?

«Слишком мало... Я не чувствую».

Пальцы онемели от затёкшей крови. Шнурками их стянули так, что не пошевелить, словно предохранялись от колдовства. Разумная, но бессмысленная мера. Магия — чистая магия — шла через голос, а не через вычурные жесты. Впрочем, теперь даже голос мало что значил: сил в лучшем случае хватит на маленькую вспышку, но не на спасение от неистового огня. Спящее солнце оставалось глухо к мольбам. В чертогах сознания — ни звука.

Только звенящая пустота.

Куова вздохнул и запрокинул голову, ударившись о столб. Мимолётная боль ощущалась почти обыденной, однако всё ещё помогала не погрузиться в дрёму. Он поморгал и окинул взглядом площадь. Люди толпились, боролись друг с другом, как будто каждому из них жизненно необходимо было урвать кусочек земли именно здесь.

Киэнги... За сомкнутыми веками погибающее царство представлялось особенно явно.

От бесчисленных огоньков повсюду складывалось впечатление, будто небо слилось с землёй, соединилось в блестящий чёрный покров. Казалось, вот-вот раздастся треск — и из недр вырвутся смертельные вихри. Куова вспомнил о гибели братьев из Круга. Он почти ощущал жар от их осыпающихся золой тел.

«Всё повторяется!»

Он встrepенулся. Прозвучавший из глубин сознания голос, несомненно, принадлежал ему, но слова... В памяти всплыли события многовековой давности: маги сдерживают рвущуюся в мир тёмную энергию; один маг в охватившем его безумии падает на колени; Куова кладёт руку ему на лоб. Исцарапанное песком лицо направлено к солнцу. Куова опустошает мага досуха, впитывает его душу.

«Амнану?..»

Голос в голове рассмеялся с дружелюбным укором.

«Признайтесь, господин... Вы не часто вспоминали обо мне?»

Пророк вздрогнул, и его губы тронула улыбка осознания.

Прямо здесь, на этом кусочке площади писалась новейшая история Кашадфана. Взводы багроводесятников стояли напротив горожан, нервно стискивая приклады карабинов; на их лицах отражалась тревога и неуверенность. Именно в этом очаге ненависти развяжется узел, который подарит победителям день преимущества.

И горе — побеждённым.

— Ты пришёл, чтобы умереть, колдун! — воскликнул Артахшасса. — Я убью тебя вместе с лжепророком и спасу Алулим!

Бывший жандарм с беспощадным ожиданием в глазах оглянулся на своих людей и снова посмотрел на Абрихеля. Он одёрнул толстый воротник своего бордового кителя. По мнению Абрихеля, Артахшасса никогда не был человеком уверенным, и даже сейчас его нерешительность сквозила в каждом слове, взгляде и в самом голосе. Только теперь она стала фундаментом для безумия. Впрочем, безумие в последние годы не казалось чем-то чужим. Колдун вздохнул.

— Куда ни посмотри, каждый хочет причаститься к славе Спасителя! Воистину славное время...

— Взгляните! Вот о чём я говорю! — закричал Артахшасса, обращаясь к народу. — Колдун приходит защитить колдуна! Вот кому вы поклонялись. Он затмил колдовством ваши головы! Чтобы вы не могли разглядеть обман в его байках!

— А с чего ты взял, что я пришёл кого-то защищать? — резко спросил Абрихель. — Я пришёл за тобой.

Артахшасса развернулся. На лице его отчётливо читалась жажда крови, желание лить её на алтарь тщеславия.

— Мне нет до этого дела, — раздражённо проскрипел он.

— Да прямо-таки! — ехидно парировал Абрихель. — Я так и подумал бы, увидев твоё представление с показательной казнью и пылкими речами, что тебе нет до этого дела.

— Это не просто казнь, это — разоблачение, — бросил Артахшасса.

— Да, — отозвался Абрихель, несколько раз кивнув. На душе у него было мрачное веселье. — Мальчик-жандарм подрос и стал великим дознавателем.

— Ты мерзкое колдовское отродье! — завопил Артахшасса. — Неверная тварь! Я представляю закон в этом городе. И ты смеешь бросать мне вызов? Мне стоило пустить тебе пулю в лоб, а затем сжечь твои уродливые останки!

Сплюнув розоватую слюну, Абрихель хрипло рассмеялся и пригладил щетину на затылке. В дальней части площади адепты подобрались вплотную — словно любовники на картинах — к дозорным Багровой десятки.

«Что ж».

Крики в толпе заглушили все шорохи. Нарочито небрежным взмахом руки Абрихель отдал команду. Несколько силуэтов упали на землю и затерялись во тьме.

Артахшасса, будто почуяв неладное, обернулся, но тут же перевёл взгляд обратно на Абрихеля:

— Для тебя нет никакой надежды, колдун...

Его лицо пошло морщинами от гнева, стало похожим на маску дивы.

— Для тебя нет надежды.

Глядя на него, Абрихель ощутил странное чувство, отдалённо напоминающее смешанную с презрением жалость.

«Ты всё ещё считаешь себя человеком?»

За спиной раздалось урчание двигателя. Проследив за источником шума, Абрихель увидел, как с другого конца площади пробирается отряд людей в высоких головных уборах и с трёхлинейными винтовками в руках. За ними медленно, точно насытившийся зверь, ехала машина, принадлежавшая, вне всякого сомнения, кому-то из власть имущих.

Абрихель подал короткий сигнал своим адептам на крышах взять под прицел приближающийся отряд — непрошенные гости ему были ни к чему.

Пройдя сквозь толпу, отряд рассредоточился, и Абрихель явно увидел украшенные золотом серые мундиры. Начищенные до блеска кокарды блестели в пламени десятков свечей. Колдун догадался, кто мог пожаловать на казнь, и непроизвольно сжал кулаки. Вот уж кого здесь не хватало...

Застучали мелкие камешки. Доведённые до отчаяния люди избрали чиновничью машину целью своей агрессии. Гвардейцы сопровождения, похоже, были сбиты с толку и не знали, стоит ли им как-то реагировать на происходящее.

Отошедший от потрясения Артахшасса выкрикнул команду на изготовку.

Не успели, однако, багроводесятники взвести карабины, как вперёд величественно прополз длинный, раскрашенный лазурными узорами автомобиль с крышей из богатой ткани. Один из гвардейцев подскочил к машине, отворил заднюю дверь и с почтительным поклоном отошёл в сторону.

Звук собственных скрипящих зубов показался Абрихелю настолько громким, будто его мог услышать каждый на площади. Конечно же, старый пердун решил показать городу, что до сих пор способен что-то контролировать. Тем хуже для него.

С глухим кряхтением из машины выбрался седой старик в чёрно-белом одеянии и с роскошной тростью в левой руке. Правая рука приглаживала окладистую бороду, а сам он презрительно смотрел на всех вокруг. Глаз из-под лохматых бровей не было видно.

— Как первосвященник Святого Храма, — объявил старик громким, хорошо поставленным голосом, — я приказываю выдать мне человека, называющего себя Калехом.

Он изумлённо взглянул на Абрихеля, затем перевёл взгляд на Артахшассу.

— Ложный мессия должен быть осуждён согласно священным законам.

Со времён инициации Куова не переживал испытания подобного этого.

События на площади развивались до замирания сердца стремительно. Куова видел перепалку Артахшассы с бритоголовым высокомерным адептом, стал свидетелем вмешательства ещё одной стороны. Всё это играло на его стороне, щедро одаривая драгоценными минутами, необходимыми, чтобы собраться с духом.

Он вновь погрузился в себя: магические колебания души умерщвлённого брата взбудоражили его. Теперь, когда прошлая жизнь осталась в ушедшей эпохе, Куова не мог отделаться от ощущения, что в хаосе конца света произошло нечто большее, чем убийство сдавшегося мага. Как такое возможно?

Почему же он выжил, когда остальные погибли? В самом ли деле потому, что его тело оказалось сильнее, или потому, что его поддерживала поглощённая душа?

Вторая душа. Второй сосуд.

Это походило на сумасшествие...

Он не находил покоя. Мысли пришли в беспорядок. У ног копошились палачи, бормоча

ругательства и разливая на крышишки жидкость из жёлтых канистр. Перед глазами опять восставал образ сидящего на коленях мага, но в его глазах была не паника, а смирение.

Амнану рыдал и выкрикивал бессмысленные пророчества. Но что на самом деле он видел?

Переведя дух, Куова уставился в звёздное небо и начал мысленно подбирать слова. Он чувствовал, как небесный отец наблюдает за ним. Он чувствовал, что тот слышит, хоть и молчит.

Получится ли?

Уже не имеет значения. Снизу тянулся едкий запах бензина, и огня не избежать.

Важнее всего был яркий образ.

Поэтому огонь должен разгореться. Прямо под его ногами.

Поднявшийся ветер охлаждал саднящую кожу. Слабое ощущение силы тёплым молоком обволокло горло. Баланс.

Призрак души обнял его, словно родного брата.

Куова зашептал первые куплеты — без чувства и отрешённо, — не смея придавать им силу, пока не убедится, что они похожи на чистую молитву.

Он чувствовал на себе руку солнца, тянущуюся из глубин памяти.

Высокое сошлось с нижним, и призрачное мерцание магии коснулось окровавленных струн.

Есть лишь один шанс...

Первосвященник решительно направился в сторону Багровой десятки; его трость звонко стучала по брусчатке.

— Это дело Святого Храма, — строго произнёс он.

— Десятка, огонь! — заорал капитан Артахшасса, вскинув голову. — Убейте колдуна! Убейте их всех!

Но Абрихель уже успел спрятаться. Он будто предчувствовал опасность и, прыгнув на землю, скрылся позади машины первосвященника.

«Я доведу начатое до конца... Конец лживым словам. Конец кошмарам!»

Хоть и с секундной задержкой, Багровая десятка выстрелила единым залпом, словно выражала смертельное приветствие жрецу-лицемеру. Следом последовала ещё серия выстрелов, но с другой стороны. Первосвященник с его гвардейцами оказались под перекрёстным огнём без единого шанса. Колдун привёл с собой людей? Но зачем ему...

— Мы служим одному государству, Тубал.

Его голос был едва слышен среди всеобщей паники. Тубал с раскрытым ртом глядел, как люди расталкивают друг друга в попытках сбежать, но поспешно взял себя в руки — его святая миссия стояла прежде всего.

«Пламя истины...»

— Я не служу царству лжи, — процедил Тубал.

«Глядите — вы все, кто смеялся надо мной».

Он схватился за рукоять револьвера, осязая ладонью гладкое дерево, и вырвал его из кобуры. И шагнул вперёд.

«Одна искра».

Рядом с истерзанным пулями автомобилем лежали практически в ряд истекающие

кровью тела в серых мундирах. Мёртвый первосвященник раскинул руки в стороны и невидящими глазами поражённо смотрел в небо. От него исходил мерзкий запах старости и испражнений. Должно быть, иной смерти и не полагалось для тех, кто предал заветы Спасителя.

Тубал улыбнулся, чувствуя, как его ведёт божественное провидение. Казалось, он был рабом веры и высшим обвинителем в одном лице.

«Огонь будет судьёй».

Городу нужна кровь. Крови нужен огонь.

Несмотря на праведную злость, капитан ощущал странную благодарность к лжепророку. Да, Калех предал его доверие, разбил сердце и бросил наедине с болью, однако смог ли тот робкий и наивный жандарм стать освободителем без всего, что произошло? Вероятно, здесь также не обошлось без промысла Спасителя. В таком случае Тубал прочитает короткую молитву и за него.

Когда всё закончится...

Искушение!

Абрихель швырнул в него косым магическим потоком. Чёрно-голубые струи рассеялись в метре от него, столкнувшись с аурой Пустых.

Тубал перекатился в бок и укрылся за кузовом машины. Его охватил стыд: он, высший обвинитель, вынужден прятаться от проклятого миром колдуна. Верный слуга Спасителя боится, что его поразит посланное дивами заклятье. Но ведь иначе Артахшасса Тубал не сумеет исполнить Его волю!

Он выглянул из-за стального крыла и выстрелил дважды.

— Из этой паутины, — крикнул Абрихель, — ты не выберешься!

— Тогда я просто пристрелю тебя!

Тубал выскочил навстречу Абрихелю, рассчитывая застать того врасплох. Он не ожидал, что тот будет ждать его в винтовкой в руках. И отскочил, поскользнувшись и чуть не упав.

— Теперь я вижу, что с тобой не так, — засмеялся колдун. — Ты мечешься с одной дорожки на другую! И кому — подумай сам! — кому нужен такой подчинённый?

Тубал осторожно попятился, не сводя глаз с него. Абрихель медленно наступал. Прямоком в западню.

Багроводесятники выстроились в линию и навели карабины на колдуна.

Прогремели выстрелы. Несколько человек из Багровой десятки упали замертво. Ошибка! Последователи колдуна всё ещё были неподалёку, прятались и ждали подходящего шанса. Сам Абрихель стоял невредим; из дула его винтовки струился дымок. Оставшиеся в живых багроводесятники разбежались выслеживать стрелков-адептов. Ошибка... На глазах выступили слёзы.

Тубал бросился к фонарному столбу и прислонился спиной к нему, переводя дух. Ещё не всё потеряно.

— Оглянись, Тубал! — прокричал Абрихель. — Думаешь, они дадут тебе уйти?

Капитан закипел, как будто слова этого червя что-то значили.

— Когда правда вскроется, разумные осознают свои ошибки перед Спасителем! Немногие дураки воспротивятся, да! Их ждёт болезненное прозрение...

Колдун противно рассмеялся.

Тубал ринулся на мерзавца; перед взором размылось всё, кроме единственной цели. Скачок в сторону, затем решительный рывок. Револьвер устремился вперёд.

Один на один — охотник сошёлся с хищником...

Пули прошивали воздух, нити оборонительных заклятий сверкали, словно лезвия. Барабан неожиданно опустел, а с пальцев колдуна сорвалась пылающая магическая сеть. Тубал нырнул в сторону, но удар всё равно зацепил его и отбросил к машине.

— Чего ты ждёшь? — издевательски воскликнул Абрихель.

Пальцы Тубала задрожали. Как же так? Он, шипя от боли, пополз на четвереньках в укрытие, судорожно сжимая револьвер. Большую часть колдовской атаки принял автомобиль, и теперь от него исходил жар. До уха доносилось мерное шарканье сапог Абрихеля. Однако воля Спасителя по-прежнему хранила Тубала. Он был ещё жив.

В тускло освещённых проходах улиц вновь показались лица. Желание узреть истину пересилило животный страх.

Мышцы ныли, колдовские порезы жгли и щипали.

Тубал вдохнул поглубже и принялся перезаряжать барабан. С приятным стуком патроны влетали в каналы...

Капитан обгорел от ног до волос, кожа на шее и руках покрылась красными пятнами. Каждый вздох обжигал горло.

Прижатый к накалившемуся кузову автомобиля, Тубал боковым зрением увидел Калеха, прикованного к столбу; его голова склонилась набок, а открытый глаз беспрестанно следил за поединком. Звук шагов стих. В установившейся тишине молитвенный шёпот Тубала звучал оглушающе. Это наполнило его, рывком поставило на ноги, утолило боль. Он тихо зарычал и вылетел из укрытия с заряженным револьвером.

Выстрел. Ещё один. И ещё. Гром разрывал воздух, пока не послышался звон разбитого стекла.

Абрихель вскрикнул, пошатнулся и рухнул на колени, прижимая левую ладонь к правому плечу. Он поднял удивлённое лицо.

Теперь не ухмылялся.

Между паучьими пальцами колдуна сочилась тёмная кровь, плечи тяжело вздымались от неровного дыхания. Тубал на миг оглянулся на заново стекающую толпу и вскинул руки.

— Второй раз! — взревел он. — Второй раз я поставил тебя на колени!

Он мгновенно оказался возле Абрихеля и прижал дуло револьвера к его лбу. Глаза колдуна померкли, наполнившись готовностью к скорой смерти. С охоты вернулись солдаты Багровой десятки — должно быть, покончили с адептами — и с нескольких сторон направили дула карабинов в голову Абрихеля. Но ему ещё было рано подыхать. Пусть тоже увидит...

Тубал убрал револьвер и напряжённым шагом приблизился к лжепророку.

На площади снова сталолюдно. Тубал вынул из кармана зажигалку и обернулся. Тревожное ожидание на лицах. Предвосхищение момента.

«Смотрите...»

Он взглянул в лицо Калеха.

— Тубал... — В глазу лжепророка еле заметно блеснула влага. — Мне... — Калех заколебался, скорбно вздохнул. — Мне очень жаль.

Тубал хмыкнул. Ему больше не было дела до жалости. Он крутанул зазубренное колёсико, выпуская на волю огненный язычок, и бросил зажигалку во влажную чёрную грудку.

— Пламя истины!

Покрышки моментально вспыхнули — и пламя охватило тело Калеха. Тубал невольно отшатнулся от пышущего жара. От ужаса и нестерпимой боли, какие возможны только при сгорании заживо, лжепророк отчаянно взмолился. Слов было не разобрать, но по одному тону капитан понимал, что тот просит Спасителя облегчить кошмарные муки... Последователи Калеха громко зарыдали. И вдруг огонь погас, будто свет в лампе. Невозможно! Он не мог колдовать со стянутыми пальцами! Ошеломлённый, Тубал смотрел на невредимого Калеха.

Над площадью раскатился истеричный смех. Капитан Багровой десятки далеко не сразу понял, что этот смех — его. Пальцы вцепились в волосы.

— Эй, командир...

Чья-то тяжёлая рука легла на плечо Тубала; сердце в груди заклокотало от негодования.

— Ты! — прошипел Тубал, оборачиваясь. — Ну что...

Сержант ударил его кулаком в переносицу.

Голова откинулась назад, и Тубал опрокинулся наземь. Он приподнялся на локтях, всхлипывая от обидного изумления, и тут же упал снова, получив удар ногой в бедро от подлетевшего незнакомца. Другие люди последовали примеру напавшего. Носок сапога болезненно врезался в челюсть.

Под градом ударов Тубал тщетно пытался отползти в сторону. Тяжёлым ботинком ему попали прямо в левую скулу — в глазу вспыхнуло белое пламя, а затем спустилась темнота. Грудь сковало морозным ужасом, вырывая наружу пронзительный крик:

— За что?! Вы не...

Чей-то каблук обрушился на правую руку Тубала, вдавливая пальцы в острые камни.

Многочисленные пинки посыпались в живот и по рёбрам. Боль палящей струёй прошла его от поясицы до затылка. Тубал попытался свернуться калачиком, но тело не слушалось. Внизу живота что-то лопнуло, и по ногам потекла горячая жидкость.

На шею набросили петлю, врезавшуюся в подбородок.

Под крики беснующейся толпы Тубала поволокли по площади. Холодные светящиеся фонари проплывали на фоне ночного неба. Ногти бессильно заскребли по камням, цепляясь за острые края. Сквозь кровь, налипшую на лице, он всё ещё чувствовал запах горелой резины.

«Я освободитель Алулима!»

— За что?!

Петля соскользнула ниже, и Тубал сдавленно захрипел. Откуда-то сверху донёлся смех.

— З-ш-ш... тх-хо... — попытался выговорить он, но ничего не выходило: горло сдавило так, что не вздохнуть.

«Я же...»

Наконец, удавка резко дёрнулась — и в шее что-то хрустнуло. Над головой сомкнулась тьма.

Робко перешёптываясь, несмелыми движениями верные последователи растягивали цепи, приковавшие Пророка к месту казни, помогали сойти на землю. Многим не верилось, что они достойны коснуться его... Весь город словно застыл в безмолвии.

Куова чувствовал сильнейшее головокружение, а конечности еле слушались, но он

сделал несколько шагов вперёд. Самые пылкие из учеников обступили его, поддерживая под руки. Кто-то накинул ему на плечи тёплый плащ. Он прикрыл глаза, наслаждаясь блаженным покоем. Ему не нужно было видеть, чтобы знать, что в нескольких шагах от него всё ещё стоял на коленях Абрихель, удерживаемый горожанами, — ночь изменила даже его. Низкорослый, широкоплечий багроводесятник громко плакал и молил Спасителя о прощении. Где-то в тени восторженно улыбался Иона, а Гольяс метался среди толпы, ища непослушного сына. Куова открыл глаза и увидел сотни направленных к нему взглядов. Люди, что стояли ближе всего, не выдерживали и преклоняли колени.

«Они видят...»

Целая вечность сомкнулась в одной точке, и казалось, что мир погиб и возродился заново — мерное сердцебиение раздавалось в такт дыханию земли. Он вновь потерял солнце, однако обрёл нечто иное...

Но это только начало. Учение должно продолжаться.

Усталая улыбка озарила лицо Куовы. Краем глаза он заметил вдали качающееся на фонарном столбе растерзанное тело Артахшассы, и душу охватила глубокая печаль. Погибли неудержимое упорство и верность идеалам... Но что сделано, то сделано — жертва принесена. Куова поднял руки и вытянул их вперёд. Поверх голов прокатилось проникновенное аханье.

«Да... теперь они готовы».

— Братья, сёстры! — провозгласил он, и шум в толпе моментально стих. — Божественная воля спасла меня, чтобы я сказал вам! Спаситель желает, чтобы ваша мечта исполнилась!

Он смотрел в блестящие от слёз глаза, на измождённых ожиданием людей... Ладони поднялись ещё выше, точно разгорающееся пламя.

— Они говорили, что огонь очищает от скверны и лжи! Значит, так тому и быть. Спаситель желает, чтобы вы взяли власть в свои руки! Несите священный огонь, как знамя, — и вы всё получите!

Куова перешёл почти на шёпот, но каждый услышал его первый завет:

— Да запылают костры!

Неприятности всегда являются, когда их ждут меньше всего. Светловолосый человек средних лет, одетый в бежевый костюм-тройку, появился перед Уршанаби Немешасом и преградил ему путь. Появившись совершенно внезапно, застал его врасплох.

— Сударь Уршанаби? — уточнил он дружелюбным, но твёрдым тоном. — Надеюсь, вы никуда не спешите. На пару слов буквально.

Уршанаби вздрогнул, его взгляд заскользил по светло-серым стенам придорожных зданий в поисках спасительного прохода. Безрезультатно.

Человек в костюме засунул руку за отворот пиджака и спустя миг достал на обозрение позолоченный значок в форме щита. На нём красовалась рельефная голова быка.

— Комиссар Фабрис, полиция Зефироса. — Теперь в голосе звучали нотки предостережения. — Всего лишь несколько вопросов, сударь. Обычная процедура для иностранцев.

— Я совсем недавно здесь, — несмотря на растущее беспокойство, на чистом фларелонском сказал Уршанаби. — Я совершил что-то дурное?

Ему тут же стало неловко за свои слова и чувство, будто он беспризорный мальчишка, пойманный на краже конфеты, вынужденный оправдываться за мелкий проступок. Поэтому он не стал противиться безальтернативному предложению проехаться в полицейский участок. Комиссар вёл себя подчёркнуто доброжелательно, так что Уршанаби начал сомневаться, что ему грозит нечто серьёзное. Возможно, и правда — обычная процедура. Однако подозрения не спешили покинуть его разум.

— Я чту законы, — стоял на своём Уршанаби, когда они прошли по извилистому коридору и оказались в просторном кабинете. — Господин комиссар...

— Курсант Никалет! — выглянув в коридор, позвал комиссар. — По поводу того дела.

— Если я могу... — собирался продолжить Уршанаби, но умолк, когда в комнату вошёл курсант. Молодой человек в бледно-голубой униформе, прижимая к груди толстую тетрадь с авторучкой, бегло осмотрел помещение; его светлые глаза словно подмечали какие-то важные детали. Для своего возраста он был даже слишком серьёзен и присобран.

— Добрый день, сударь, — сказал курсант на удивление живым и звонким голосом. — А вы сударь Уршанаби? Человек из Кашадфана, к которому у нас есть некоторые вопросы.

— Отвечу на что смогу, — отозвался Уршанаби Немешас с дрогнувшей улыбкой. — Мне нечего скрывать...

Комиссар откашлялся в кулак и устроился за широким письменным столом. Почесал пальцем висок.

— Присядьте, сударь, — наконец предложил он. — Не могу не отметить, что вы неплохо знаете наш язык. Интересно, где научились...

Уршанаби не стал отказываться от предложения.

Последовавшая минута тишины позволила получше рассмотреть и комиссара, и его молодого подопечного. Комиссар выглядел не особо примечательно среди другие фларелонцев: аккуратно подстриженный, гладко выбритый и с ровным загаром. В то же время курсант притягивал взгляд как манерой держаться, так и платиновыми волосами и блеском в ясно-голубых глазах.

Комиссар взял со стола зажигалку и запалил сигарету.

— Прежде всего, — начал он, — нас интересует цель вашего визита во Фларелон. Что-то подсказывает мне, что не на отдых вы приехали.

— Нет, — ответил Уршанаби, решив, что нет смысла скрывать очевидное. — Я ищу место для лучшей жизни. Понимаете, господин комиссар, меня мучают некоторые болезни. Мне просто нужно место поспокойнее.

— Поспокойнее, — повторил курсант, — просматривая что-то в своей тетради. — Махатлан вам, так понимаю, не понравился.

— Мне бы тоже не понравился, — усмехнулся комиссар, а Уршанаби воспользовался моментом, чтобы вытереть о штаны вспотевшие ладони. — Странные люди, странная пища, странные культы... Уж точно не то место, где я бы хотел встретить старость.

— Да, сударь.

— А ещё дожди круглый год.

— Уж лучше наше солнце.

— Зефирос — красивый город, — встрял Уршанаби Немешиа, надеясь поддержать тему. — Действительно, очень здесь солнечно. Много парков, много птиц, которых я никогда не видел раньше, много ароматной выпечки. А эти башни, упирающиеся в самое небо! Кажется, мне к ним ещё предстоит привыкнуть.

— К косым взглядом тоже стоит привыкнуть, — отметил курсант. — Есть люди, которые не слишком жалуют чужаков.

— Вы очень напряжены, сударь, — протяжно сказал комиссар, пристально глядя на Уршанаби. — Если спросите меня, я бы сказал, что вы от кого-то скрываетесь.

Уршанаби не ответил. В глазах потемнело, дыхание сбилось и конечности перестали слушаться, отчего тело начало безвольно сползать с кресла. Неимоверные усилия потребовались, чтобы вернуть контроль над собой. И всё равно лёгкие словно покрылись инеем. В ушах звенело.

— Сударь, всё хорошо? — обеспокоенно спросил комиссар, вскакивая с места. — Я могу позвать доктора.

Его голосу словно приходилось прорываться через плотный пузырь. Даром, что зрение уже прояснилось, а дыхание выровнялось. Некоторое время понадобилось на то, чтобы рассеялся металлический звон, напоминающий о событиях, которые ещё не успели как следует зажить в памяти.

Уршанаби выставил ладонь вперёд.

— Не нужно, — сказал он, массируя горло кончиками пальцев и ища взглядом точку опоры в комнате — любой крупный и выделяющийся на фоне других предмет. — Это всё мой недуг. Оно проходит само, благодарю вас.

— Смотрите сами, — пожал плечами курсант и вернулся к своей тетради. — Хотя выглядите вы ужасно.

Комиссар многозначительно вскинул бровь. То ли он усомнился, что Уршанаби обойдётся без помощи, то ли его задела вопиющая для фларелонцев неучтивость курсанта. Сам Уршанаби, однако, ничуть не оскорбился. Наоборот, в душе промелькнуло чуть ощутимое чувство благодарности за правдивые слова. За месяцы проведённые в махатланской лечебнице он неоднократно имел возможность убедиться, как влияет на людей панический паралич. Так что, когда комиссар приказал своему подопечному принести воды, отказываться не стал. К тому же горло страшно пересохло...

Стакан с водой, любезно поданный курсантом, был опустошён за несколько глотков.

Мысли пришли в порядок. Случайные опасения, что полицейские могут быть в сговоре с кем-то из Кашадфана, показались нелепыми.

— А позвольте поинтересоваться, — задумчиво произнёс комиссар после недолгой паузы, — сколько времени вы провели в Махатлане?

— Четыре месяца, — не задумываясь ответил Уршанаби. — Всё это время я был на лечении, с того самого дня, как покинул Кашадфан.

— Месяц брюмер, — словно в никуда бросил курсант, однако комиссара это насторожило:

— Не лучшее время для путешествий. В брюмер бури на границах особенно сильны. Это настоящее чудо, что вы пересекли рифт, оставшись невредимым.

Уршанаби сцепил руки в замок, прогоняя неприятные воспоминания о дне перехода. На миг он даже удивился, когда же успел стать таким нервным и боязливым, хотя всю жизнь помнил себя благородным и отважным человеком. Неужели близость к смерти так надломил его?

— Я так вижу, сударь, — продолжил комиссар, — что вам просто жизненно необходимо было оставить родной дом. Не поймите меня неправильно, но чтобы... не ошибиться в суждениях, я бы предпочёл узнать больше.

Повисла тягучая тишина, отозвавшаяся прохладой между лопаток. С коридора доносились неразборчивые звуки радио. Возможно, музыка.

— Есть один любопытный нюанс, — вкрадчиво заметил курсант. — Из ваших слов я сделал бы вывод, что вы покинул Кашадфан аккурат под окончание гражданской войны. Не хочу делать преждевременных предположений, но вопрос не даёт мне покоя. Кто вы, сударь Уршанаби, на самом деле?

— Это долгая история, — ответил Уршанаби, отводя взгляд в сторону. — Но правда в том, что на месте Кашадфана, который я знал, возникло нечто совершенно новое. И это нечто не пришлось мне по душе.

На этот раз молчание продлилось дольше. По радио однозначно транслировали чью-то песню.

— Что тут скажешь, — вздохнул он, почувствовал, что полицейские терпеливо ждут его следующих слов, — мало кто из нас всерьёз воспринял уличного проповедника, вещающего о любви к ближнему и свободе от оков... Мы слушали слова, а нужно было слушать между слов. Никто не был готов к революции, и когда она вдруг вспыхнула...

— Алулим. — Комиссар выбил пальцами дробь по столешнице. — Насколько я помню, первой пала столица?

— Именно так, — кивнул Уршанаби. — Отсекли стране голову.

Фардад Бабилим заперся ото всех в кабинете для приёмов и теперь считал шаги, неровной походкой прохаживаясь от одной стены к другой. Жена с дочерьми закрылись в личных покоях, слуги и клерки разбежались, гвардейцы выстроились во дворе резиденции, охраняя подступы. Ещё один день для бессмысленных смертей и кровопролития.

За годы власти президент располнел, а ввиду последних дней его лицо отекло и покраснело от алкоголя. Его каштановые волосы растрепались и лоснились от жира, а щёки заросли щетиной. В таком виде он был противен даже самому себе, пока оставался трезв, поэтому целыми днями потягивал вино из своих запасов, спасаясь от самоненависти и

страха.

Президент надеялся переждать бунт в своём дворце. Но даже сквозь стены, как ему казалось, доносились шумы уличной бойни и крики разъярённой толпы.

Бабилим не считал себя идеальным человеком — он часто поступал нечестно и эгоистично, однако лозунги бунтовщиков повергали его в недоумение. Больше всего в жизни президент мечтал жить в согласии с народом, а народ сейчас явно желал его смерти. Разве это справедливо? Если кто и виноват в страданиях простых людей, так это Собрание и покойный первосвященник.

«Почему это происходит? Что я сделал не так?»

Он задумался о том, что мог бы сделать лучше для всех. Задвинуть подальше первосвященника с его неуёмной жаждой власти. Распустить Собрание и созвать заново, даже пригласить представителей из рабочих, мелких лавочников и крестьян — да учтены будут нужды всех. Снизить налоги. Провести какие-нибудь полезные реформы. А затем наладить отношения с другими странами, пригласить учёных мужей и инженеров со всего света, чтобы основать первый в мире бесплатный университет.

Как тогда расцвёл бы Кашадфан...

Это больше не имело смысла, ибо всё пошло прахом. И кто всему виной?

Конечно же, Пророк.

Чужак, принесший с собой хаос. Мошенник, превративший все существующие и несуществующие священные тексты.

Бабилим остановился напротив книжного стеллажа из сандалового дерева и невольно потянулся за Писанием, украшенным золотым тиснением и лазуритовой крошкой. Он никогда не открывал его, полностью погрузившись в мирские дела, но теперь, когда город восстал под знаменем веры, подумал, что может найти в строках ответы на все вопросы. Президент пригубил вина и начал судорожно листать страницы, блуждая пьяным взором по расплывающимся клиньям священных слов. Пытался узреть ту же истину, которая каким-то образом открылась проклятому фанатику Калеху.

Уличный проповедник. Духовный лидер черни.

Бабилим закрыл книгу. Большая часть написанного не поддавалась чёткому осмыслению. Быть может, в этом и заключалась вся суть.

Президент положил книгу на краю стола и окинул её печальным взглядом. Провёл дрожащим пальцем по роскошному переплёту. Потом подошёл к окну и, прислонившись лбом к стеклу, выглянул наружу.

На Алулим спустилась ночь, и повсюду зажглись фонари.

«И из густых сумерек вышло пламенеющее воинство, и дано ему было лишить мир покоя...»

Фраза из Писания. Одна из немногих, отложившихся в памяти.

Тут президент осознал, что на улице горели не фонари, а факелы бунтовщиков. Вновь послышались выстрелы, крики раненых и умирающих. На этот раз они звучали совсем близко.

Они пришли за ним, понял президент. Бежать некуда. Вот — какие-то фигуры уже появились во дворе.

Бабилим выпил остатки вина прямо из бутылки. Из-за двери раздавался топот. Женский визг. Видимо, люди Пророка добрались до кого-то из его дочерей.

«Как это всё неверно, неправильно... — подумал президент. — Я пропал».

Застыв посреди кабинета, Бабилим на дрожащих ногах ожидал, когда двери, отделяющие его от гибели, рухнут. У него не было оружия, и он успел только схватить со стола Писание. Плотнo прижимая его к груди, Бабилим встретил ворвавшихся в кабинет вооружённых бунтовщиков.

Он не успел раскрыть рот, чтобы просить о пощаде, как распалённые пролитой кровью люди набросились на него с ножами и топорами.

По коридорам дворца разнёсся крик.

За окном раздались отрывистые выкрики и топот десятков сапог. Не сразу Уршанаби понял, что это полицейские тренировались на плацу.

— До нас доходили известия, — сказал комиссар, выдохнув облако густого дыма. — Разъярённая толпа буквально растерзала президента живьём. Ему даже не дали возможности защититься в суде.

— Я думаю, — ответил Уршанаби, пытаясь казаться спокойным, — что людям намеренно развязали руки. Важно было показать, что старый мир рушится, а значит и его законы и порядки больше ничего не значат. — Он помолчал. — Волею судьбы я оказался на востоке страны, когда об этом стало известно. Я видел страх на лицах людей. В глазах тех, кто не утратил рассудок, читались одни и те же вопросы. Как подобное могло произойти? Что нам делать теперь?

Курсант прекратил расчерчивать лист тетради линиями и искоса взглянул на Уршанаби.

— Худой порядок лучше доброй разрухи, — сказал он, чуть прищурившись. — Я так слышал. И знаю историю: когда в государстве воцаряется хаос, сколь бы не был плох предыдущий правитель, у него находится немало сторонников. Как минимум, сторонников времён, что были при нём.

— Конечно, — кивнул Уршанаби, ненадолго усомнившись, стоит ли ему продолжать. — Страх неизвестности пересилил страх смерти. Так что в сторонниках недостатка не было.

Ровно в полдень на городской площади Дур-Казреша собрались несколько сотен солдат-добровольцев, изнурённых длительными маршами из разных городов и военных лагерей. Зафран, сжимая в пальцах карабин и кутаясь в плащ от промозглого ветра, разглядел поверх голов офицера в элегантной оливковой форме, украшенной золотыми эполетами. Наряд, осанка и подкрученные старомодные усы выдавали в нём выходца из аристократии.

— Верные защитники Кашадфана!

В ответ над шеренгами прокатился нестройный гул приветствия.

— На сердце каждого из нас — тяжёлая боль, — провозгласил командующий, остановившись и повернувшись лицом к строю. — Наш президент и вся его семья жестоко убиты в собственном доме. Алулим стал оплотом кровожадности и невежества!

За спиной послышался опасливый шёпот. Офицер двинулся вдоль строя и, заложив укрытые белыми перчатками руки за спину, продолжил:

— Но здесь, на неосквернённых кострами ненависти землях, всё иначе! Да, настал час испытаний. Кто-то оказался слаб, отринул то, чему учили отцы, о чём пели матери; поддался лживым посулам. Но не вы! Ибо ведомо вам, что такое честь, верность народу и правителю, благословлённому Богиней. Когда я смотрю на вас, господа, моё сердце переполняется

гордостью и надеждой!

Прижав к себе винтовку, Зафран стал озираться. Хотя офицер и казался недостижимым, словно вершина храмовой башни, его речь, несмотря на высокопарность, звучала искренне, увлекала за собой, однако другие солдаты восприняли её неоднозначно. Прямо перед Зафраном стоял Камъяр, хмурый седеющий ветеран, служивший с ним в одном лагере, и тихо сыпал нелестной бранью. Слева дрожал и постанывал то ли от страха, то ли от холода новобранец Жальдиз.

Командующий развернулся к солдатам, развёл руки в стороны.

— Вы гневаетесь! — воскликнул он. — Равно как и я, равно как и я.

В шеренгах снова зашептались: одни поминали недобрым словом Пророка и его последователей, другие — свергнутое и бросившее всех на произвол судьбы правительство. Зафран не знал, кому сочувствует больше.

— Нам неоткуда ждать подмоги. — Командующий рассёк ладонью воздух, точно саблей. — Враг не станет нас щадить! Поэтому будьте сильными! Будьте бдительными! Будьте надёжной опорой Кашадфана.

Добровольцы обеспокоенно загудели. Честность офицера обеспокоила Зафрана, но в то же время приятно поразила и заставила проникнуться симпатией. Даже ворчливый Камъяр приумолк; сейчас он стоял, уперев приклад винтовки в брусчатку, а свободной рукой теребил седые кончики усов. Жальдиз же наоборот принялся неразборчиво бормотать и хлюпать носом, то и дело повторяя про ошибки, семью и глупую смерть.

Где-то вдалеке затрубил рог.

— Обернитесь: позади нас нет ничего, кроме Казрешского разлома! — воскликнул офицер. — Впереди — наша родная земля. Земля, которая рассчитывает на нас. Слышите, господа, как она зовёт нас? Я не герой. Не прославленный полководец. Но мой долг, как верного сына, — откликнуться на зов! Здесь...

Его слова потонули в грохоте прибывшего в Дур-Казреш поезда. Оставалось лишь гадать, были ли то припасы для добровольцев или новый поток бегущих от кровавой революции Пророка. Совсем скоро шум утих.

— Офицеры и солдаты кашадфанской армии! — обратился командующий со всем своим пылом. — Перед богами, Спасителем и зурами я клянусь в верности Республике! Обещаю, ведя вас к войне и к миру, не оставить вас в забвении и все тяготы разделить с вами. Вместе мы встанем плечом к плечу, господа!

Зафран обернулся. В глазах многих добровольцев читалось если и не желание ринуться с места в бой, навстречу славе, то, безусловно, готовность принять реальность и защитить то, что ещё можно было защитить. Кому-то же, по-видимому, до конца жизни придётся нести на плечах груз сомнений.

— Ишь ты, — пробурчал Камъяр, сплёвывая, — благородный!..

— Спаситель, защити нас, — дрожащими губами повторял молитву Жальдиз.

Спаситель? Зафран задумался, насколько уместно помянуть Спасителя сейчас, когда именем Его прикрывается лжец и манипулятор. Мир сделался слишком сложным.

— На этом месте, — провозгласил командующий, выхватывая саблю, — я объявляю о рождении Добровольческой Освободительной армии! Забудьте страх и сомнения! На юге уже собираются полки генерала Сазвара! Соединившись с ним, мы плотными рядами двинемся на Алулим. Наше время настаёт, господа! Возродим единый и великий Кашадфан!

— Кашадфан! — хором откликнулись солдаты. — Хузза! Хузза! Хузза!

Зафран кричал, не боясь сорвать голос. Едкий туман неизвестности щипал душу, но триумфальный клич создавал тёплую иллюзию уверенности. Солдаты-добровольцы скидывали кулаки к небу, плавно становясь одним целым. И Зафран отчего-то поверил, что командующий приведёт всех их к победе.

— Вы весьма справедливо подметили, господин, — со вздохом произнёс Уршанаби, глядя на прикрывшего глаза курсанта. — Худой порядок лучше доброй разрухи. Поэтому, едва появилась Добровольческая армия, её солдаты недолго ждали, чтобы проявить себя в бою.

— Даже когда некоторым приходилось идти в бой против собственных братьев, — не открывая глаз завершил мысль курсант.

Кавалерийский полк добровольцев настиг крупное войско культистов, когда солнце клонилось к горизонту, и налетел на них, словно буря. На землю пролилась кровь. Вооружённые одними лишь старыми винтовками и одетые в поношенную форму вчерашние крестьяне и рабочие мало что могли противопоставить профессиональным солдатам, которые обстреливали их из пистолетов, рубили саблями и топтали копытами коней. Потомки степных налётчиков проявили себя во всей своей жестокой красе. Разбив и без того неровный строй, кавалерия вырвалась из моря людских тел и поскакала прочь, но лишь затем, чтобы вернуться снова.

Лейтенант Хузари Гулмаш испытывал смешанные чувства. Он сражался за правое дело, за будущее страны, за мирную жизнь для своей семьи. Но много ли чести в том, чтобы резать, как безвольный скот, едва способную сопротивляться крестьянскую пехоту? Культистам удалось сразить отчаянными выстрелами нескольких конников, но каждого из них пришлось заплатить грудой из десятков тел. Лейтенант старался не думать о том, что среди этой груды мог лежать его брат — вспыльчивый дурак, вбивший себе в голову, будто Пророк действительно изменит всё к лучшему. В такие минуты лучше ни о чём не думать. Приказ есть приказ, Кашадфан должен быть освобождён.

— За свободу! — что было мочи закричал Гулмаш, пытаясь преодолеть рёв, звуки выстрелов, и визги лошадей. — Кашадфан! Да здравствует Республика!

Конница развернулась для нового удара. Укрытые стеной пыли, в оглушительном оркестре стучащих копыт и яростных воплей налётчики являли завораживающе-ужасное зрелище.

— За свободу!

На этот раз культисты сумели подготовиться. Прореженные и окровавленные, они встретили добровольцев уверенным залпом, практически смели одну из ударных групп. Там, где кавалеристы ворвались в строй, началась мясорубка. Некоторых солдат стаскивали вниз штыками, а затем безжалостно избивали прикладами и рубили топорами на земле. Кое-кто наловчился забрасывать арканы на отступающих конников и одним могучим движением вырывать их из сёдел. Теперь эти люди, ещё недавно казавшиеся беззащитными оборванцами, разбегающимися от одного только конского топота, скорее напоминали грозное живое оружие, которым так усердно пугали командиры и городские ораторы.

— Вперёд, братья! Именем Пророка! Хузза!

Однако воинство культистов было обречено. На стороне кавалерии по-прежнему оставались опыт и скорость. При очередном налёте Гулмаш с жестоким удовлетворением отметил, что враг почти разбит.

Раздался выстрел, и конник, скакавший по правую руку от лейтенанта, коротко вскрикнул и соскользнул с седла, свесился на бок. Нога застряла в стремях, и испуганное животное помчалось подальше от битвы, волоча тело по земле.

Культист, которому на вид не было и двадцати лет, принялся неумело перезаряжать винтовку. Гулмаш кинулся к нему и страшным ударом сабли рассёк его от ключицы до середины груди. Остатки пехоты бросились врассыпную, крича, спотыкаясь и роняя оружие на землю.

«Видать, крепко мы согрешили, раз боги допустили такое, — подумал Хузари Гулмаш, когда выстрелом в грудь прикончил последнего стоявшего на ногах культиста. — Сын отвернулся от отца, сосед пошёл против соседа. Значит, и я... — Поле вокруг было усеяно трупами людей и коней. — Где же ты, братец?»

По радио заиграла новая мелодия, лиричная и печальная. Полицейские в кабинете сидели безмолвно.

— Я так понимаю, сударь Уршанаби, вы тоже состояли в рядах Добровольческой армии, — нарушил тишину курсант. — Это не имеет отношения к делу, поэтому прошу простить мне моё любопытство. Однако же. Вы почти год медленно, но успешно продвигались к Алулиму. И вдруг всё остановилось. Точно волна о скалу. Неужели у уличного проповедника нашлось что-то, что сумело сдержать наступление небольшой, но всё-таки регулярной армии?

— Нашлось. Не могло не найтись, — горько усмехнулся Уршанаби. — Если одних хаос страшит, то другим он — путь возможностей. Более того, в этом хаосе начали проступать черты нового порядка, и кому-то он оказался ближе порядку старого. Но главным оружием Пророка всегда было слово, и он не терял времени зря. Пока мы с боем пробивались через ряды ополчения, он убедил нескольких видных персон выступить на его стороне. А эта сила уже серьёзнее сотни доверчивых крестьян.

В сырой и холодной камере он провёл уже несколько недель, а может, и месяцев. Едва толпа расправилась с обезумевшим жандармом, Абрихеля привели на суд Пророка, и решение его было скорым. Сперва он сидел в каком-то подвале, затем оказался в тюрьме, где бывал нередко, но лишь с другой стороны решётки. С тех пор наступило затишье. Изредка удавалось подслушать разговоры охранников о разгоревшейся гражданской войне и о тяжёлых боях с «добровольцами». Гораздо чаще приходилось слышать звуки выстрелов во дворе тюрьмы — незавидная участь врагов праведной революции.

Кого-то расстреляли на следующий день после его заключения. Несколько чиновников, офицеров и служителей первосвященника, по всей видимости, осмелились выступить против Пророка. Были среди них и адепты, но, к сомнительной радости Абрихеля, никого из его людей.

Временами Абрихелю казалось, что про него все забыли: каждый день молчаливый охранник со скучающим лицом приносил пресную еду, реже — ведро с водой, и на этом всё.

Рядом с камерой, похоже, установили магические поглотители, так что ему не оставалось ничего, кроме как в полной мере вкушать своё болезненное бессилие.

Поневоле колдун задумывался, правильный ли выбор сделал, решив помогать Пророку. И всякий раз приходил к выводу, что другие варианты обернулись бы гораздо худшими последствиями. Его собственная судьба по-прежнему висела на ниточке.

Абрихель, как обычно, лежал на колючей подстилке и страдал от ломоты в теле, когда в коридоре раздались шаги. Не такие, к которым он привык. Однако сил в теле хватило только для того, чтобы повернуть голову в сторону отворившейся двери и увидеть человека, скованного с ним цепями хаоса и смерти. В сопровождении личной гвардии.

Некоторое время он смотрел на Пророка, не зная, радоваться ему или скорбеть. Внешне тот выглядел так же скромно, как многие месяцы и годы до этого, но теперь в нём ощущалась непомерная властность. Пропал куда-то любопытственно-сомневающийся взгляд. На вытянутом бородатом лице отразилось бремя знания. Некогда Абрихель считал, что подобен Калеху, однако увиденное заставило его уверенность поколебаться.

— Сам Пророк пришёл навестить меня. — Он хотел усмехнуться, но правую скулу свело судорогой. — Завершил, что хотел?

— Я едва начал.

— О как... За чем же дело стало?

Ответа не последовало. Один из гвардейцев вошёл в камеру и приблизился к Абрихелю. С неожиданной деликатностью он помог колдуну подняться и вывел его в коридор. Колдун оказался лицом к лицу с высокой красноволосой женщиной и почувствовал невыразимое облегчение, но ограничился сдержанным кивком и повернулся к Пророку.

— А, некто осмелился бросить вызов тебе, Калех?

— Осмелился, — ответил Пророк. — С востока надвигается крупная армия.

— С востока, — протянул Абрихель, вспоминая. — Если я не ошибаюсь, кто у них командир... Талантливый политик, но не полководец. — От этих мыслей он испытал смутное удовольствие, будто в мозгу ожил долго дремавший механизм.

Пророк посмотрел на него сверкающими карими глазами так, словно Абрихель утаивал некий важный секрет. Ему очень не хватало этой игры поведений. Колдун решил дождаться ответа.

— Мне тоже нужна армия.

— Нужна, — согласился он и тут же встрепенулся: — Да только и я не полководец, и даже...

— Ты знаешь нужных людей.

Он прикрыл рот.

— А, ага. — Замешкался колдун. — Допустим, я знаю.

— Тогда ты будешь свободен.

— Сомневаюсь, что тебе от меня нужны только имена.

Пророк кивнул.

— Ты возглавишь крыло адептов, но подчиняться вы будете мне. Во всём. В том числе и в вопросах расширения круга.

Абрихель сдавленно рассмеялся.

— И как же я сразу не подумал? Ты знаешь, что не сможешь одолеть весь круг в одиночку. Зато можешь подчинить. Свободен, говоришь? — Он покачал головой. — Думаю, что на цепи тебе подойдёт кто угодно.

— Я не просил бы от тебя ничего, подходи мне кто угодно другой. Мне нужен тот, кто понимает цену магии. — Один из гвардейцев подал Калеху фокусирующий жезл. Пророк протянул его Абрихелю, но пальцы разжал не сразу. — Тот, кто ценит знание.

— Знание, — повторил Абрихель, наконец забрав свой жезл. — Или слово, которое несёшь ты.

Пророк ничего не ответил, впрочем и вопрос был, скорее, риторическим.

— А если я не захочу тебе помогать? — спросил колдун. — Что тогда?

— Можешь попытаться убежать, — беззаботно ответил Калех и повернулся к лестнице.

«И оставить братство на твою милость?»

Абрихель проводил взглядом Пророка, пока тот не исчез, и тихо фыркнул.

— Ещё чего...

— Господин, — обратилась к нему Реха, учтиво склонив голову. — Как вы себя чувствуете?

Позвоночник отозвался жгучей болью, но колдун даже не поморщился.

— Ужасно. И всё же, — ухмыльнулся он, — сегодня на редкость замечательный день.

С трудом переставляя ноги, он поднялся по лестнице, прошёл по узкому, тускло освещённому коридору и наконец оказался на свободе. В лицо мягко ударил прохладный свежий воздух, наполнил ноздри масляно-дымным ароматом. Похоже, Абрихель всё же не прогадал. Он по-прежнему жив, да ещё и на воле. Братство в безопасности, по крайней мере, на время. А большая власть ему ни к чему — он готов подчиняться, и будет следовать за Пророком, пока тот способен вести. Но прежде всего Абрихель намеревался закончить свои дела.

Когда он вернётся домой, первым делом приведёт себя в порядок. Примет горячую ванну, вкусит хорошей еды... С отросшими на голове волосами тоже нужно что-то сделать.

Абрихель зашагал прочь от тюрьмы, по просторной улице, чувствуя, как конечности вновь наполняются колдовской силой.

Как же мало порой нужно человеку для счастья.

— Мы узнали об этом позже, чем хотелось бы, — продолжил Уршанаби, растирая пальцами ноющие виски. — К осени двадцать восьмого наша армия заняла линию в шестидесяти фарсангах от Алулима. Поначалу культисты попытались перейти в контрнаступление, но без особых успехов. Однако то, что произошло потом, обернулось для нас крахом.

— Вы немало знаете, — заметил курсант. — Сколько людей было в вашем подчинении, сударь? Батальон?

— Достаточно много, чтобы я не справился. — Уршанаби скрыл боль под маской апатичной отстранённости. — В конце концов, я политик, а не полководец.

Бригадир Ирай Рошан упёрся правой ногой в валун и несколько секунд изучал через бинокль поле боя.

— Ружья наготове, мужики! — приказал он взводам. — Пушки выкатить! Неверные хотят окружить наших братьев. Сейчас и проверим, на что годны наши новые игрушки.

— Очистим огнём неверных, — кровожадно засмеялся его вестовой, лысоватый ветеран

с кривым от множества переломов носом.

Рошан глянул на него с кривой усмешкой.

— Стрелки, в наступление! — крикнул он, взмахнув саблей. — Рты сомкнуть до первого залпа. Чтоб и песчинка не залетела! Покажем благородным господам, что такое настоящая кара с небес.

Хузари Алдаз, командир праведной дивизии, сумел добиться многого с приходом войны, хотя отец проклял его, а старший брат отвернулся, когда он решил примкнуть к воинству Пророка. Но что значили их проклятия? Брат отдал армии десяток лет и до сих пор не прыгнул выше капитана, а он, Алдаз, решал судьбы тысяч в кровавых сражениях.

На этот раз Хузари оказался в тяжёлом положении, приняв на свою дивизию удар основных сил неверных, но тут он услышал долгожданные ружейные залпы.

— Никак бригадир Рошан... — расплылся в улыбке он, приподнявшись на стремянах. — Братья, ко мне!

С южного склона рядами наступали стрелки, над ними реяло серое знамя со священными письменами, а с вершины холма на врага обрушивались пушечные снаряды.

— Пистолеты зарядить! — рявкнул Хузари. — Сабли поднять! Мы идём в бой!

Кое-как оправившись от натиска, конники добровольцев развернулись навстречу стрелкам и помчались прямо на них, намереваясь разбить их строй одним решительным налётом. Хузари не собирался давать им и шанса, и повёл свой эскадрон наперерез.

— Хузза! — прокричал командир, на скаку прострелив голову вражескому офицеру. — Бей неверных!

Столкновение двух кавалерий получилось сродни удару молота о наковальню. Над головами вознеслись страшные вопли и грохот. Как бы то ни было, продвижение неверных увязло в цепкой хватке праведного воинства.

Хузари Алдаз ворвался в сердце битвы, точно бог войны, и с безумными криками принялся рубить саблей во все стороны. Заметив очередного врага, он рванулся к нему и ударил наотмашь. Лезвие рассекло всаднику горло, но в тот же момент клинок неверного вошёл в грудь Хузари по самую рукоять. Командир свалился с седла и едва успел приподняться на локтях, как копыта лошади раздробили ему череп.

— Безумные фанатики, — процедил Уршанаби Немешиа, сминая в руках телеграфную ленту с донесением. — И кого Пророк на этот раз околдовал, что ему принесли артиллерию на блюдечке? Господин Шерзаи, отправьте ответ: «Вести в бой резервы, точка. Удар по правому флангу, точка». И принесите воды, будьте любезны.

— Будет сделано! — энергично кивнул Шерзаи Гхазан и бросился к телеграфисту. Вскоре раздалось мерное постукивание. Сражение уже было проиграно, но командующий намеревался сделать всё возможное, чтобы свести потери к минимуму.

— Как вы думаете, господин Шерзаи, — спустя минуту задумчиво произнёс Уршанаби Немешиа, разглаживая карту кончиками пальцев, — каковы шансы у третьего полка?

— Трудно сказать, ваше превосходительство, — ответил адъютант, поставив на стол стакан с водой. — Наступление увязло, но фланг они удержат. Против них — корпус горцев, а они даже не солдаты...

Конный отряд летел галопом, и земля содрогалась от стука копыт.

— Вперёд, братья! — орал, срывая голос, командир крыла. — За Пророка!

«Я избран, — повторял про себя Джашар, прижавшись к шее лошади. — Я избран!»

— Гафур смотрит на нас!

«Где ты сейчас, Гафур? Ты и правда видишь? Я помню тебя в тот день, я был

свидетелем! О Гафур, отец всех мучеников, взгляни на меня!»

Впереди показались укрепления неверных. Левой рукой Джашар нащупал за воротником упругую нить, протянувшуюся между двумя мирами.

— Именем Пророка! — прокричал он во весь голос, а следом прошептал: — Свидетельствую...

Джашар дёрнул за нить, приводя в действие священный механизм — и через миг посреди окровавленной степи одна за другой вспыхнули звёзды, отмечая жизни, посвящённые победе Пророка.

— Первый и четвёртый полк выбил культистов из Эруля, — доложил Шерзаи Гхазан. — Однако... на левом фланге катастрофа, ваше превосходительство. Третий полк понёс тяжёлые потери. Сообщают, что несколько фанатиков подорвали себя, чтобы разрушить укрепления.

— Этого я не предусмотрел, — печально констатировал Уршанаби Немешиа. — Впрочем, план по перегруппировке прежний. «Всем частям, точка. Отступить к Ишфану и перейти к обороне, точка. Ожидать подкрепления, точка». Прошу отправить.

— Будет исполнено, — ровным тоном ответил телеграфист.

— Велите приготовить штаб-вагон, господин Шерзаи, — поднял взгляд командующий. — В такой час я должен быть со своими людьми. Направляемся к Ишфану.

Секунду Шерзаи Гхазан выглядел так, словно у него закружилась голова, но быстро пришёл в себя.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — отчеканил он, прикладывая руку к голове. В глазах у него горел огонь.

Пение на радио сменилось выступлением диктора, обзором последних новостей. Впрочем, полицейских интересовали новости другого толка.

Закурив новую сигарету, комиссар поражённо покивал головой:

— Выходит, вы тот самый Уршанаби. Командующий Восточного Кашадфана.

— К сожалению, — ответил Уршанаби Немешиа, опустив голову. — За считанные месяцы мы потеряли результаты полутора лет. И всё ради того, чтобы в конце нам открылась ужасная истина.

— О какой истине вы говорите, сударь? — уточнил курсант.

— Всё это время мы боролись за обезглавленный труп.

Курсант хотел было сделать остроумное замечание, но лишь вздохнул.

— Мне жаль.

— Ваше превосходительство, вам пора отступать, — гулко произнёс Овадьяс, крупный, точно скала, кадровый колдун. — Полки Пророка уже на подходе.

— Эвакуация ещё не закончена, — покачал головой Уршанаби Немешиа. — Я офицер кашадфанской армии. Я не могу бросить своих людей и бежать.

— Верные Республике адепты прикроют ваш отход, дадут вам время, — флегматично добавил колдун. — Если поспешите сейчас, большая часть ваших людей успеет выйти к перевалу, а там уже — Махатлан.

— Но как же вы, господин Овадьяс? — нахмурился Уршанаби, с сомнением косясь на броневаягон. — У вас не будет и такого шанса.

— Кашадфан — мой дом, — проворчал Овадьяс. — Если я тут погибну, так тому и быть.

— Значит, решено.

— Решено, ваше превосходительство, — кивнул колдун. — Да здравствует Республика!

— Да здравствует...

Уршанаби поднялся в защищённый вагон поезда. Стоя на самой высокой ступеньке, он окидывал взглядом город и никак не мог насытиться его видами. Он никак не мог поверить в то, что всё кончено и прежний Кашадфан умер навсегда. Серые мундиры адептов растворились в серости мёртвых зданий и улиц. Всё стало золой.

Уршанаби долго не решался отдать последний приказ, пока не услышал дрожащие перешёптывания за спиной. Командующий повернулся, поправил пуговицы на кителе и скомандовал:

— Пора.

Состав ехал в скорбном молчании. На конечной станции, где обрывались железнодорожные пути, последние добровольцы собрали остатки оружия, выгрузили лошадей и дальше поехали верхом, оставив после себя заминированные вагоны. Прощальный подарок для культистов.

Вскоре маленькая конная группа Уршанаби нагнала тянущуюся вдаль колонну — эвакуирующихся солдат, офицеров и горожан из предыдущей волны — и соединилась с нею. Люди и кони устали, но продолжали двигаться к спасительному переходу. На появление в колонне командующего почти никто не отреагировал. Лишь несколько человек поприветствовали его, да и то без чувства, словно из досадной необходимости. Уршанаби не возражал, он уже отбросил последние крохи гордости.

Впереди лежал горный перевал, а за ним — казрешский разлом, который в этот день, судя по всему, был спокоен, точно озёрная гладь. Когда над вершинами гор стали различимы тёмные спектральные всполохи, многие вздохнули с облегчением.

Но радость длилась недолго.

Колонна взорвалась криками и всевозможными сигналами тревоги. На горизонте появилось громадное облако пыли, а в следующий миг дрожь земли сообщила о приближении эскадрона культистов.

Уршанаби пришпорил коня и поскакал к голове колонны. Повсюду метались испуганные предзнаменованием жестокой смерти люди, громко всхрапывали лошади. Тем временем, культисты неумолимо мчались на смешавшийся строй. Слишком поздно, чтобы бежать.

Загудел рог.

Выкрикивая бесполезные приказы, Уршанаби делал всё, чтобы выстроить солдат для

обороны. Вставший на пути молодой капитан попытался что-то возразить, но вдруг рухнул на бок и захрипел; пуля культиста пробила ему шею. Жеребец под Уршанаби начал беситься, и с большим трудом удалось его усмирить. Командующий оглянулся и увидел тщетно старавшихся убежать от всадников людей, падающих от огнестрельных ран или под ударами сабель. «Это моя вина, — подумал он, глядя вслед поскакавшему прямо на культистов адъютанта Шерзаи. — Они все умирают... Из-за меня... Из-за меня».

Вокруг гремели выстрелы, сверкали сабли, звенели гильзы и пронзительно ржали лошади. Повсюду лилась кровь. Уршанаби спешил и решительно двинулся вглубь степи: если они устроили эту погоню за ним, то пусть забирают. Бородатый всадник в выцветшей военной рубахе заметил его и навёл пистолет. «Покончим с этим», — мысленно произнёс командующий.

Справа что-то ярко вспыхнуло. Земля вздыбилась, вырвалась из-под ног и крепко ударила по затылку.

Будто находясь под водой, Уршанаби безучастно глядел, как мерцает и расплывается картина перед глазами, как ломаются человеческие силуэты. Кто-то схватил его под руки и потащил прочь. Он пытался протестовать, но язык не слушался. Стрельба не прекращалась ни на минуту, но отчего-то напоминала барабанный концерт. Сверху нависло чьё-то лицо. Губы зашевелились, но беззвучно, словно за толстым стеклом. Наблюдать за этим безумием было выше его сил, и командующий ненадолго смежил веки.

Уршанаби открыл глаза и ощутил непривычное спокойствие. В небе светило бледное осеннее солнце. Выстрелы и крики прекратились, стали слышны тихие разговоры.

Над ним склонилась молодая женщина-санитарка.

— Господин командующий! — удивилась она. — Вы живы!

— Жив... Я... Где мы? — пробормотал Уршанаби, морщась от боли и звона в ушах. — Куда... куда вы меня?..

— Культисты хотели обойти нас и отрезать от перевала, господин командующий. Но мы прорвались, прорвались!

— Прорвались... да...

— Скоро будем в безопасности.

Заскрипели оси повозки. Уршанаби хотел сесть, но тут же почувствовал, что его тело будто искололи десятком ножей, и обессиленно уставился в серое небо. Теперь спектральные всполохи танцевали над самой головой. Засмотревшись на это зрелище, командующий вдруг ощутил нечто, что ещё совсем недавно казалось чуждым. «Дива меня раздери, — подумал он, — я хочу жить!»

В ушах опять зазвенело, словно от затрешины, и, хотя раны пульсировали острой болью, он начал проваливаться в сон.

В глазах помутнело, и огонёк на конце сигареты комиссара на долю секунды почудился далёкой звездой. Уршанаби встряхнул головой.

— При эвакуации нам повезло проскочить между бурями в разломе. Я хотя тогда не сильно в это верил, да и не пытался после того, как на нас из ниоткуда обрушились культисты. Только потом мне рассказали, что офицер-адепт, на которого я оставил город, пропустил отряды Пророка в обмен на гарантии безопасности для жителей. — Он выпустил воздух через тонкую щель между губ. — Не могу его за это винить. Как знать, быть может, на

его месте поступил бы так же.

— К слову о гарантиях, — неожиданно заговорил комиссар, — я слышал, якобы этот Пророк обещал людям справедливость и всеобщее равенство. Разве вы, сударь, как политик, не могли пообещать то же самое, чтобы было понятно, за что сражаться?

Вопрос застал Уршанаби врасплох, в нём было что-то... неправильное.

— Совершенно верно, — сказал он после продолжительного молчания. — Я, как вы, господин, отметили, политик. Однако род мой тесно связан с военной аристократией. Так позвольте спросить, как я могу обещать людям то, чего не могу им дать?

— Полагаю, Пророк теперь может дать людям многое, — произнёс курсант с грустной иронией. — В том числе и то, о чём они и помыслить не могли.

Куова опустился на стул возле кровати. Он аккуратно вытер платком пот со лба друга и покачал головой. Ему хорошо было известно, что последние месяцы Гольяс тяжело болел, но в этот день лекарь сказал, что время пришло.

Несколько минут они даже не смотрели друг на друга, словно оба опасались, к чему может привести возможный разговор. В желтоватом свете ламп лицо Гольяса казалось восковым. Он тяжело дышал и то и дело кашлял, иногда оставляя на ладони кровавые брызги. Воля в нём давно умерла, и сопротивлялось лишь тело.

— Зачем ты пришёл, Калех? — хрипло спросил Гольяс, обратив к нему измождённое лицо.

Куова опустил взгляд. Хоть глаза библиотекаря помутнели от жара, он сумел чётко прочитать в них обиду: «Если бы не ты, я бы прожил спокойную жизнь».

— Ты мой друг, и я не мог тебя оставить.

«Но уже ничего не могу для тебя сделать».

Гольяс хмыкнул. Со стороны это больше походило на стон.

— Иногда мне хочется злиться на тебя... Я ведь говорил. Говорил, что этим всё закончится. Столько крови, столько смертей... Все эти люди...

«Жертвы».

Гольяс мучительно закашлялся.

— Топливо для твоих костров.

«Однако это был их собственный выбор».

— Это война — трагедия, Гольяс. Но посмотри! Множество душ очистилось, множество людей познали, как надежда может вдохнуть в них жизнь. Отныне каждый рабочий, каждый солдат и каждый учёных муж знает, во что он верит.

Разум Куовы тотчас же ухватился за упоминание веры и вытолкнул из памяти подсказку. Некоторым людям стоит напоминать, ради чего они жили и боролись.

— Помнишь, ты говорил, что вера в Кашадфана умерла?

В глазах Гольяса отразилось страдание.

— Никто не просил...

«Так ли это? Разве не ты сетовал на несправедливость вокруг, обличая бесчестных чиновников и смеясь над отчаявшимися что-то изменить стариками? Как удивительно люди мыслят порой...»

— Я понимаю, какое отчаяние, Гольяс, охватило тебя. Ты боишься, что совершил ошибку, открыв передо мною дверь. Но пойми: нельзя освободиться от оков, не содрав кожу

на руках.

— Но о том и речь, Калех! — воскликнул Гольяс и опять закашлялся. На ладони его появилась свежая кровь. — Теперь эти люди поклоняются тебе. Они будут рады, если *ты* закуёшь их.

Его лицо покрылось красноватыми пятнами. Куова будто почувствовал, какую боль испытывает его друг. «И всё же...»

— Они поклоняются слову, которое я несу. Истине, на которую я открыл им глаза. Больше не будет алчных жрецов и лживых проповедников. Все эти храмы — памятники тщеславия, и воля Спасителя на то, чтобы они были уничтожены. Взамен я отстрою заново разрушенный зиккурат, первый храм истинной веры.

На ореховых глазах библиотекаря выступила влага.

— Я не знаю, что ты за человек... И, стало быть, никогда не знал.

«...колдун из далёкой древности или переродившийся Спаситель?» — вспомнил он давнюю шутку, но уже без улыбки.

— Я не стану лгать тебе, утверждая, будто бы ничего не скрывал от тебя. Однако же я не утаивал от тебя самого важного. Я видел ужасные вещи, Гольяс. Узри ты это, и понял бы, почему мне никак не найти покоя. Поэтому мой долг — призвать народ Кашадфана к единству перед ликом той тьмы, что грядёт. Перестань мучить себя самообвинениями, ведь и благодаря тебе у этого мира появился шанс.

«Но и этого ты не просил, правда?»

— Этот мир так жесток... Заслуживает ли он спасения?

— Любая душа заслуживает спасения, Гольяс. А в мире душ... Неужели ты ничему не научился? Я столько раз говорил, как важно верить не в недостижимую святость, а в опору ближнего. И сейчас ты отрицаешь эту веру?

«Зачем я продолжаю мучить его? Он и так готов признаться».

От этих слов Гольяс вздрогнул, его дыхание участилось. Он едва не задохнулся, но на удивление быстро оправился и глухо застонал.

— Я знаю, что моя слабость огорчает тебя. Прости меня за это.

— Это не твоя вина. Ты слишком сильно устал.

«Осознание этого ранит. Даже мои силы не вечны...»

— Спаситель милостивый, как же всё изменилось... — Библиотекарь глубоко вздохнул, а затем из последних сил подался вперёд. — Позаботься об Ионе, но молю тебя, Калех, огради его. Что бы ты ни задумал, огради его от этого.

— Я не могу тебе отказать. Обещаю, что исполню твою просьбу.

Словно ему мало было данного обещания, Гольяс вцепился в одежду Куовы и подтянулся к нему. Руки библиотекаря дрожали: силы стремительно покидали его тело. Он посмотрел на Куову — и широко распахнул глаза, как будто к нему снизошло величайшее откровение.

— Многих пророков настигла кара за то, что они решили занять места богов... Не поступай так. В конце концов истина выскользнет из пальцев... покинет сердце...

«Тогда придёт и мой черёд».

— Не тревожься об этом, друг мой, — тихо сказал Куова. — Я знаю, чего боги ждут от меня.

Гольяс разжал пальцы и опустил на подушку, прикрыл глаза. Затем еле слышно прошептал:

— Наверное, это очень приятное чувство...

Он тихо вздохнул, и тут его голова качнулась в сторону и застыла — словно заводной механизм, прошедший полный оборот ключа. Губы его сжались, грудь перестала вздыматься. Комнату наполнил стойкий запах целебных трав.

С неподдельным ошеломлением Куова смотрел на мёртвое лицо Урнунгаля Гольяса — человека, который успел стать ему другом в новом мире.

Он стёр большим пальцем покотившуюся по левой щеке слезу и медленно поднялся на ноги. И покинул дом.

На улице протяжно прозвучал клаксон, точно звонок в театре между антрактами.

В кабинете комиссара в очередной раз повисла тишина. Уршанаби и полицейские, словно сговорившись, молча смотрели куда-то в центр комнаты.

Тихо было и в коридоре. День близился к концу. Радио затихло, и до уха не доносились даже звуки шагов. Прогорела и последняя сигарета, зажата в пальцах комиссара.

— Ходили слухи, что вы погибли при эвакуации, сударь Уршанаби, — сказал комиссар, сминая окурок о дно пепельницы. — Потому нам нужно было убедиться, что ваше появление во Фларелоне — не простое совпадение. В связи со всеми этими... событиями на вашей родине, приходится перепроверять любые сведения.

Он стукнул себя пальцами по лбу и растёр ладонью лицо. Уршанаби решил, что тот одёрнул себя из-за бессмысленных или нежеланных слов, однако он и сам не знал, какие слова хотел бы услышать.

— Вы многое пережили, сударь, — закончил комиссар уже менее формально. — Если хотите, можете остаться в Зефиросе. Возможно, кому-то захочется узнать вашу историю... подробнее. Но вы будете здесь в безопасности. Полиция Зефироса свято хранит покой города.

Уршанаби встал, выпрямился во весь рост и, не обращая внимания на потемнение в глазах, неспешно подошёл к нему. Курсант тоже поднялся. Уршанаби обменялся в полицейскими рукопожатиями.

— Я благодарю вас за эту возможность, — сказал он.

— Спасибо за беседу, сударь. — Когда пальцы молодого полицейского сомкнулись вокруг его ладони, на его лице появилось слабое подобие улыбки. — Да хранит вас Спаситель.

Уршанаби ошарашенно приоткрыл рот, но не нашёлся что ответить. На миг это показалось очередным саркастическим выпадом, однако же нет — курсант говорил искренне. Ничего не оставалось, кроме как вежливо усмехнуться и побрести к выходу.

Уже у самых дверей какой-то импульс в мозгу заставил его остановиться и обернуться.

— Боюсь, Спасителю нет до меня дела, — Уршанаби Немешиас покачал головой. — Впрочем, как и до всего рода человеческого.

Алулим, Теократическая Республика Кашадфан. 1630 год

Зимнее солнце взобралось на самую вершину небесного купола, словно намеревалось проследить, куда пойдёт Иона. Он покинул мавзолей, где осталась дожидаться следующей встречи урна с прахом отца, и бодро засеменял через спящий сад к дому. Несмотря на середину месяца Морозов, на земле не лежало ни крупицы снега. Даже холода давали о себе знать только вполсилы, так что хватало старого папиного пальто, чтобы не заоченеть под редкими порывами ветра. На улице, прямо как и на душе Ионы, всё происходило тихо и размеренно.

Он остановился у маленького деревянного ларька. Неразговорчивый, но улыбчивый торговец продал ему стакан горячего шипящего лимонада, который в зимнюю пору разливали едва ли не в каждом квартале Алулима. Иона отошёл в сторонку и принялся неторопливо потягивать сладкое питьё, чувствуя как по всему телу расплзается тепло. С тех пор, как папка умер, он редко баловал себя чем-то подобным, вынужденный прозябать в городской библиотеке, чтобы сводить концы с концами. Калеха он видел очень редко, и ещё реже удавалось перекинуться хоть парой словечек.

— Дядя, купите газету!

Далеко не сразу Иона сообразил, что мальчик-газетчик обращается именно к нему. Однако больше поблизости никого не было — только что-то насвистывающий торговец, но уголок газеты глядел отнюдь не в его сторону. Лохматый лопухий мальчишка нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Так и не отойдя от потрясения, Иона нащупал в кошельке один ильташи, но не успел даже протянуть, как подобает, а газетчик уже выхватил монету и, всучив свежий номер, помчался по своим делам. Иона почесал подбородок о плечо.

Дядя? Это уже что-то новое.

Он повертел головой во все стороны, но так и не нашёл ничего, похожего на зеркало. Хотя вряд ли что-то успело поменяться за пролетевшее утро: те же семнадцать лет, собранные в короткий хвост рыжие волосы, жидкая юношеская борода и потёртое пенсне на носу. Похоже, он и правда постарел.

Когда шипучий напиток улёгся в желудке, Иона вспомнил о газете и развернул её. На титульном листе расположился чёрно-белый портрет мужчины. Он взгляделся в него и чуть не вскрикнул от потрясения. Хотя ветер давно стих, ему почудилось, что потоки холодного воздуха забираются за отвороты пальто. Иона сорвался с места, словно ужаленный, и, свернув газету трубкой, решительным шагом направился в центр Алулима. К месту, где почти наверняка можно было повстречать дядюшку Калеха.

Под ногами расстелился серый скомканный ковёр потрескавшейся брусчатки. Иона вышел на Театральную улицу, невольно вспомнив пышные торжества, которые некогда на ней проводились. Ещё не время.

Затаив дыхание, он проскочил через узкую улочку, где когда-то ему не посчастливилось столкнуться с Абрихелем. Впрочем, адептам повезло куда меньше.

Он срезал путь через маленький дворик, где пожилая пара неторопливо играла в невш.

Он пересёк оживлённую Кедровую площадь, с болью в сердце пройдя мимо мемориала, посвящённого жертвам террора багроводесятников.

Он прошёл по тихому мосту, на парапете которого всё ещё виднелись восковые разводы

от сотен сгоревших свечей.

Он вышел на полупустую Музейную площадь и замер, заметив один из фонарных столбов — к вершине его приварили выкованный искусным кузнецом бронзовый кусок верёвки.

Лишь на секунду задержавшись возле места несостоявшейся казни дядюшки Калеха, Иона свернул у самого «святого круга» на широкий проспект.

Он зашагал вдоль стен старой тюрьмы, ловко лавируя между сонно бредущими прохожими. Происходящее за этими стенами давно перестало волновать обывателей. Как раз в сей момент оттуда раздался дерзкий выкрик:

— Да здравствует сво... — И тут же прервался громом выстрелов.

Иона ускорил шаг.

Оказавшись на Шегеше, он краем глаза заметил в отдалении понурое здание храма с заколоченными дверями. Всех их ждёт такая участь.

Впереди раскинулась главная площадь. Добрую треть её охватила высокая стена из светлого кирпича, окружавшая древний зиккурат и прилегающие к нему территории. Под солнечными лучами она казалась белой. Крошечные тени ничуть не омрачали её чистоты. По рассказам дядюшки именно так выглядело сердце Алулима тысячелетия назад.

От непрерывного быстрого шага разболелись икры ног. Остановившись на минуту, чтобы перевести дух, Иона двинулся к зиккурату. Некоторые люди узнавали его и уступали дорогу. Тот мальчик, воспитанник Пророка — так они называли его вполголоса. Он почти не обращал внимания на их разговоры, захваченный видом строительных машин, возвышающихся над стенами. Настоящие титаны на службе человечества.

У самых ворот он обернулся, посмотрел на собравшихся для совместной молитвы людей, окинул взглядом пройденный путь и поражённо выдохнул.

«Этот город не узнать, — подумал он. — С появлением дядюшки Алулим стал совершенно другим — и более честным, и более... опасным».

Кирпичная стена под ладонью была прохладной и шершавой.

Кто-то за спиной удивлённо воскликнул, когда Иона прошёл под широкой аркой. Пробираясь мимо строительных лесов, он касался каждого камня, ощущая пульсацию вечности. Он будто бы шёл одновременно в двух мирах, по-другому дышал, и даже сердце в груди билось иначе. Ещё немного — и в душе родятся первые всполохи магии...

До Ионы донеслись голоса, и от одного из них по спине пробежал холодок. Он встряхнул головой, но слова продолжали литься морозным потоком.

— Это будет воистину грандиозный храм, возвышающийся над целым миром...

Эти слова, конечно же, принадлежали Абрихелю.

— На этих камнях мы пишем новую историю Кашадфана, — заявил колдун. — Только прикажи, и наследие правителей-глупцов будет уничтожено. Их имена, а также все их следы обратятся в пыль, унесённую ветром.

Ионе показалось, будто кто-то огрел его книгой по голове. Он застыл на месте, раскрыв рот, не в силах пошевелиться; в памяти всплыли хищные глаза Абрихеля.

Как долго ещё колдун планирует плести свои сети? И почему дядюшка терпит его надменное сумасшествие?

«Это же невозможно! История не подчиняется воле человека!»

Наконец послышался голос Калеха, и его бархат разительно отличался от колючих хрипов колдуна. Обещание безопасности, увлекло Иону вглубь, словно течение реки.

Мелькавшие изредка строители поглядывали на него со смесью зависти и недоумения.

— В наших руках, — заговорил Калех, — инструменты непомерной силы. Недостаточно разрушить столпы старых догм, разъедающих мягкие сердца людей. Нам предстоит вернуть Кашадфану славу великого царства, что было прежде. Очистить общество от суетности и порочности. Нам не придётся ничего уничтожать, если люди научатся мыслить, как верные слуги Спасителя. Тогда они совершат всё сами. А мы сохраним мир.

Иона вдохнул поглубже и зашагал вперёд. Каждый шаг наполнял его уверенностью, напоминал о важности задуманного. Напоминал о том, что он когда-то гордо звал себя вестником.

— Дядюшка Калех! — крикнул он, потрясая свёрнутой газетой. — Важные новости!

Во внезапной тишине раздались беззлобные смешки.

Гвардейцы, облачённые в аскетичные серые мундиры, расступились перед Ионой. Он едва не присвистнул, когда осознал, какое великолепие предстало перед его глазами...

Восстановленная истина.

Великий Белый зиккурат.

Иона увидел Абрихеля в облачении адепта. Теперь тот выглядел куда скромнее, без выставленных напоказ наград и отличительных знаков. В то же время сдержанность в одежде и обритая наголо голова лишь сильнее подчёркивали его опасность. Иона увидел несколько чиновников в неброских костюмах, всем своим видом показывавших, что не привыкли к новой роли. Увидел и пару серых, как камень, гвардейцев, вооружённых пистолетами и саблями.

Среди сопровождения он заметил высокую женщину с красными волосами и плотоядным взглядом. Никогда прежде она не попадалась ему на глаза.

Иона вдруг почувствовал, что здесь не хватало Гафура. Не хватало даже Артахшассы — того, каким он был прежде.

Но ещё больше не хватало отца.

Тут он встретился глазами с дядюшкой, стоявшим у подножия зиккурата, словно могущественный царь. Его расчёсанные и свободно уложенные волосы по-прежнему блестели медью, борода была заплетена в плотные косички. Иона осознал, что тот несколько не постарел за все эти годы, только больше понимания отражалось в карих глазах. Следом пришло понимание, что он встретился не просто со старым другом семьи.

Он встретился с Пророком.

Калех поприветствовал его отеческой улыбкой.

— Иона. Как давно мы не виделись. Что ты хочешь мне рассказать?

Оглядевшись по сторонам, Иона собрался с беспокойными мыслями.

— В Аредианской империи, — сказал он, ощущая биение сердца в груди, — произошли великие перемены.

— Успокойся. Нет никаких причин волноваться. — В голосе Калеха звучала добродушная усмешка. Он поднял правую руку и обвёл пространство вокруг себя. — Взгляни. У нас тоже произошли великие перемены.

Кто-то в стороне добродушно рассмеялся, как частенько бывало, когда дядюшка шутил.

— Этот человек, — сказал Иона, разворачивая газету перед Калехом, — он был в том видении, много лет назад?

Автор статьи утверждал, что престарелый аредианский император передал всю власть некоему Аэрелиану Грегору, имперскому канцлеру. То был молодой могучий мужчина с

густой бородой, и, хотя по фотографии нельзя сказать наверняка, Иона мог поклясться, что глаза канцлера имели цвет стали.

— Кто он такой? — спросил Абрихель, подкравшись сбоку. — Впервые его вижу.

Иона осторожно отшагнул от адепта и чуть было не налетел на Калеха. Он обвёл указательным пальцем вокруг фотографии.

— Это он?

Он увидел, как дядюшка нахмурился, увидел складку между бровей, ставшую более явной. Дядюшка ведь рассказывал... И почему же никто так долго ему не верил?

Абрихель фыркнул.

— Что-то мне в нём не нравится, — проворчал он. — Не могу объяснить.

— Предсказание сбывается? — спросил Иона, беспокойно глядя в карие глаза Пророка. — Грядёт восхождение зла?

То, что ему казалось страшной сказкой, оказалось явью.

— Иона, — тепло сказал Калех. Он осмотрелся, словно подсчитывал направленные на него внимательные взгляды. — Давай немного пройдемся.

Откуда же этот трепет? Иона молча последовал за Пророком. Чем дальше он находился рядом с ним, тем сильнее чувствовал исходящую от него силу. Словно тот действительно был царём, а не странником.

Они, словно учитель с любимым учеником, рука об руку принялись взбираться по лестнице зиккурата. Душа Ионы будто качалась на маятнике, но Калех, если и заметил это, виду не подал.

— Я давно не следил за внешним миром. Расскажешь мне, что ты узнал?

«Почему мне так беспокойно?»

Больше с раздражением, нежели со страхом Иона услышал за спиной шаркающие и размеренные шаги Абрихеля, и ему вдруг захотелось найти масляные краски, чтобы нарисовать что-нибудь на лысой голове адепта. В мыслях возникла забавная картина.

Он хохотнул.

— Абрихель, будь добр, останься здесь, — через плечо обратился к колдуну Калех. — Проследи, чтобы ничто не нарушило наш замысел.

— Канцлер перестраивает армию, — вполголоса сообщил Иона, едва они поднялись на несколько ступеней. — Такого не было уже много лет. С тех самых пор, как единый Аредиап распался.

Он глянул на Пророка, пытаясь понять, гневается тот или обрадован.

— Поговаривают, что у них теперь на каждом углу трубят о новом рассвете империи, — продолжал Иона. — И люди, похоже, в это верят.

— Люди способны поверить во что угодно, — бесстрастно ответил Калех. — А велика ли власть этого... Аэрелиана?

— Я не... не знаю... — Иона запнулся, борясь с гложушим душу страхом. — Все судачат о том, что другая партия намерена пошатнуть его позиции...

Момент молчания затянулся, нарушаемый только бормотанием людей внизу. Иона выжидал, пока Пророк вынырнет из океана дум, и опустил глаза, не в силах больше глядеть на сияющий образ человека, которого когда-то называл дядюшкой.

Калех, казалось, не знал, что сказать.

Иона окинул взглядом окружающие площадь зиккурата кварталы, отчего-то выглядевшие совершенно... простыми. Прямо как люди, над которыми стоял он рядом с Пророком.

Высоко.

— Чем бы всё ни закончилось, мы ещё, несомненно, об этом услышим.

— Но что же теперь? — спросил Иона. — Это и вправду тот тиран из видений?

— Мне очень не хватает твоего отца, Иона. — Калех проигнорировал вопрос. — Но и твоя помощь может оказаться бесценной в предстоящие тёмные времена.

На лице Ионы выступил прохладный пот, и он, едва подавляя дрожь, перевёл взгляд на Пророка. Тот смотрел на него, как на любимого сына, а в глазах теплилась доброжелательность. Смотрел на него. Сам Пророк!

Слова будто бы окружали со всех сторон.

— Я хочу, чтобы ты занял место в архиве при моём храме, — сказал он голосом мягким, но повелительным и не терпящем отказа. — Ты станешь одним из чтецов.

Иона кое-как нашёл в себе силы кивнуть. Откровение пронзило его плотным лучом света, раскрыло глаза на истинную суть того, к кому он в течение стольких лет смел обращаться столь непочтительно...

— Да, господин мой...

И, преклонив колена, он увидел улыбку на лице Пророка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net